

Российская академия наук
Институт российской истории

К.А. Аверьянов

КУПЛИ ИВАНА КАЛИТЫ

Москва
Энциклопедия российских деревень
2001

Российская академия наук
Институт российской истории

К.А. Аверьянов

КУПЛИ ИВАНА КАЛИТЫ

Москва
Энциклопедия российских деревень
2001

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории РАН*

Рецензенты:

академик В.Л. Янин,
член-корреспондент РАН Я.Н. Шапов,
доктор исторических наук Н.С. Борисов

Работа выполнена при поддержке РГНФ
в рамках проекта "Историческая география России"
(грант 00-01-00232а)

Аверьянов К.А.

Купли Ивана Калиты. М.: Энциклопедия российских деревень,
2001. - 240 с.

ISBN 5-88367-055-5

Монография посвящена одному из самых интересных и загадочных вопросов русской истории XIV в., породившему немало споров среди историков, - проблеме так называемых "купель Ивана Калиты". В книге подробно анализируются взгляды предшествующих исследователей на суть вопроса, детально рассматривается история присоединения к Московскому княжеству Галича, Белоозера и Углича - тех городов, которые великий князь Дмитрий Донской в своем завещании 1389 г. именует "куплями деда своего".

Автор выражает глубокую признательность за советы, консультации и критические замечания доктору исторических наук М.Е. Бычковой, доктору исторических наук А.А. Горскому, бакалавру истории А.В. Кузьмину

ISBN 5-88367-055-5

© К.А. Аверьянов, 2001
© Институт российской истории РАН, 2001

Предисловие

Суть проблемы.

История формирования единого Русского государства всегда была одним из главных предметов внимания отечественных историков. Тем не менее, мы должны признать, что целый ряд важных сторон процесса централизации страны все еще остается своего рода "белым пятном" и требует своего изучения. Одним из подобных вопросов, породившим массу всевозможных догадок и предположений исследователей, на протяжении уже двух столетий является вопрос о так называемых "куплях" Ивана Калиты.

Суть его заключается в следующем. Составляя в 1389 г. свою вторую духовную грамоту (завещание), великий князь Дмитрий Иванович Донской сделал следующие распоряжения: "А сына своего благословляю, князя Юрья, *своего деда куплею*, Галичем, со всеми волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с теми селы, которые тягли к Костроме, Микульское и Борисовское. А сына своего, князя Андрея, благословляю *куплею же деда своего*, Белоозеромъ, со всеми волостми, и Вольским съ Шаготью, и Милолюбьский езь, и съ слободками, что были детии моих. А сына своего, князя Петра, благословляю *куплею же своего деда*, Оугличем полем, и что к нему потягло, да Тошною и Сямою".¹

В тексте завещания наше внимание привлекает троекратное указание на то, что данные города являлись для Дмитрия Донского "куплями" его деда, которым, как известно, являлся живший на полстолетия раньше великий князь Иван Данилович Калита. До наших дней сохранились его две духовные грамоты, дошедшие, что важно, в подлиннике. Но в них нет ни малейшего намека на то, что Калита владел упомянутыми его внуком городами.² Что же имел в виду Дмитрий Донской, когда называл Галич, Белоозеро и Углич "куплями своего деда"? - этот вопрос интересовал историков еще со времен Н.М. Карамзина.

Мнения историков.

Стремясь хоть как-то объяснить отмеченное выше противоречие, Н.М. Карамзин предположил, что Калита приобрел указанные города незадолго до своей кончины, и тем самым они просто не попали в составленное несколькими годами раньше завещание

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М.; Л., 1950. № 12. С. 34. (Далее: ДДГ). Выделено нами.

² ДДГ. № 1(а, б). С. 7 - 11.

московского князя.³ Однако, здесь его подстерегала другая трудность: до нас дошли духовные грамоты сыновей Калиты - Семена Гордого и Ивана Красного, но и в них опять таки нет ни одного слова про Галич, Углич и Белоозеро.⁴

Для объяснения этого парадокса Н.М. Карамзин нашел довольно остроумный выход. По его мнению, эти города вплоть до эпохи Дмитрия Донского "не были еще совершенно присоединены к Московскому княжению".⁵ Как известно, в XIV в. московские князья одновременно занимали два княжеских стола - собственно московский, являвшийся для них родовым владением, и великокняжеский во Владимире, право на который они получали по ханскому ярлыку. По мнению историографа, Калита приобретением этих трех городов расширял не собственно московские владения, а великокняжеские пределы: "сии уделы до времен Донского считались великокняжескими, а не московскими: потому не упоминается об них в завещаниях сыновей Калитиных".⁶ Действительно, хотя и Иван Калита, и его сыновья являлись великими князьями владимирскими, в их завещаниях никогда не определялись судьбы великого княжения, распоряжение которым зависело исключительно от воли хана, а лишь упоминались отдельные княжеские села на его территории. И только внук Калиты, через несколько лет после знаменитой Куликовской битвы, ознаменовавший начало заката ордынского влияния, смог включить в текст своего завещания 1389 г. многозначительную фразу: "А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княженьем".⁷ Именно сразу после нее идет процитированный выше нами текст о Галиче, Белоозере и Угличе. Тем самым Дмитрий Донской ясно показывал, что теперь не хан, а московский князь имеет полное право распоряжаться как всем великим княжением, так и отдельными его частями.

Однако, эта внешне очень логичная и стройная схема, казалось бы полностью объяснявшая отсутствие упоминаний об этих трех городах в завещаниях Калиты и его сыновей, имела один небольшой изъян, на который указал С.М. Соловьев: "Карамзин делает предположение, что эти прикупы принадлежали не к Москве, но к великому княжению Владимирскому. Но как мог Калита прикупать к великому княжению, которое вовсе не принадлежало в собственность его роду и по смерти его могло перейти к князю тверскому

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 146.

⁴ ДДГ. № 3, 4.

⁵ Карамзин Н.М. Ук. соч. Т. V. М., 1993. С. 61.

⁶ Там же. Т. IV. С. 146.

⁷ ДДГ. № 12. С. 34.

или нижегородскому? Это значило бы обогащать других князей на свой счет". Он же обратил внимание и на другое обстоятельство - на протяжении почти всего XIV в. русские летописи продолжают по-прежнему упоминать самостоятельных галичских и белозерских князей, что поневоле создается впечатление, что никаких покупок их стольных городов Калита не совершал. По мнению историка "дело объясняется тем, что Калита купил эти города у князей, но оставил еще им некоторые права владетельных, подчиненных, однако князю московскому, а при Дмитрии Донском они были лишены этих прав".⁸

Мнение С.М. Соловьева разделил В.О. Ключевский: "Покупая села и деревни в чужих уделах, Иван Калита купил целых три удельных города с округами, - Белозерск, Галич и Углич, оставив, впрочем, эти уделы до времени за прежними князьями на каких-либо условиях зависимости". При этом он выделял их, наряду с удельными, в особую группу так называемых окупных князей, "у которых великий князь покупал их уделы, оставляя за ними пользование их бывшими вотчинами с известными служебными обязательствами".⁹

Б.Н. Чичерин попытался соединить точку зрения Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева: "из духовной Дмитрия Ивановича мы узнаем, что дед его купил целые княжества - Галич, Углич, Белоозеро, но местные князья оставались пока в своих владениях, неизвестно на каких правах, и только при внуке Калиты земли эти присоединены были к Москве. Поэтому, вероятно, о них и не говорится в прежних духовных".¹⁰

Более радикально решал эту проблему В.И. Сергеевич. Касаясь предположения С.М. Соловьева, что московский князь, приобретая эти земли, оставил за прежними владельцами некоторые права, он писал: "Вещь возможная, что Калита оставил свои купли за князьями - продавцами, обязав их службой себе и детям".¹¹ И тут же он приводит аналогичный пример, встречающийся во второй духовной грамоте Калиты, когда купленное в Ростове село князь отдает некоему Борису Воркову под условием службы себе и детям.¹² Но

⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. (Тт. 3-4). М., 1988. С. 332. Прим. 417.

⁹ Ключевский В.О. Сочинения. Т. II. М., 1987. С. 16, 41.

¹⁰ Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 241.

¹¹ Сергеевич В.И. Древности русского права. 3-е изд. Т. I. Территория и население. СПб., 1909. С. 59.

¹² ДДГ. № 1. С. 10. "А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за нимъ, не имет ли служити детям моим, село отоимут".

тут возникает неустранимое препятствие - если Калита в своем завещании, "в котором не забыт даже прикупленный кусок золота", упоминает отдельное купленное село, то как же он смог забыть целых три княжества?¹³

Пытаясь найти хоть какое-то логическое объяснение этому противоречию, В.И. Сергеевич предпринимает в целом верный ход - необходимо проследить историю этих княжеств на протяжении полувека, прошедших от смерти Калиты до составления завещания его внука. Это было сделано им применительно к Галичу. И здесь обнаружились интересные подробности. Под 1363 г. Никоновская летопись сообщает о том, что Дмитрий Донской согнал Дмитрия Галицкого с его княжения.¹⁴ Спустя несколько лет была составлена договорная грамота начала 70-х годов XIV в. между Дмитрием Донским и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским. И хотя она дошла до нас в очень дефектном состоянии, все же из ее текста можно выяснить, что в момент ее составления Галич находился в уделе Владимира Серпуховского.¹⁵ Затем, если судить по завещанию 1389 г. самого Дмитрия, Галич снова оказывается в руках московского князя.¹⁶ Таким образом, можно предположить, что этот город был приобретен Дмитрием Донским в промежуток между началом 70-х годов XIV в. и 1389 г.

Анализируя эти известия, В.И. Сергеевич пришел к выводу, что язык официальных актов (а именно таковым является духовная грамота Дмитрия) не отражает действительных способов приобретения собственности и может объясняться "желанием замаскировать такие действия, которые князья и сами не могли считать вполне правыми". По мысли историка, здесь "может быть, не обошлось без некоторого насилия и, пожалуй, клятвопреступления". Действительно, по имеющимся источникам может сложиться впечатление, что сначала Дмитрий силой отнимает Галич у местного князя, затем отдает его в удел своему кузену, за которым признает наследственные права на него, а потом снова отбирает в свою пользу. Объявляя Галич "куплей" своего деда, Дмитрий Донской тем самым в официальном документе маскировал истинные способы его приобретения.¹⁷

Следующим обратился к этой проблеме А.Е. Пресняков, посвятивший целый параграф своей монографии вопросу, по выражению

¹³ Сергеевич В.И. Ук. соч. Т. 1. С. 59.

¹⁴ Полное собрание русских летописей. Т. XI. СПб., 1897. С. 2 (Далее: ПСРЛ).

¹⁵ ДДГ. № 7. С. 23.

¹⁶ Там же. № 12. С. 34.

¹⁷ Сергеевич В.И. Ук. соч. Т. 1. С. 59 - 60. Прим. 1.

историка, о "пресловутых куплях" Калиты.¹⁸ По недостатку данных, он не смог решить этой проблемы. Он лишь обратил внимание на внутреннее членение духовной грамоты 1389 г. Дмитрия Донского - за первой ее частью, где исчерпано определение уделов пяти сыновей Дмитрия в их московской вотчине, следует особая часть, посвященная территории великого княжения. Для нас важны новые методологические подходы, которые он предложил для исследования вопроса. Его необходимо было изучать не в рамках "традиционного представления, что деятельность Ивана Калиты направлена на "мозаическое собирание земель", что территория Московского государства - "плод полуторавековых скопидомных усилий московских князей по собиранию чужих земель", если выражаться словами В.О. Ключевского. По мнению А.Е. Преснякова "не землю собирали московские князья, а власть; не территорию своей московской вотчины расширяли, а строили великое княжение, постепенно и упорно превращая его в свое "государство"". ¹⁹ Он указал, что с землей были связаны не только частновладельческие, но и определенные княжеские права.²⁰

Идеи А.Е. Преснякова оказались весьма плодотворными. Уже в 1923 г. С.Ф. Платонов в своей работе "Прошлое русского Севера", ссылаясь на материалы И.И. Срезневского для словаря древнерусского языка, указал на многозначность слова "купля", означавшего не только покупку, торговлю, но и место торгова, а также договор, и наконец, сокупление, соединение. Поэтому этим термином можно было обозначить как приобретение каких-либо вещей путем торгова за деньги или иные ценности, так и форму добровольного присоединения удельного владельца с его земельными владениями к Москве. Иногда эти присоединения были "даже не завоеванием после открытой и честной борьбы, а простым захватом по праву силы". К ним С.Ф. Платонов относил "купли" на Галиче и Белоозере. Очень важным являлось наблюдение, что указанные три княжества отнюдь не были единственными "куплями" московских князей. Они продолжали использовать этот способ присоединения и в XV в. В их последующих завещаниях мелькает масса "прикупов" и "купель", самыми известными из которых являлись приобретенные окончательно в XV в. Ярославль и Ростов.²¹

Довольно любопытную версию объяснения "купель" Калиты дал

¹⁸ Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. М., 1998. С. 112 - 114.

¹⁹ Там же. С. 112.

²⁰ Там же. С. 374 - 375. Прим. 52.

²¹ Платонов С.Ф. Собрание сочинений по русской истории. [Т. 2. М., 1994]. С. 338 - 341.

череповецкий историк-краевед Г.И. Виноградов. Пытаясь объяснить, почему в завещаниях как самого Калиты, так и его сыновей, нет ни единого слова о Белоозере, он предположил, как одну из возможных, гипотезу о "предварительной сделке", или "как говорят, на продажу".²²

М.К. Любавский постарался развить эти мысли. Вслед за В.И. Сергеевичем он попытался проследить исторические судьбы Галича, Белоозера и Углича до их присоединения к Москве и выдвинул гипотезу, что "Калита выручил князей углицкого, галицкого и белозерского, внеся за них ордынские недоимки, но за то названные князья должны были поступиться в его пользу своей самостоятельностью, низойти на положение служебных князей, держащих свои отчины по милости князя московского, под условием службы ему. Так как при этом ни Калита, ни его преемники до Донского не брали княжеств в свое непосредственное владение и управление, то эти княжества и не фигурируют в числе волостей, отказываемых по духовным грамотам московских князей". Как бы полемизируя с В.И. Сергеевичем, напоминая, что Калита не забыл внести в свое завещание даже прикупленный кусок золота, он выдвинул предположение, что "фактическое владение Калиты было гораздо больше того комплекса городов, волостей и сел, который обозначен в его духовных грамотах. Духовные грамоты Калиты не имели в виду распределения между женой и детьми всего, чем он владел, а лишь того, что в данный момент он мог считать общим семейным достоянием своей семьи".²³ И действительно, он сразу же нашел подтверждение своим словам. Так, вторая духовная грамота сына Дмитрия Донского - Василия I упоминает "прадеда своего (т.е. Калиты. - К.А.) примысль в Бежицкомъ Версе Кистьму", которая так же, как Галич, Углич и Белоозеро не упоминается в завещании Калиты.²⁴

А.Н. Насонов, так же как и А.Е. Пресняков, попытался посмотреть на проблему с точки зрения формуляра духовной грамоты Дмитрия Донского. По его мнению, она явственно различает, с одной стороны, собственно великое княжение, к которому относит Кострому и Переславль, а с другой, Галич, Углич и Белоозеро, о которых говорит только, что они "купли деда" Донского. Тем самым отвергается предположение, что указанные города были присоединены к великому княжению. К тому же, мы видим в Галиче и Бе-

²² Виноградов Г.И. История Череповецкого края. Белозерск, 1925. С. 12.

²³ Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. С. 54.

²⁴ ДДГ. № 21. С. 58.

лоозере по-прежнему местных князей. В целом же, пройдя мимо гипотезы М.К. Любавского, он склонялся к выводам В.И. Сергеевича, указав, что именно с середины XIV в., с началом ордынских смут московские князья начинают подчинять силой русских князей.²⁵

Подводя в 30-е годы XX в. итоги изучения вопроса о "куплях Ивана Калиты", Е.Ф. Шмурло в своем историографическом обзоре должен был констатировать, что со времен Н.М. Карамзина историки так и не смогли решить эту загадку.²⁶ Все это свидетельствовало о необходимости искать новые подходы к решению проблемы.

Их попытался найти А.И. Копанев. Критикуя взгляды В.И. Сергеевича и А.Н. Насонова, он писал о том, что выражение "купля деда" относительно Галича в завещании Дмитрия Донского вряд ли можно трактовать как своеобразную маскировку насильственного сгона им со своего княжения местного князя в 1363 г. Это не находит своего подтверждения в источниках. В 1362-1363 гг. великий князь согнал с княжения еще одного мелкого князя - Ивана Стародубского и присоединил его удел к своим владениям. Судьба Стародуба, таким образом, была одинакова с судьбой Галича, однако Стародуб не упомянут среди "купель деда", т.е. здесь великокняжеская власть почему-то не прибегла к столь удобной, казалось бы мотивировке свершившегося факта.²⁷

Заслугой А.И. Копанева стало то, что он впервые перевел из теоретической плоскости в практическую вопрос о том, владел ли в действительности Калита своими "куплями" или же они стали собственностью московских князей лишь при Дмитрии Донском. Для этого он привлек данные генеалогии, в частности родословное предание Аничковых. Оно дошло до нас как приписка XVII в. к Никоновской летописи (в списке Оболенского). Судя по нему, к Ивану Калите из Большой Орды выехал царевич Берка, которого митрополит Петр крестил с именем Аникия. "Князь велики Иванъ Даниловичъ Калита даша ему вотчинъ и поместей множество и пожалова ево Белымъ озеромъ подъ Микулою Воронцовымъ и сверхъ ему Микулы пожаловаль гостиную пошлину". Разбирая этот источник,

²⁵ Насонов А.Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 105. Прим. 3.

²⁶ Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862-1462). СПб., 1998. С. 451 - 453.

²⁷ Копанев А.И. О "куплях" Ивана Калиты // Исторические записки. Т. 20. М., 1946. С. 25. Позднее эта статья с некоторыми дополнениями вошла в его книгу. См.: Он же. История землевладения Белозерского края XV - XVI вв. М.; Л., 1951. С. 23.

А.И. Копанев, хотя и обнаружил в нем ряд несоответствий с хронологией, но в целом нашел его заслуживающим доверия, особенно в тех деталях, которые не имело смысла придумывать, в частности о добавке гостиной пошлины при получении кормления на Белоозере. На взгляд исследователя, этот источник важен тем, что показывает наличие фактического владения московских князей на Белоозере уже в достаточно ранний период.²⁸

Но каким же образом московские князья закрепились на Белоозере? Изучая родословные росписи и предания, А.И. Копаневу удалось выяснить, что современник Калиты белозерский князь Федор Романович был женат на его дочери Федосье. По мнению историка, этим браком Калита подчинял белозерского князя. "Брал ли Федор Романович при заключении брака какие-либо обязательства на себя, - не известно. Но ясно одно, брак великокняжеской дочери с князем слабого удела означал еще большее подчинение последнего. Удел был подчинен Москве, судьба его была предрешена".²⁹ Весьма знаменательным оказывается для него, что подобные родственные связи можно проследить в связи с другой "куплей" Калиты. Угличский стол после смерти в 1320 г. бездетного углицкого князя оказался выморочным и перешел к ростовскому князю Константину Васильевичу, женившемуся в 1328 г. на другой дочери Калиты - Марии. "Родственные отношения и в данном случае выражали лишь подчиненное положение ростовского князя. Это очевидно из того, что в Ростов Калита посылает своего наместника боярина Василия Кочеву, который был там полновластным хозяином. История с ростовским князем интересна еще и тем, что она напоминает нам Белоозеро - ведь на Белоозере сидел также зять Ивана Калиты, князь Федор Романович, когда Калита жалует Белоозером своего приближенного. Приведенные факты свидетельствуют, что купли Ивана Калиты были важным этапом в процессе возвышения Москвы", - заключает ученый.³⁰

Но что же тогда в этом случае обозначает слово "купля"? Ответа на этот вопрос А.И. Копанев дать не смог. Он лишь осторожно высказался по поводу того, что в завещании Дмитрия Донского "за куплями" в каждом из трех случаев мыслился определенный успех политики Ивана Калиты, который давал право внуку указать на купли как на основание своих политических действий".³¹

Практически одновременно с А.И. Копаневым по этому вопросу

²⁸ ПСРЛ. Т. XIII. Вып. 1. СПб., 1904. С. 301; *Копанев А.И.* История. С. 37. Прим. 2.

²⁹ Там же. С. 36 - 37.

³⁰ Там же. С. 37. Прим. 2; С. 38. Прим. 1.

³¹ Там же. С. 24, 38. Прим. 2.

выступил Л.В. Черепнин. Соглашаясь с М.К. Любавским, что завещание Калиты фиксирует далеко не все его владения, он выдвинул довольно остроумное предположение. Как известно, сохранились две духовные грамоты Ивана Калиты. Они практически повторяют друг друга, за исключением того, что вторая, кроме перечисления собственно московских владений, дает также описание княжеских сел на территории великого княжения. К тому же, к ней, по мнению историка, была привешена ордынская печать. Он предположил, что обе грамоты являются вариантами одного и того же княжеского завещания, которое утверждалось ханом в Орде. Забавив ордынских вельмож подарками, исправным и своевременным поступлением дани, Калита добился того, что хан утвердил более обширный второй вариант грамоты. "Возможно предположить, - писал он, - что существовал какой-то третий проект духовной Ивана Даниловича Калиты, в котором говорилось о его "куплях" на территории Галича, Белоозера, Углича". Очевидно, именно его имел в виду Дмитрий Донской, говоря о "куплях деда". По мнению Л.В. Черепнина, третий вариант духовной грамоты не был утвержден в Орде, поскольку с какими-то претензиями выступили местные князья.³² При этом, в подтверждение своей версии, историк сослался на один летописный эпизод. Под 1339 г. Первая Новгородская летопись сообщает, что "думую Калиты" хан Узбек вызвал в Орду русских князей. Когда туда отправился Василий Давыдович Ярославский, Иван Калита почему-то пытался "переимать" его по дороге.³³ Смысл этого поступка оставался непонятным. Но если учесть, что по свидетельству Тверской летописи вместе с Василием Ярославским отправился и Роман Белозерский³⁴, то, по мнению Л.В. Черепнина, все становится ясным. Калита утверждал свое завещание в 1339 г. Предвидя споры в Орде относительно своих сделок по белозерским владениям, московский князь устроил по дороге засаду своему противнику. Но это у него не получилось и в итоге третий вариант завещания так и не был утвержден.³⁵

Это предположение было практически сразу же отвергнуто А.И. Копаневым, указавшим, что в завещании Дмитрия Донского речь идет не о покупке отдельных сел на территории Белоозера, Галича и Углича, как полагал Л.В. Черепнин, а о "купле" целых княжений.³⁶ Впрочем, позднее и сам Л.В. Черепнин более не настаивал на

³² Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV - XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 18.

³³ ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841. С. 79.

³⁴ Там же. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 422.

³⁵ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 18.

³⁶ Копанев А.И. История. С. 24.

своей версии, осторожно предположив вариант, когда земли покупались у вотчинников "с оставлением приобретенной недвижимости в наследственном владении последних". Возможно, что-то подобное было и в случае с этими тремя городами. "Галич, Белоозеро и Углич могли перейти (на основе сделки великого князя с местными князьями) к Калите, как верховному собственнику, однако галичский, белозерский и угличский князья сохранили какие-то права владения и управления этими землями на началах подчинения великокняжеской власти. Наряду с местными князьями в названных городах могли появиться и великокняжеские наместники".³⁷

Идеи А.И. Копанева относительно "купли" Белоозера поддержал вологодский историк Т.И. Осьминский. По его мнению, "уже Иван Калита, опекун малолетнего белозерского князя Федора Романовича, женил его на своей дочери Феодосии и сделал вассалом Москвы. По некоторым сведениям, он держал здесь даже своих наместников. Его внук, Дмитрий Донской, еще более усилил эту зависимость, а после Куликовской битвы, в которой пали белозерский князь Федор Романович и его сын Иван, он присоединил Белоозеро к Москве".³⁸

Вновь вопрос о "куплях" Ивана Калиты был поднят в 1974 г. профессором Парижского университета В.А. Водовым, внимательно рассмотревшим в специальной статье версии предшественников. Развивая мысль С.Ф. Платонова о том, что термин "купля" многозначен, он решил выяснить, в каких значениях он употребляется в актовых источниках конца XIV - XV вв. В результате их изучения он пришел к выводу, что: 1) в соединении с определением этот термин всегда обозначает лишь конкретную недвижимость, приобретенную путем покупки; 2) величина подобной собственности достаточно мала и не превосходит размеры волости; 3) слово "купля" не применяется без особых оговорок при указании владений, приобретенных предками лица, от чьего имени составляется документ. Поэтому упоминание Галичского, Белозерского и Угличского княжеств в завещании 1389 г. Дмитрия Донского представляется ему исключением из правил. Такие большие территории никогда не назывались "куплями", а кроме того, на "купли" деда не делались столь глухие ссылки. При этом, правда, В.А. Водов не учи-

³⁷ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV - XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 511.

³⁸ Осьминский Т.И. Материалы по истории местного края. Вологда, 1951. С. 22; Осьминский Т.И., Озеринин Н.В., Брусенский И.И. Очерки по истории края (Вологодская область). Вологда, 1960. С. 51.

тывал того, что акты этого времени сохранились в основном в составе монастырских архивов и содержат по преимуществу сведения о сделках частных лиц с монастырями. Размеры их владений были заведомо небольшими.

Как указал еще С.Ф. Платонов, одно из значений слова "купля" - договор или союз. Но, по мнению В.А. Водова, в этом значении термин "купля" встречается только в источниках неактового характера. (В скобках заметим, что тем самым под сомнение ставится мнение А.И. Копанева).

В.А. Водов попытался исследовать этот вопрос и с юридической точки зрения, изучая формуляр княжеских завещаний. На его взгляд, расположение известия о "куплях" в тексте завещания 1389 г. является уникальным. Во-первых, эти города указаны не среди собственно московских владений, а после статьи о наследовании Владимирского великого княжения, выступая как часть последнего, во-вторых, "купли деда" упоминаются после всех других территорий, т.е. там, где обычно перечисляются приобретения самого завещателя.

Рассмотрел он и политическое положение указанных трех княжеств в середине и во второй половине XIV в., в частности как оно освещается в летописях, а конкретно в официальном московском летописании. Московский летописный свод 1479 г., отразивший официальную точку зрения Москвы, молчит по поводу насильственных действий Дмитрия Донского в отношении Галича, Белоозера и Углича, хотя по другим "немосковским" известиям нам известно, что в 1363 г. Дмитрий согнал галичского князя с его стола. Отсюда он делает логический вывод, что присоединение этих княжеств явилось делом рук Дмитрия Донского, а встречающееся в его завещании выражение "купля деда" является ничем иным, как маскировкой действительного способа их приобретения. Основной причиной подобной формулировки, по В.А. Водову, явилась необходимость сделать менее спорными права московской династии на присоединенные княжества, отнеся их к числу наследственных владений. Тем самым он присоединился к точке зрения В.И. Сергеевича и А.Н. Насонова.³⁹

В том же году к вопросу о "куплях" Калиты в связи с историей Галичского княжества обратился В.А. Кучкин. Как бы полемизируя с В.А. Водовым, он поставил вопрос - принадлежал ли Галич московским князьям до Дмитрия Донского или же приобретение этого княжества было делом рук последнего. Однозначный ответ дает надпись на так называемом Галицком Евангелии XIV в. Писец, за-

³⁹ *Vodoff W. A propos des "achats" (kupli) d'Ivan I-er de Moscou // Journal des savants. Paris, 1974. № 2 (avril-juin). P. 95 - 127.*

кончив переписывать книгу, сделал в ее конце приписку: "В лето 6865 (1357) индикта 10-е, кроуга солнечного 6-е, месяца февраля 22 на память святого отца Офонася написано бысть святое еуангелъе въ граде в Галиче *при княженьи великого князя Ивана Ивановича*, роукою грешного Фофана. Оже буду не исправил в коемъ месте, исправя, бога дяля чтите, а не кленете".⁴⁰ Это указание на то, что в Галиче княжил еще отец Дмитрия Донского - великий князь Иван Иванович Красный полностью разбивало трактовку, что этот город был присоединен лишь при Дмитрии Донском, а термин "купля" в его завещании явился лишь маскировкой насильственного захвата.

Но почему же Иван Красный, реально княживший в Галиче, не указал его в своей духовной грамоте? Опираясь на упомянутую выше договорную грамоту начала 70-х годов XIV в. между Дмитрием Донским и Владимиром Андреевичем Серпуховским, В.А. Кучкин попытался доказать, что вплоть до этого времени Галич имел определенную территориальную обособленность, не входя в состав московских и великокняжеских владений. Об этом должна была свидетельствовать фраза из этого договора: "А рубежь Галичю и Дми[трову как был при нашемъ деде при великом князи] при Иване (Калите. - К.А.) и при наших отцехъ при великих князех..."⁴¹ Если это так, то Галич был присоединен к Москве еще при Калите, но каким-то особым способом. Идя вслед за М.К. Любавским, В.А. Кучкин предположил, что это связано с политикой Орды на Руси. Но если его предшественник полагал, что Калита вносил за мелких князей ордынские недоимки, заставляя поступаться частью своих прав, то В.А. Кучкин пошел еще дальше. Сам термин "купля" подсказывает, что речь идет о какой-то покупке. По его мнению, в XIV в. русские князья получали княжества по ханским ярлыкам, которые можно было купить. И действительно, в Рогожском летописце под 1392 г. он нашел вроде бы подтверждающее известие. На взгляд историка, именно подобным образом Москвой был приобретен Нижний Новгород. По словам летописи, сын Дмитрия Донского Василий I "поиде въ Орду къ царю къ Токтамышу и нача просити Новогорода Нижняго... Безбожнии же татарове взяша и сребро многое и дары великии, и взя Нижнии Новъград златом и сребром, а не правдою".⁴²

⁴⁰ Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI - XIV вв. М., 2000. № 276. С. 286 - 288. Выделено нами.

⁴¹ ДДГ. № 7. С. 23. В квадратные скобки заключен реконструированный В.А. Кучкиным текст.

⁴² ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. М., 1965. Стб. 162.

Тем самым, подразумевая под "куплей" покупку Калитой ханского ярлыка на мелкие княжества, историк объяснял существование Галича как самостоятельной территориальной единицы и почему Калита и его сыновья не включали этот город в свои завещания. На его взгляд, аналогичная ситуация с покупкой ярлыков имела место в Угличе и на Белоозере, которые подобным образом также перешли под власть Калиты. В отношении Белоозера он ссылаясь на воспрепятствование Калитой поездке в Орду белозерского князя в 1339 г. Возможно, это делалось, на его взгляд, потому, что последний ехал к хану хлопотать о ярлыке на свою вотчину.⁴³ Позднее он даже попытался определить время возможной покупки Галича Иваном Калитой. По его мнению это событие следует приурочить к 1336 г. Годом раньше умирает князь Федор Галицкий, а в 1336 г. Иван Калита ходил в Орду, откуда зимой 1336/37 г. вернулся "съ пожалованиемъ въ свою отчину".⁴⁴ "Не заключалось ли это "пожалование" в получении им ярлыка на Галич? - задал вопрос исследователь."⁴⁵

Одновременно с В.А. Кучкиным по этому вопросу выступил и С.М. Каштанов. Полемизируя с В.А. Водовым, считавшим, что термин "купля" не превосходит размерами волости, он привел примеры того, что под этим термином понимались и гораздо большие территории. Так, последний ярославский князь Александр Федорович "прода Ярославль".⁴⁶ В княжеских договорных грамотах XV в. в качестве "купли" фигурируют, например, Романов городок и Венев.⁴⁷

Как бы в противовес В.А. Кучкину он выдвинул свою гипотезу. Он обратил внимание на то, что в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского употребляются следующие выражения: "своего деда куплею, Галичем, со всеми *волостми*...", "куплею же деда своего, Бельмозеромъ, со всеми *волостми*...", "куплею же своего деда, Оуглечим полем, и *что к нему потягло*".⁴⁸ Встречающийся здесь термин "волость" помимо своего основного значения в смысле территориальной единицы, в XIV в. имел несколько других значе-

⁴³ Кучкин В.А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 376 - 378. Позднее эта статья с дополнениями вошла в его монографию. См.: Он же. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X - XIV вв. М., 1984. С. 252 - 256.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 47.

⁴⁵ Кучкин В.А. Формирование. С. 256. Прим. 131.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 229.

⁴⁷ ДДГ. № 70. С. 233, № 76. С. 285.

⁴⁸ Там же. № 12. С. 34. Выделено нами.

ний, одно из которых означало городские доходы. Именно в этом смысле он упоминается в одном месте завещания Калиты: "А из городьскихъ волости даю княгини своеи осмниче. А тамгою и иными волостми городьскими поделятся сынове мои".⁴⁹ По мнению С.М. Каштанова, первоначально Калита приобрел не все три княжества целиком, а только указанные стольные города. При этом слово "купля" скорее всего выражало право посылки данщиков и таможенников в центр "купленного" княжества и равнялось взятию на откуп основных сборов в главных городах княжеств за определенное вознаграждение князьям - владельцам. Отсюда непрочность пребывания Галича, Белоозера и Углича в руках Калиты и его сыновей, отсутствие у них права передачи этих земель по наследству. И только при Дмитрии Донском вся остальная территория княжеств была окончательно присоединена к Москве, а редактор его второй духовной грамоты использовал слово "волость" не в узком значении городских доходов, а в более широком, территориальном смысле.⁵⁰

Идеи В.А. Кучкина и С.М. Каштанова попытался объединить Н.С. Борисов. По его мнению, "скорее всего Иван Данилович купил в Орде ярлыки, дававшие ему право на пожизненное управление этими областями", ибо местные князья "не в состоянии были своевременно и в полной мере платить положенную дань в ханскую казну. Московский князь взял на себя их долги и платежные обязательства, а за это получил право верховной власти над огромными лесными территориями".⁵¹ Понятно, что получение только права сбора дани с указанных княжеств не предполагало создания прочной территориальной власти и включения этих земель непосредственно в состав Московского княжества. Тем самым становится понятным - почему еще через много лет после эпохи Калиты упоминаются, к примеру, самостоятельные белозерские князья и снимается вопрос, почему эти земли не включались в духовные грамоты московских князей Семена Гордого и Ивана Красного.⁵²

⁴⁹ Там же. № 1. С. 8, 10.

⁵⁰ Каштанов С.М. Еще раз о "куплях" Ивана Калиты // Вопросы истории. 1976. № 7. С. 190 - 191.

⁵¹ Борисов Н.С. Иван Калита. М., 1995. С. 165.

⁵² Впрочем, позднее он несколько пересмотрит свои взгляды. По его мнению, "московские правители широко использовали еще один мирный способ овладения соседними землями - покупку. И сам Иван, и его бояре приобретали на началах частной сделки села, деревни и целые волости. Опираясь на эти островки московских владений они продолжали внедряться в чужие территории." Но откуда Калита брал деньги для своих приобретений? Одни историки полагали, что он утаивал часть ордынской

Развивая эти мысли, Ю.В. Кривошеев предложил посмотреть на проблему "купель" в плоскости даннических отношений с Ордой. Сразу после монгольского нашествия ханы Золотой Орды сделали упор на сбор дани с русских земель собственными силами. При этом он отдавался на откуп мусульманским купцам, которые, вероятно, сразу вносили в ханскую казну заранее оговоренную сумму, а затем при помощи татарских отрядов собирали ее с покоренных земель, не забывая при этом о своей выгоде. Многочисленные злоупотребления и поборы вызывали восстания и ханы были вынуждены поручить сбор дани русским князьям. Очевидно, что это право получили в первую очередь князья, занимавшие стол Великого княжения Владимирского. Заинтересованные в том, чтобы, по возможности, выплачивать дань за счет соседей, они также, как и их предшественники, осуществляли сбор дани по системе откупов. Именно в этом ключе следует рассматривать широко известный рассказ о действиях москвичей в Ростовской земле, содержащийся в "Житии Сергия Радонежского". В 1328 г. там "наста насилowanie, сиречь княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталось княжение Ростовское к Москве. Увы, увы и тогда граду Ростову, паче же и князем ихъ, яко отъяся от нихъ власть, и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочаа потягну къ Москве". И далее автор "Жития" описывает все насилия москвичей.⁵³

Несомненно, что ростовский эпизод был связан со сбором ордынской дани. Но князья собирали дань не только в Ростове, но и в других мелких княжествах, таких, как Белоозеро, Галич и Углич. Таким образом, под "куплями" Калиты следует понимать не покупку собственно территории княжеств, как административно-политических единиц Руси, а передачу права сбора дани, что широко практиковалось. При этом утрата политических прав местных князей была относительной. "Эти земли сохраняли возможность самостоятельного внутреннего развития, но были подчинены Москве в военно- и внешнеполитическом значении: соответственно в по-

дани, другие считали, что он резко увеличил торговлю хлебом, третьи указывали на освоение им богатых пушниной областей русского Севера. Но, на взгляд Н.С. Борисова наличие больших свободных денежных сумм в руках Калиты объяснялось в первую очередь тем, что "московский князь твердой рукой навел относительный порядок в том беспределе анархии, воровства и местного произвола, который царил на Руси". (Борисов Н.С. Политика московских князей. Конец XIII - первая половина XIV в. М., 1999. С. 237).

⁵³ Цит. по: Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 303 - 304.

ходах московских князей выставлялась местная рать, и сношения с Ордой осуществлялись "через" Москву. Отсюда, действительно, имела место "непрочность", неопределенность их статуса, что связано с временностью, эфемерностью этих "владений".⁵⁴

Подводя итог высказанным в литературе суждениям по вопросу о "куплях" Ивана Калиты, мы можем лишь констатировать то, что проблема эта до сих пор не решена. Несмотря на то, что по этому поводу было высказано немало интересных соображений и взглядов, они остаются всего лишь логическими построениями, выстроенными с той или иной степенью стройности. В каждой из составленных подобным образом конструкций можно найти внешне не приметный изъян, который опровергается имеющимися источниками. В результате этого все логическое построение теряет свою устойчивость и оказывается не более чем игрой ума, ничего общего не имеющего с исторической действительностью. Особенно хорошо это видно, когда оцениваешь размеры существующей в распоряжении историка источниковой базы. Раскрыв указатель к первым восьми томам "Полного собрания русских летописей", видим, что за весь XIV в. имеется всего лишь 9 известий по истории Белозера, и соответственно 6 - Галича и 4 - Углича.⁵⁵ В этих условиях исследователи, строя различные гипотезы, вынуждены оперировать лишь очень ограниченным набором одних и тех же фактов. Выявление всего лишь одного нового известия моментально ломает прежние, казавшиеся непоколебимыми, версии и заставляет искать новые объяснения этой загадки.

Постановка задач для дальнейшего исследования.

Признание того факта, что скудость имеющихся летописных известий по истории указанных трех городов в XIV в. не позволяет решить проблему "купель Калиты" только на их материале, вовсе не означает того, что данный вопрос не имеет решения.

Исследователь русского средневековья в чем-то сродни палеонтологу. Подобно тому, как тот воссоздает облик доисторических ящеров по небольшим фрагментам окаменевших частей скелета, так историк реконструирует прошлое по отдельным свидетельствам уцелевших исторических источников. Сходство между двумя представителями ученых специальностей только усилится, если мы обратим внимание на удручающее состояние источниковой базы, которая имеется в распоряжении историка, изучающего XIV в.

⁵⁴ *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII - XIV вв. СПб., 1999. С. 217 - 221.

⁵⁵ Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отд. 2. Указатель географический. СПб., 1908. С. 23, 69, 489.

Разрозненные фрагменты летописания в составе более поздних летописных сводов, небольшое количество актов, несколько литературных памятников - вот собственно и все то, что сохранилось от этого времени после многочисленных пожаров и вражеских нашествий. Также как и палеонтолог, реконструирует внешний облик доисторических животных по их окаменевшим отдельным, весьма незначительным останкам, так и историк должен воссоздавать ушедшее время по небольшим кусочкам от когда-то существовавшего корпуса источников.

Между тем, палеонтологи уже давно выработали свой метод исследования. Создатель современной палеонтологии Жорж Кювье обратил внимание на обстоятельство чрезвычайной важности, которое, тем не менее, до него оставалось незамеченным: для существования каждого животного необходимо, чтобы развитие каждого его органа находилось в известном соотношении с развитием других его органов. Для наглядности поясним это положение на конкретном случае. Например, для существования наземного хищного зверя необходимо, чтобы он мог добывать себе добычу, т.е. прежде всего имел органы, необходимые для схватывания и растерзания добычи, т.е. сильные, острые когти и соответственным образом измененные зубы, затем органы движения, пригодные для быстрого передвижения. Так как форма и длина конечностей определяется формой и длиной костей, сообразно этому должна быть развита и мускулатура. Далее, кишечный тракт должен быть приспособлен для переваривания мяса, употребляемого в пищу - поэтому кишечник хищника не должен быть длинен и занимать много места. Весь зверь не может быть толстым и массивным, а должен быть легким и стройным и т.д. Таким образом, нанизывая одно на другое эти соображения, как звенья непрерывной цепи, и вместе с тем развивая их, как следствия из первоначальной посылки, палеонтолог может воссоздать весь облик зверя, имея в своем распоряжении всего лишь один его орган. Так, зная только зубы, можно сказать, чем и как питалось животное, это в свою очередь дает возможность составить себе представление о его конечностях и т.п. Таким образом метод исследования, предложенный Ж. Кювье, дает возможность на основании знакомства с одной частью судить о целом организме.⁵⁶

Аналогичный метод должен использовать и историк. Можно предположить, что наряду с загадочными "куплями" Калиты в это же время существовали и другие "купли", сведений о которых сох-

⁵⁶ См.: Мензбир М. Кювье // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 11-е стереотипное изд. Т. 26 (Кровообращение - Лемуан). М., [1933]. С. 313 - 314.

ранилось больше, нежели по истории Галича, Белоозера и Углича, а это в свою очередь даст возможность выяснить, что следует понимать под этим термином. Полученные подобным способом результаты можно будет соотнести с интересующими нас городами. Таким образом у нас в руках оказывается та путеводная нить, с помощью которой можно будет разгадать ту проблему, над которой задумывались поколения историков.

В правильности данного метода исследования легко убедиться, обратившись к духовным и договорным грамотам московских князей XIV - XV вв., из которых выясняется, что Галич, Углич и Белоозеро были не единственными приобретениями подобного рода для представителей московского княжеского дома. Различного рода "купли" широко встречаются в их грамотах. Так, во второй духовной грамоте 1339 г. Ивана Калиты названо "село Павловское, бабы наше *купля*..."⁵⁷ В завещании 1353 г. Семена Гордого среди сел, передаваемых его жене, встречается "в Перьяславле *купля* моя село Самаровское..."⁵⁸ Духовная грамота 1389 г. Дмитрия Донского упоминает "княгини мое *купля* Лохно..."⁵⁹ Подобный перечень легко расширить и по известиям этих грамот в XV в. Размеры этих приобретений различны - иногда это лишь отдельные села или волости.⁶⁰ Но помимо таких мелких приобретений духовные и договорные грамоты знают и более крупные "купли", охватывающие значительные территории. Это - Мещера,⁶¹ Романов городок,⁶² Венев.⁶³ Летописи добавляют к ним Ростов⁶⁴ и Ярославль.⁶⁵ Относительно некоторых из этих приобретений источники упоминают не только имя "покупателя", как в случае с Галичем, Угличем и Белоозером, но и "продавца". Тем самым терпит крах версия В.И. Сергеевича и А.Н. Насонова, что термином "купля" можно было

⁵⁷ ДДГ. № 1. С. 10. Здесь и далее выделено нами.

⁵⁸ Там же. № 3. С. 14.

⁵⁹ Там же. № 12. С. 35.

⁶⁰ Пожалуй, самое небольшое владение, именуемое "куплей" и упоминаемое духовными и договорными грамотами, встречается в докончании 1473 г. Ивана III с угличским князем Андреем Васильевичем, в котором читаем: "А что мати наша, великая княгини, дала тебе в нашей отчине, в великом княженье, в Ростове, *куплю* свою, *колодязь солонои* у Соли у Ростовьские, и тот *колодязь* твои и есть" (ДДГ. № 70. С. 248). Выделено нами.

⁶¹ ДДГ. № 10. С. 29.

⁶² Там же. № 61. С. 195.

⁶³ Там же. № 76. С. 285.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 194. См. также: Т. VIII. СПб., 1859. С. 180.

⁶⁵ Там же. Т. XXIV. С. 229.

скрыть "действительные способы" приобретения этих владений. "Купля" Борисоглебской половины Ростова летописью датируется 1474 г., т.е. всего за несколько лет до полной ликвидации ордынской зависимости. Следовательно, теряет смысл объяснение М.К. Любавским и В.А. Кучкиным "купли" как своего рода закладной операции за своевременную уплату ордынской дани или покупки ханского ярлыка. Важным представляется и то наблюдение, что "куплей" могли именоваться приобретения не только князей, но и бояр. Так, в завещании 1451 г. великая княгиня Софья Витовтовна упоминает свой московский двор, который она "променила есмь была Ивану Старкову на его куплю, на Степановский дворъ Дмитриевича и его дети, Григориевъ и Федоровъ, на Подоле..."⁶⁶

В литературе, еще со времен Н.М. Карамзина, было отмечено, что в завещании 1389 г. Дмитрий Донской впервые называет Владимирское великое княжение "своею отчиною".⁶⁷ Но являлись ли для него такой же "отчиною" Галич, Углич и Белоозеро? Формально на этот вопрос можно ответить только положительно: из текста завещания видим, что московский князь свободно распоряжается этими владениями, а из процитированных выше наблюдений историков известно, что, по крайней мере, двумя из этих городов - Белоозером и Галичем владели еще его дед Иван Калита и отец Иван Красный. Однако Дмитрий Донской называет эти свои владения не "отчиною", а "куплей". Объясняется это тем, что, по данным все тех же духовных и договорных грамот, в XV - XVI вв. существовала тонкая юридическая грань между двумя, на первый взгляд, равнозначными понятиями. Практика этого времени не смешивает понятий "вотчина" и "купля" и выделяет последнюю в особый вид владения, когда говорит о "вотчинах и куплях" князей и бояр.⁶⁸ Отсюда логически вытекает и дальнейший путь исследования - для того, чтобы понять, что Дмитрий Донской вкладывал в понятие "купли своего деда", необходимо выяснить - чем в юридическом плане отличалась вотчина от купли. Поняв эту особенность последней, мы легко поймем - каким образом Калита приобрел эти три владения, и почему ни он, ни его дети не указывали их в своих завещаниях. Для этого нам нужно обратиться к истории других подобных приобретений московских князей, которые по размерам сопоставимы с интересующими нас "куплями" Ивана Калиты. В первую очередь речь должна пойти о "купле" Дмитрия Донского - Мещере, хотя бы в силу того, что по времени упоминание о ней крайне близко к интересующему нас его завещанию 1389 г.

⁶⁶ ДДГ. № 57. С. 177.

⁶⁷ Там же. № 12. С. 34.

⁶⁸ См.: Там же. № 52. С. 156; № 84. С. 341; № 85. С. 342 и др.

Князья Мещерские

К 1381 г.¹ (или, по другой датировке, к 1382 г.²) относится договорная грамота великого князя московского Дмитрия Донского и великого князя рязанского Олега Ивановича. Одна из ее статей гласит: "А что *купля* князя великого Мещера, как было при Александре Уковиче, то князю великому Дмитрию, а князю великому Олгу не вступатися по тот розъездь".³

Каким образом Мещера вошла в состав московских владений и у кого "купил" ее Дмитрий Донской? Историки обратили внимание, что в числе родов русской знати известен род князей Мещерских, чья родовая фамилия указывает на происхождение из этого края. Согласно их родовому преданию, попавшему в "Государев родословец" 1555 г., их предки когда-то начали войну с Большой Ордой, но были вынуждены откочевать по Волге к северу. В 6606 г. (по счету лет от сотворения мира) один из них, князь Ширинский Бахмет, Усейнов сын, пришел в Мещеру, взял ее войной и "засел" здесь. В Мещере у него родился сын Беклемиш, крестившийся с именем Михаила и построивший в Андреевом городке храм Преображения. У Михаила Беклемиша были сын Федор и внук Юрий, последний из которых пришел на помощь к Дмитрию Донскому во время Куликовской битвы со своим полком. В сражении на Дону Юрий был убит, а род продолжил его сын Александр Юрьевич, который "остался после отца своего молод с матерью", как уточняет один из частных родословцев. В свою очередь, у Александра Юрьевича был сын Константин, от сыновей которого пошли две главные ветви рода.⁴

¹ Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV - XV вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 6. М., 1958. С. 286 - 287.

² Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV - XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 56.

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М.; Л., 1950. № 10. С. 29. (Далее: ДДГ). Выделено нами. Отметим, что в последующих московско-рязанских грамотах XV в. имя Александра Уковича упоминается с княжеским титулом, в отличие от грамоты 1381 г., где он назван без титула.

⁴ Родословная книга князей и дворян российских (Бархатная книга)... Ч. II. М., 1787. С. 239 - 240; Временник Московского Общества истории и древностей российских. Кн. X. М., 1851. С. 73; Редкие источники по ис-

Насколько достоверным может считаться родословное предание князей Мещерских? Исследователями дата родословцев, содержащаяся в Бархатной книге, - 6606 г., или, по нашему счету, 1098 г. была сразу же отвергнута, ибо в конце XI в. Орды еще просто не существовало. Когда же это могло произойти? Судя по родословцам, основной поток татарских выходцев на Русь пришелся на время княжения Дмитрия Донского - эпоху "великой замятни" в Золотой Орде и начала ее распада на отдельные ханства. И, действительно, первым по времени источником, где встречаются мещерские князья, является московско-рязанский договор 1381г., где упоминается Александр Укович. Имя его, правда, отсутствует в родословии. Но подобное в родословцах встречается довольно часто, и поэтому Н.М. Карамзин, признав недостоверными первые поколения в родословной росписи князей Мещерских, предложил считать их родоначальником князя Александра Уковича. Более того, он отождествил его с известным нам лишь по родословцам Александром Юрьевичем, сыном убитого на Дону в 1380 г. Юрия.⁵ Оба они жили в эпоху Дмитрия Донского, носили одинаковые имена, а отчество могло быть искажено позднейшим переписчиком родословия князей Мещерских в XVI в. Логическим продолжением этого предположения стал вывод историка, что Мещера была куплена Дмитрием Донским "у тамошнего крещеного князя, именем Александра Уковича".⁶ Авторитет Н.М. Карамзина был настолько велик, что последующие генеалоги стали считать князя Александра Юрьевича Мещерского "Уковичем".⁷

Но в середине XIX в. версия Н.М. Карамзина была подвергнута сомнению. П.В. Долгоруков обратил внимание, что Никоновская летопись и "Сказание о Мамаевом побоище" среди участников Куликовского боя 1380 г. упоминают в описании смотра русского войска на Девичьем поле под Коломной князя Юрия Мещерского, входившего в полк князя Владимира Андреевича Серпуховского.⁸ Тем

тории России. Вып. 2. М., 1977. С. 168; *Смирнов М.И.* К родословной князей Мещерских. М., 1907. С. 6 - 7.

⁵ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 146, 337.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Ч. II. СПб., 1887. С. 29; *Бобринский А.А.* Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи Ч. I. СПб., 1890. С. 213.

⁸ Полное собрание русских летописей. Т. XI. М., 1965. С. 54 (Далее: ПСРЛ); Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 34, 58, 89 (Печатный вариант Основной редакции "Сказания о Мамаевом побоище")

самым, по его мнению, документально подтверждалось свидетельство родословца об участии князя Юрия Федоровича в походе на Дон и то, что он реально существовал, а, следовательно, и предыдущие поколения рода князей Мещерских не являются плодом фантазии.

Отсчитывая по известному генеалогическому правилу по 30 лет на деятельность каждого поколения, П.В. Долгоруков пришел к выводу, что основатель фамилии Бахмет мог действовать в 90-е годы XIII в., а в родословцы в дату захвата им Мещеры вкралась ошибка, и вместо 6606 следует читать 6806 г., т.е. 1298 г. И хотя дата эта не покоилась на каком-либо известии источников, а была выведена чисто механическим путем, она прочно утвердилась в последующей генеалогической литературе.⁹ Именно на 90-е годы XIII в. приходится период, когда Орда фактически распалась на две части - орду Ногай на западе и Волжскую Орду на востоке. В середине 90-х годов XIII в. эта борьба закончилась поражением Ногай, многие из его сторонников вынуждены были бежать, и нет ничего удивительного, что в этот период ордынских смут в Мещере мог очутиться родоначальник князей Мещерских. Отчасти это подтверждает и их родословная, называя центром их владений Андреев городок, располагавшийся, как выяснил П.Н. Черменский, поблизости от современной Елатьмы.¹⁰ Название городка явно образовано от имени его основателя. Поскольку в первых коленах князей Мещерских нет ни одного лица с этим именем, с большой долей вероятности основание городка следует связать с именем великого князя Андрея Александровича, жившего именно в конце XIII в. и к которому мог выехать Бахмет.¹¹

знает его как "мещерский воевода князь Юрья" /Там же. С. 113/).

⁹ Долгоруков П.В. Российский родословный сборник. Кн. IV. СПб., 1841. С. 17; Он же. Российская родословная книга. Ч. II. СПб., 1855. С. 23; Руммель В.В., Голубцов В.В. Ук. соч. Ч. II. С. 29.

¹⁰ Черменский П.Н. Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 4 - 5.

¹¹ Правда, на основании того, что этот городок упоминается в крымских посольских книгах начала XVI в., П.Н. Черменский предположил, что Андреев городок "был построен братом Василия Темного, Андреем Младшим, для казанского царевича Муртозы. Это могло иметь место в 1471 г., когда великий князь, отправляясь в поход против новгородцев, оставил в Москве вместо себя брата Андрея вместе с царевичем Муртозой". (Черменский П.Н. Из истории... С. 5). Далее историк в подтверждение своих слов ссылается на летопись: "и дал ему (т.е. Муртозе. - К.А.) князь великы городок новои на Оце со многими волостями" (ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 301). Но предположение это неверно. Не останав-

В литературе, правда, были высказаны сомнения в том, что Бахмет, Усейнов сын, действительно "выехал" в Мещеру, а не был местным уроженцем. Как уже говорилось выше, впервые родословие князей Мещерских было записано при Иване IV, когда в числе немногих родов они попали в "Государев родословец". Грозный покоритель Казани производил свой род от мифического Пруса, брата римского кесаря Августа, а вслед за ним окружавшая его знать старалась показать себя приехавшей из чужих стран и происходящей от очень знатных и знаменитых родоначальников. Нет ничего возможного в том, что князья Мещерские в XVI в., увлекшись этим модным направлением того времени и не желая сознаваться в своем природном мещерском происхождении, могли выдумать легенду о завоевании Мещеры князьями Ширинскими, однофамильцы которых в Крыму в то время пользовались исключительной честью. Поэтому П.Н. Петров, хотя, вслед за П.В. Долгоруковым, и относил начало их рода к концу XIII в., видел все же в их родоначальнике местного уроженца, а не выходца из Орды.¹² Впрочем, версия о туземном происхождении князей Мещерских так и не получила своего продолжения, ибо вскоре в научный оборот был введен ряд источников, в том числе и письмо Магмет-Гирея Василию III 1517 г. "А Ширины, - писал крымский хан, - опричь меня здумали, что им вперед Мещера воевати за то, что ныне на Мещере наш недруг, а из старины тот юрт наш".¹³

Таким образом предположение Н.М. Карамзина о недостоверности первых поколений князей Мещерских было опровергнуто. Вскоре появились колебания и в том, что Дмитрий Донской "купил" Мещеру у Александра Уковича. Историограф, читая фразу из договора 1381 г.: "А что купля князя великого Мещера, как было при Александре Уковиче",¹⁴ полагал этот текст в том смысле, что Мещера была куплена московским князем непосредственно у него.

ливаясь на частностях: Андрей Меньшой был не братом, а сыном Василия Темного (*Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. I. СПб., 1889. С. 147, 187), а указанная цитата из летописи датирует выезд Муртозы 31 декабря 1473 г., укажем на главное - Новый городок на Оке находился совершенно в другом районе - при впадении р. Протвы в Оку, где и был зафиксирован "Списком русских городов дальних и ближних" XIV в. (*Тихомиров М.Н.* "Список русских городов дальних и ближних" // Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 249 - 250).

¹² *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. Кн. I. М., 1991. С. 382 - 384.

¹³ Сборник Русского Исторического Общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 377.

¹⁴ ДДГ. № 10. С. 29.

Споры о времени "купли" Мещеры

Поводом к сомнению послужило то, что исследователи обратили внимание на последующие московско-рязанские договоры XV в. Д.И. Иловайский выяснил, что в первом из них - докончании 1402 г. между Василием I и рязанским князем Федором Ольговичем говорится: "А порубежье Мещерьским землям, как было при великом князе Иване Ярославиче и при кнези Александре Уковиче".¹⁵ Аналогичная фраза имеется и в последующих московско-рязанских соглашениях.¹⁶ Таким образом, имя Александра Уковича постоянно сопоставляется с именем рязанского князя Ивана Ярославича, действовавшего в 1300 - 1327 гг.¹⁷ и, следовательно, они были современниками. Поэтому Д.И. Иловайский сделал вывод, что Александр Укович жил в первой половине XIV в., но никак не при Дмитрии Донском.¹⁸ Отсюда вытекало, что сделка по приобретению Мещеры, контрагентами которой выступают Дмитрий Донской и Александр Укович, становится просто невозможной. Д.И. Иловайский, по-прежнему полагая, что Мещера была "куплена" Дмитрием Донским (а об этом недвусмысленно говорит грамота 1381 г.), все же предпочитал не высказываться о времени "купли" и о том, у кого она была приобретена. Этой же позиции вслед за ним придерживались С.М. Соловьев и М.К. Любавский.¹⁹

И хотя эти исследователи ничего не говорили о времени "купли" Мещеры, тем не менее они подразумевали, что эта сделка состоялась по времени, близком к упоминанию о ней в грамоте 1381 г. Именно с 80-х годов XIV в. Мещера начинает упоминаться летописями и другими источниками как московское владение. Об этом говорят и приводившееся нами выше известие Никоновской летописи об участии князя Юрия Мещерского в Куликовской битве, и показание новгородского летописца, который сообщает под 1386 г. о походе Дмитрия Донского на Новгород "съ всеми князи рускими", собравшего многочисленные рати, среди которых видим и мещерскую.²⁰

¹⁵ Там же. № 19. С. 54.

¹⁶ Там же. № 33. С. 85; № 47. С. 144; № 76. С. 285, 289.

¹⁷ О князе Иване Ярославиче Рязанском см.: *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 578 - 579.

¹⁸ *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 1858. С. 152.

¹⁹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. II (Тт. 3-4). М., 1988. С. 282; *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. С. 90.

²⁰ ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1848. С. 93; Т. V. СПб., 1851. С. 241.

Вопрос - у кого Дмитрий Донской "купил" Мещеру - так и оставался нерешенным. После работ Д.И. Иловайского выяснилось лишь то, что "продавцом" Мещеры Александр Укович не мог быть, поскольку являлся современником рязанского князя Ивана Ярославича. Но здесь возникало одно противоречие, на которое обратил внимание М.И. Смирнов. Действительно, в московско-рязанских грамотах XV в. Александр Укович постоянно сопоставляется с Иваном Ярославичем, жившим в первой четверти XIV в., но с другой стороны его имя не менее тесным образом связано с фигурой Дмитрия Донского, чья деятельность падает уже на вторую половину XIV в.

Попытавшись разрешить эту проблему, М.И. Смирнов обратил внимание на выражение грамоты 1381 г.: "как было при Александре Уковиче". Оно могло означать только одно - к 1381 г. его уже не было в живых. Отсюда естественным образом он сделал вывод об ошибочности версии Н.М. Карамзина о том, что Александр Укович и князь Александр Юрьевич - одно и то же лицо, ибо последний, наследовав Мещерский удел по смерти отца, павшего на Куликовом поле, был, несомненно, жив в 1381 г.²¹ Продолжая считать, что "продавцом" Мещеры был Александр Укович, он предположил, что эта сделка была совершена гораздо раньше 1381 г. - "в самые первые годы княжения Дмитрия Донского и заключена она в его малолетство московскими боярами".²² Действовавший в первой четверти XIV в. Александр Укович вполне мог дожить до начала 60-х годов XIV в.

Но эта внешне логичная схема имела небольшой изъян - оставалось непонятным почему в летописях и других источниках Мещера начинает упоминаться лишь с 80-х годов XIV в., а не двумя десятилетиями раньше. Ответ на это постарался дать П.Н. Черменский, изучавший историческую географию этого края. Он обратил внимание на то, что в разные исторические эпохи под "Мещерой" понималась различная территория. Ныне Мещерой именуют низменную равнину в пределах Московской, Рязанской и Владимирской областей, между Клязьмой на севере, Москвой-рекой на юго-западе, Окой - на юге и Судогдой и Колпой - на востоке.²³ Однако, в более раннее время край имел совершенно иные границы. В XVI - XVII вв. под понятием "Мещерских городов" обычно понимались уезды Темникова, Кадома, Касимова, Елатьмы и Шацка.²⁴ Иногда в

²¹ Смирнов М.И. О князьях Мещерских XIII - XIV вв. Рязань, 1904. С. 21.

²² Там же. С. 13, 15.

²³ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 27. М., 1954. С. 402.

²⁴ Черменский П.Н. Материалы по исторической географии Мещеры // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 43 - 56.

это понятие включались Арзамас, Алатырь и Курмыш.²⁵ Вместе с тем, наряду с подобным широким определением "Мещерских городов" существовало и более узкое определение Мещеры - в виде самостоятельного Мещерского уезда. Он занимал треугольник в изгибе Оки в районе нынешних Касимова и Елатымы. Ока ограничивала Мещеру с юга. С запада территория Мещерского уезда граничила по р. Гусь с рязанскими землями, а с севера - с Муромом, граница с которым шла от р. Гусь через р. Ксекжа на р. Унжа в нижнем ее течении и оканчивалась у Оки немного севернее Елатымы.²⁶ Как видим, границы Мещеры в разное время были различны.

Поэтому П.Н. Черменский предположил, что в фразе московско-рязанского соглашения 1381 г.: "А что купля князя великого Мещера, как было при Александре Уковиче, то князю великому Дмитрию, а князю великому Олгу не вступатися по тот розъездъ", речь идет не о времени "купли" Мещеры, а о том, что московский князь приобрел не весь этот край, а лишь его часть (скорее всего, территорию, которую в XVI в. занимал Мещерский уезд) в тех границах, которые были установлены ранее при рязанском князе Иване Ярославиче и Александре Уковиче во время размежевания их владений. То, что в 20-е годы XIV в. Иван Ярославич проводил размежевание своих границ с соседями, подтверждается все той же московско-рязанской грамотой 1381 г.: "А Володимерское порубежье по тому, как то было при вашем деде, при великом князе при Иване Даниловиче, и при вашем дяде, при великомъ князе при Семене, и при твоємъ отци, при великомъ князе при Иване".²⁷ Московско-рязанское dokonчание 1402 г. уточняет, что с рязанской стороны этот рубеж был впервые установлен "при великом князе Иване Ярославиче".²⁸

Московско-рязанская грамота 1381 г. впервые определяла границу между двумя княжествами на всем ее протяжении. Собственно московско-рязанская граница начиналась выше Коломны и пролегала по Оке. Затем она шла по р. Цне, левому притоку Оки. Приблизительно от среднего течения Цны начинался рубеж между Ря-

²⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царицах. Ч. III. СПб., 1866. С. 28.

²⁶ Черменский П.Н. Материалы. С. 44. См. также: Дубинская Л.Г. Мещерский край во второй половине XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974. С. 176 - 190; Она же. Поместное и вотчинное землевладение Мещерского края во второй половине XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI - XVIII вв. М., 1975. С. 120 - 134.

²⁷ ДДГ. № 10. С. 29.

²⁸ Там же. № 19. С. 53.

занию и Владимиром, который вел к оз. Великому и далее к верховью рек Нарма и Курша через главную группу озер Мещерской низменности. От р. Курша проходил рубеж Рязани с Мещерой, который шел к р. Гусь, а по ней к Оке.²⁹

При таком понимании текста грамоты 1381 г., по мнению П.Н. Черменского, окончательно разрывается всякая связь Дмитрия Донского с Александром Уковичем, и говорить о том, что московский князь приобрел эти земли именно у него, нельзя. Но у кого же тогда Дмитрий Донской приобрел Мещеру? На взгляд историка, "купля" Мещеры московским князем могла состояться у князя Юрия Мещерского", современника Дмитрия Донского, участвовавшего в качестве его воеводы в Куликовской битве.³⁰ Понятно, что эта сделка могла состояться в период, весьма близкий к составлению грамоты 1381 г., и тем самым вполне удовлетворительно объяснялось - почему именно с 80-х годов XIV в. Мещера начинает упоминаться в числе московских владений.

Как видим, различных, зачастую противоречащих друг другу, версий по поводу ответа на вопрос - у кого Дмитрий Донской "купил" Мещеру? - было выдвинуто немало.³¹ Тем не менее, мы не можем согласиться ни с одной из них. Виной тому - еще одна грамота этого времени, мимо которой удивительным образом прошли практически все исследователи истории Мещерского края.

Приобретение Мещеры Дмитрием Донским

Речь идет о московско-серпуховском докончании 1401-02 гг., заключенном между великим князем Василием I и серпуховским князем Владимиром Андреевичем. В нем Владимир Андреевич, признавая "старшинство" двоюродного племянника, обязался "блюсти" под ним всего его владения: "Москвы и Коломны с волостми, и всего твоего великого княженья, да Волока и Ржевы с волостми, и Новагорода Нижнего с волостми, и что к нему потягло, и Муром с волостми, и что к нему потягло, и Мещеры с волостми, и что к ней потягло, и в та места татарская и в мордовская, как было, госпо-

²⁹ Черменский П.Н. Материалы... С. 44.

³⁰ Он же. Из истории. С. 4.

³¹ Ради полноты картины упомянем еще об одной версии по поводу "купли" Мещеры. А.М. Орлов считает, что "проникновение русских в Мещеру относится к концу XIV - началу XV вв., когда Мещера Тамерланом передается русским князьям, начинается распродажа мещерских земель. Купив земли мещерских князей, московские государи направляют сюда своих наместников и служилых людей" (Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишаре. Казань, 1992. С. 11). Путаница исторических фактов здесь настолько очевидна, что не требует даже рассмотрения.

дине, за твоим отцомъ, за великим князем, и за твоим дедом, за великим князем Дмитрием Костянтиновичем, и за тобою, за великим князем".³² В данной фразе перед нами выстраивается последовательная цепочка владельцев Мещеры на протяжении почти всей второй половины XIV в., из которой явствует, что непосредственно перед Дмитрием Донским владельцем этого края был не кто иной, как князь Дмитрий Константинович Суздальский. Именно у него, надо полагать, и была "куплена" Мещера. Поскольку суздальский князь скончался в 1383 г.,³³ а из московско-рязанского докончания 1381 г. мы знаем, что уже к началу 80-х годов XIV в. этот край стал московским владением, со всей очевидностью вытекает, что Мещеру Дмитрий Донской "купил" именно у Дмитрия Константиновича Суздальского. При этом Дмитрию досталась не вся Мещера, а лишь та ее часть, которой в первой половине XIV в. когда-то владел Александр Укович.³⁴

³² ДДГ. № 16. С. 44. Выделено нами.

³³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 148 - 149.

³⁴ Ссылка московско-серпуховского договора 1401-1402 гг. на прежнего владельца земель - князя Дмитрия Константиновича Суздальского не может относиться ко всем названным в ней владениям Василия I, поскольку здесь упомянуты Москва и Коломна - родовые владения московских князей, которыми суздальские князья никогда не владели. Следовательно, эта отсылка относится лишь к какой-то части перечисленных земель. Известно, что из этого перечня владений собственностью князя Дмитрия Константиновича являлся Нижний Новгород, который в начале 90-х годов XIV в. перешел от суздальских князей к Василию I. Но тогда его упоминание должно было бы находиться не в середине, а в конце данного списка владений. К тому же, после смерти князя Дмитрия Константиновича следующим владельцем Нижнего Новгорода на протяжении почти десяти лет являлся его брат Борис, чье имя должно было также быть упомянуто. Отсюда мы делаем вывод, что ссылка грамоты на прежнего владельца князя Дмитрия Константиновича должна относиться к тому комплексу земель, который упомянут последним в перечне. Речь идет о землях Мещеры, вместе с татарскими и мордовскими землями. Ниже мы будем говорить об особом статусе Мещеры, которая представляла собой своеобразный буфер на границе русских и ордынских владений. Проникновение русских князей в этот район во второй половине XIV в. приводило к тому, что вместе с московской экспансией здесь шло также расширение и рязанских владений. Об этом свидетельствует статья договора Василия I и великого князя Федора Ольговича Рязанского: "А что будет отец наш, князь велики Дмитрие Иванович, оттаимал татарская места и мордовска места, а ци переменит богъ татаръ, и та места мне, князю великому Васи-

Но по имеющимся в распоряжении исследователя источникам создается довольно странная картина, аналогичная случаю с "куплями Калиты" - из летописей нам известно, что Дмитрий Донской владеет Мещерой, однако почему-то "забывает" включить ее в свое завещание: его духовная грамота 1389 г. ни слова не говорит о ней,³⁵ подобно тому, как завещания его отца и деда ничего не сообщают о принадлежности им Галича, Углича и Белоозера. Складывается парадоксальное впечатление - московский князь реально владеет этим краем, и в то же время не имеет права распоряжаться им.

Объяснить этот парадокс можно только единственным способом, предположив, что Мещера принадлежала не самому Дмитрию Донскому, а его жене. Как известно, московский великий князь был женат с 1366 г. на Евдокии, дочери князя Дмитрия Константиновича Суздальского.³⁶ Именно это обстоятельство и подчеркивает договорная грамота 1401-02 гг., когда указывает, что Мещера первоначально принадлежала Дмитрию Константиновичу Суздальскому, деду Василия I.³⁷

Известно, что на Руси за женами их мужья обычно получали приданое, в том числе и земельные владения, являвшиеся в ту пору главным источником доходов. Каков же был юридический статус земель, полученных в приданое? Судя по сохранившимся позднейшим актам, передача приданого оформлялась особой рядной записью, представлявшей собой точный инвентарь земель и другого передаваемого имущества, и которая служила, в случае надобности, основанием для возвращения приданого.³⁸ Во время существования брака приданое, юридически являвшееся собственностью жены, фактически состояло в общем распоряжении суп-

лю Дмитреевичю. А что будет отнял отец твои, князь велики Олегъ Иванович, татарския места и морьдовския, а та тебе и есть" (ДДГ. № 19. С. 54). В этих условиях московско-серпуховское dokonчание 1401-1402 гг. должно было зафиксировать, что к Мещере также относились и "та места татарская и в мордовская, как было, господине, за твоим отцомъ, за великим князем, и за твоим дедом, за великим князем Дмитрием Костянтиновичем, и за тобою, за великим князем".

³⁵ ДДГ. № 12.

³⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 83.

³⁷ ДДГ. № 16. С. 44.

³⁸ Рядные или сговорные грамоты XVI - XVII вв. были введены в научный оборот еще в XIX в. См.: Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1839. С. 418 - 424, № 392 - 401; Акты, относящиеся до юридического быта древней России (под ред. Н.В. Калачова). Т. III. СПб., 1884. С. 287 - 304, 305 - 318, № 334, 336 - 337.

ругов. По прекращении брака смертью одной из сторон, в случае если имелись общие дети, оно переходило другому супругу, а затем их детям. Если же брак был бездетным, то за смертью жены приданое переходило не родственникам мужа, а возвращалось в род жены - братьям, а за отсутствием таковых - ближайшим ее родичам. Аналогичная ситуация имела место и при расторжении брака, с той разницей, что приданое оставалось в собственности жены и с ним она могла выйти замуж второй раз. Эти правила действовали на Руси очень долго - до начала XVIII в. они решались на базе существовавшего законодательства, а после его изменения продолжали действовать чуть ли не до начала XX в. - на основе кассационной судебной практики.³⁹

Составляла ли Мещера приданое Евдокии Дмитриевны Суздальской, когда она выходила в 1366 г. замуж за Дмитрия, будущего Донского? Проверить это предположение позволяет один источник.

В литературе обычно считается, что все, без исключения, имущество княгини указывалось в духовной грамоте ее мужа. Действительно, в завещании Дмитрия Донского 1389 г. подробно перечисляется чем владеет княгиня. Но так ли это было на самом деле? Сохранилось свидетельство, что жена Дмитрия Донского Евдокия пожертвовала во Владимирский Рождественский монастырь ряд владений, среди которых было и село Баскаково.⁴⁰ Однако в духовной грамоте ее мужа упоминание о нем отсутствует. Это можно объяснить тем, что село, находясь в ближайших окрестностях Суздаля,⁴¹ досталось Евдокии в качестве приданого от ее отца. Таким образом видим, что приданое жены юридически представляло ее собственность и поэтому (при условии, что она переживет супруга) не должно было упоминаться в завещании ее мужа.

Отсюда вытекает и основной вывод данной главы - Мещера,

³⁹ Подробнее о заключении и расторжении брака, правах женщин на владение и распоряжение имуществом см.: *Пушкарева Н.Л.* Женщины древней Руси. М., 1989. С. 70 - 85, 104 - 139.

⁴⁰ Вкладная книга монастыря сообщает: "Благоверная княгиня Евдокия, во инокинях Евфросиния, супруга благоверного великого князя Дмитрия Ивановича Донского, дала в дом Преч. Богородицы и чудотв. В. кн. Александру, село Арбузово, з деревнями, с пожнями и с водами, и с глушицею, с росохотом, и язовище Кляземское и со всем, да село Баскаково, с хлебом и з животиною". (Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря. Б.м., б.г. [Отд. отт.: Археологическое общество. Известия. Т. 4. Вып. 4. СПб., 1863.] С. 7; Ср.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. Т. III. М., 1964. № 92а. С. 128 /Далее: АСЭИ/).

⁴¹ *Кучкин В.А.* Формирование. С. 201, 224 (карта).

именуемая московско-рязанским договором 1381 г. как "купля" Дмитрия Донского, представляла собой земли, полученные московским князем за его супругой Евдокией от тестя князя Дмитрия Константиновича Суздальского. Брак был заключен в 1366 г. и, следовательно, этим годом мы должны датировать приобретение этого края Дмитрием Донским. Поскольку приданое юридически являлось собственностью княгини, Дмитрий Донской, фактически владевший Мещерой, все же не имел права показать ее в своем завещании.

Нам необходимо упомянуть лишь еще об одном аспекте присоединения Мещеры к Москве. После смерти Дмитрия Донского ею фактически стал владеть сын Евдокии Василий I. В конце октября 1392 г. он возвратился из Орды. От Тохтамыша он привез ярлык на Нижний Новгород и Городец, "также Мещеру и Торусу".⁴² Тем самым ханская власть хоть и запоздало, но все же окончательно признала переход этого края под власть Москвы.

Вопрос о "тьмах" и статусе Мещеры

Выяснив, что Мещера досталась Дмитрию Донскому в 1366 г. от князя Дмитрия Константиновича Суздальского в качестве приданого за его дочь Евдокией, мы должны прояснить еще одно обстоятельство - почему лишь только с начала 80-х годов XIV в. в источниках появляются первые свидетельства о том, что этим краем действительно распоряжался московский князь и почему их не встречается в предшествующие - 60-70-е годы XIV в. Это необходимо и для того, чтобы понять - каков был статус этого края и местных мещерских князей в первые годы московского владычества - были ли они владельческими или просто служилыми князьями? Выяснение этого, в общем-то частного, вопроса позволяет затронуть одну из важнейших проблем отечественной истории - организацию системы ордынской власти на Руси.

Считается, что вскоре после монголо-татарского нашествия завоеватели для организации правильного и регулярного сбора дани разделили Северо-Восточную Русь на полтора десятка областей, называвшихся "тьмами", границы которых, возможно, совпадали с территориями отдельных княжеств, во главе которых находились специальные агенты Орды - баскаки, ответственные за сбор и поступление дани в ханскую казну. Утверждение это основано на ряде источников.

Под 1359 г. русские летописи сообщают, что в Орде был убит хан Бердибек. Его преемник Кульпа царствовал лишь около полугода и был также убит Наврусом, занявшим ханский престол. "В те

⁴² ПСРЛ. Т. XXV. С. 219.

же въ бранныя времена", по выражению летописца, в Орде среди прочих князей, явившихся для представления новому хану, пришлось быть и князю Андрею Константиновичу Суздальскому.⁴³

Рогожский летописец при описании этих событий помещает уникальное известие, раскрывающее подробности пребывания суздальского князя в Орде: "По Коулпе царствова Навроус, къ нему же первое прииде князя великого сынъ Ивана Ивановича Дмитреи и вси князи Русьтии и виде царь князя Дмитрея Ивановича оуна соуща и млада возрастомъ и насла на князя Андрея Костынянтиновича, дая емоу княжение великое, 15 *темь*, он же не яся, но состоупися брату своему меньшему князю Дмитрею, а самъ поите на Роусь".⁴⁴

Что означает встречающееся здесь выражение "темь" или "тъма"? В тогдашнем языке оно обозначало число 10000. Именно в этом значении оно употребляется летописцем, когда под 1371 г. он рассказывает, что Дмитрий Донской привел "съ собою из Орды княжа Михайлова сына Тферскаго князя Ивана, окупив его у татаръ в долгу, дасть на нем 10000 рублевъ серебра, еже есть *тъма*".⁴⁵ Но это слово имело и другое значение: в областях Ирана, Самарканда, Бухары термином "туман", "тюмень" обозначали мелкие территориальные единицы. Очевидно, именно в этом значении ("область, округ") мы встречаем этот термин в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея 1506-1507 гг. великому князю литовскому Сигизмунду. И хотя этот источник относится лишь к началу XVI в., в своем основном ядре он восходит к более ранней эпохе. Речь в нем идет о русских землях, вошедших в состав Великого княжества Литовского при Витовте и Казимире. Задним числом Менгли-Гирей соглашается признать право владения этими землями за Сигизмундом с тем, чтобы он взамен давал известное количество "поминков" в Крым. Читаем: "Дали потомуж: Киевскую *тму*, со всеми входы и данми, и зъ землями и зъ водами; Володимерскую *тму*, со всеми входы и данми, и зъ землями и зъ водами; Великого Луцка *тму*, со всеми входы и данми, и зъ землями и зъ водами; Смоленскую *тму*, со всеми входы и зъ данми, и зъ землями и зъ водами; Подолскую *тму*, со всеми входы и зъ данми, и зъ землями и вода-

⁴³ Там же. Т. X. СПб., 1885. С. 230 - 231. А.Н. Насонов по татарским источникам выяснил, что Наврус сменил Кульпу приблизительно в январе - феврале 1360 г. и вскоре после этого русские князья приехали в Орду для представления новому хану. (Насонов А.Н. Монголы и Русь /История татарской политики на Руси/. М.; Л., 1940. С. 121. Прим. 5).

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 68. Выделено нами.

⁴⁵ Там же. Т. XXV. С. 187.

ми;..." и т.д.⁴⁶

Свидетельство этого источника привело А.Н. Насонова и других исследователей к выводу, что термин "тьма" мог употребляться не только в смысле "область, округ", но и в специальном значении податного округа.⁴⁷ Действительно, в XIII - XIV вв. на Руси знали счет населения в "тьмах". Связано это было с тем, что вскоре после татаро-монгольского нашествия завоеватели произвели на Руси перепись всего населения, для определения размеров дани, которая должна была идти в Орду. Под 1257 г. русские летописи помещают известие об этой переписи: "Того же лета бысть число, приидоша числьницы и изочтоша всю землю Суждалскую и Рязанскую и Муромскую, и поставиша десятники, сотники, тысящники, темники, толико не чтоша поповъ и диаконовъ и чернцевъ". Спустя два года это же мероприятие было проведено в Новгороде: "Тое же зимы приидоша числьницы ис татар чести Новгорода Великого... и изочтоша Новъгородъ".⁴⁸ Но результаты этой переписи не совсем удовлетворили татарскую администрацию - слишком много было уклонившихся от нее и поэтому в 1273 г. была проведена повторная перепись: "бысть число второе из Орды от царя".⁴⁹

Но что следует понимать под фразой "княжение великое, 15 темъ"? В поисках ответа на этот вопрос А.Н. Насонов обратил внимание на одно известие из "Хронографа редакции 1512 г.", который под 1399 г. сообщает: "князь велики Витовтъ Литовский сдумавше съ царемъ Тактамышемъ поити на царя Темирь Котлуя. Витовтъ рече: «я тебе посажу на Орде и на Сараи и на Болгарехъ и на Аз-тарахани и на Озове и на Заятцькой Орде, а ты мене посади на Московскомъ великомъ княжении и на всей *семенатьцати темъ* и на Новеграде Великомъ и на Пскове, а Тферь и Рязань моа и есть, а Немци и самъ возму»".⁵⁰ Встречающееся в нем выражение "17 темъ" очень близко к цифре "15 темъ" Рогожского летописца и так же связывает его с территорией великого княжения Владимирского. Не удивительно, что основываясь на этих источниках, А.Н. Насонов предположил, что "не исключена, таким образом возможность, что слова «княжение великое 15 темъ» свидетельствуют о количестве плательщиков (или семейств) в пределах «великого княжения Владимирского» (т.е. о 150 тыс. плательщиках), хотя

⁴⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2 (1506-1544). СПб., 1848. № 6; Ср.: Там же. № 200.

⁴⁷ Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 98 - 99.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 32.

⁴⁹ Там же. Т. IV. СПб., 1848. С. 42.

⁵⁰ Там же. Т. XXII. Ч. 1. СПб., 1911. С. 423. Выделено нами.

возможно и другое объяснение: ничего нет невероятного в том, что территория великого княжения Владимирского делилась на 15 «туманов» или небольших областей, размеры которых определялись в соответствии с величиной взимавшейся дани».⁵¹

Последующая историография в целом согласилась с мнением А.Н. Насонова, что "темь" или "тьма" - «это единица административно-податного деления в русских пределах, установленная ордынцами»,⁵² а великое княжение Владимирское в XIV в. было поделено татарами на 15 округов - "тем" (таких, как Владимир, Суздаль и т.д.) И, хотя в целом, это объяснение выражения "княжение великое, 15 темь" выглядит достаточно убедительным, выдвинувший его А.Н. Насонов все же испытывал определенные сомнения по его правильности, главным из которых было то, что "в источниках мы не нашли пока никаких следов существования «тем» как мелких территориальных единиц на русском Северо-востоке".⁵³

Между тем, хотя лишь один раз, но термин "тьма" все же встречается в духовных и договорных грамотах XIV - XV вв. - в dokonчании 1445 г. князя Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями: "А въ прадедину нашу, и в дедину, и въ отчину, в Суздаль, в Новгород (имеется в виду Нижний Новгород. - К.А.), в Городецъ, и въ Вятку, и во всю пятетем Новъгородскую, тебе, господину нашему, князю Дмитрию Юриевичю, и твоему сыну, князю Ивану, не вступатися ничим".⁵⁴

Что же подразумевается в грамоте под выражением "всю пятетем Новъгородскую"? В переводе на современный язык его следует читать как "все пять тем новгородских". Поскольку грамотой это выражение перечисляется в одном ряду с Суздалем, Нижним Новгородом, Городцом и Вяткой, следует предположить, что оно обозначало определенную географическую область, такую же, как вышеперечисленные, и сравнимую с ними по своим размерам. Указание же грамоты, что эта область являлась новгородской (в данном случае речь идет, конечно же, не о Великом Новгороде, а о Нижнем) заставляет искать ее в пределах Нижегородского княжества.

Определенные указания на это дает известие Рогожского летописца под 1364 г.: "бысть моръ силен велик на люди в Новегороде

⁵¹ Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 99.

⁵² См.: Тарасов А. О тьмах и Мещерском юрте // Рязанский следопыт. 1995. № 4. С. 18.

⁵³ Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 99. Прим. 4.

⁵⁴ ДДГ. № 40. С. 119. О датировке грамоты см.: Кучкин В.А., Флоря Б.Н. О dokonчании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 191 - 217.

въ Нижнем и на уезде, и на Сару, и на Киши, *и по странамъ, и по волостемъ*".⁵⁵ Некоторое недоумение в этом сообщении вызывают слова "и по странамъ, и по волостемъ".

Русские летописи, полные сообщений о различного рода эпидемиях, при характеристике их размеров и произведенных опустошениях иногда используют выражение "страны", но употребляют его исключительно в значениях "государство", "княжество". В этом легко убедиться, читая рассказ все того же Рогожского летописца о продолжении той же эпидемии, начавшейся в 1364 г.: "А преже того былъ моръ в Новгороде въ Нижнемъ, а пришелъ съ низу, от Бездежа в Новъгородъ в Нижнии, а отътоле на Коломну, а съ Коломны на другое лето в Переяславль, а отъ Переяславля на другое лето на Москву. Тако въ всехъ странахъ и градахъ и въ всехъ пределахъ ихъ былъ моръ великий, страшный".⁵⁶

В приведенном же нами предшествующем отрывке речь идет исключительно о территории Нижегородского княжества, где, понятное дело, не могло быть других "государств".⁵⁷ Притом эти "государства" должны были быть совершенно крошечными, поскольку, судя по контексту известия, понятия "страны" и "волости" однопорядковые, означающие мелкую территориальную единицу. Тем не менее, летописец сознательно употребляет в сообщении не одно из этих слов, а одновременно два. Отсюда мы можем предположить, что в Нижегородском княжестве наряду с волостями существовали и иные мелкие территориально-административные единицы, отличные от них.

Ясность в этом вопросе наступает только тогда, когда мы вспомним о том, что именно термином "тьмъ" или "тьма" можно было обозначить небольшую территориальную округу. Очевидно, упоминаемые в этом известии Сара и Кишь являлись ничем иным, как "тьмами". Однако слово "тьма" в тогдашнем языке имело и другое, числовое значение (10 тысяч) и поэтому летописец в своем известии предпочел дать не сам термин, а его русский перевод.

Итак, в пределах Нижегородского княжества, по соседству с Нижним Новгородом находились две территориально-административные единицы - Сара и Кишь, - возможно, носившие название "тьма". Но окончательно в этом можно убедиться лишь тогда, когда найдем остальные три. Они, вероятно, лежали поблизости от первых двух, и поэтому нам необходимо обратиться к другим изве-

⁵⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 76. Выделено нами.

⁵⁶ Там же. Стб. 77.

⁵⁷ В.А. Кучкин полагал, что речь здесь идет о местностях ("странах") и административных единицах ("волостехъ") Нижегородского княжества (Кучкин В.А. Формирование. С. 227).

ствиям летописца, где упоминаются и другие административно-территориальные единицы этого района.⁵⁸ Под 1375 г. имеется сообщение, что "пришедше татарове из Мамаевы орды и взяша Кишь и огнем пожгоша и боярина убиша Парфения Федоровича и *Запиание* все пограбиша".⁵⁹ Еще одно упоминание этих мест содержится в описании отступления татар после их набега на Нижний Новгород в 1408 г.: "И поидоша от Новагорода воюючи *Уяды* и Березово поле, тако поидоша обаполь и по лесомъ ищучи людей... и оттоле поидоша къ Суре, начаша Суру воевати, *Кормышь* пожгоша и Сару Великую пожгоша..."⁶⁰

Все упомянутые в этих известиях пять пунктов - Сара, Кишь, Запьяние, Уяды и Курмыш, за исключением Березова поля, которое находилось непосредственно у Нижнего Новгорода, компактно располагались вдоль нижнего течения р. Суры, ее левых притоков Пьяны и Кишь. Во второй половине XIV - первой половине XV в. они входили в Нижегородское княжество и образовывали на его восточной окраине единую область с центром в Курмыше.⁶¹ Судя по грамоте 1445 г. она именовалась как "пять тем нижегородских".

И хотя эта область входила в состав Нижегородского княжества, она делилась не на волости, а на "тьмы". Это объясняется тем, что преобладающим элементом здешнего населения были не русские, а мордва и татары. Об этом свидетельствует летописный рассказ о нижегородском "госте" Тарасии Петрове, купившем в этих местах приблизительно в 60 - 70-х годах XIV в. себе "вотчину... шесть сел" у местного, вероятно мордовского, князя Муранчика.⁶² Селились здесь и татары, приходившие из Орды. Так, под 1361 г. Рогожский летописец сообщает: "А Секиз бии Запиание все пограбил и, обрывся рвомъ, ту седе".⁶³

В литературе приобретение этих земель суздальско-нижегоро-

⁵⁸ Сара и Кишь локализуются к юго-востоку от Нижнего Новгорода и располагались в районе р. Суры (Сары) и ее притока Кишь. О локализации этих пунктов см.: Кучкин В.А. Формирование. С. 227 - 228.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 109. Здесь и далее выделено нами.

⁶⁰ Там же. Т. XV. Стб. 484.

⁶¹ Центром этой области с 1372 г. стал Курмыш: "Того же лета князь Борисъ Костянтинович постави себе город на рече на Суре и нарече его именем Курмышъ" (ПСРЛ. Т. XXV. С. 187).

⁶² Насонов А.Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. Вып. VI. М., 1958. С. 246 - 247; Ср.: Кучкин В.А. Формирование. С. 216 - 217.

⁶³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 71. Нельзя ли в нем видеть царевича Большой Орды Серкиза, который, по данным родословцев, выехал на Русь именно в это время? Позднее от него произошел род Старковых.

дскими князьями обычно относят к 60 - 70-м годом XIV в.⁶⁴ Суздальские князья, присоединив эту территорию, не спешили вводить здесь прямое русское управление с привычным для нас делением на волости, а оставили для местного мордовского и татарского населения известную автономию и прежнюю систему административно-территориального устройства, состоящую из "тем". Таким образом, под термином "тыма" следует понимать мелкую административно-территориальную единицу, аналогичную волости, на землях, населенных по преимуществу нерусским населением, и сохранявшую определенную самостоятельность во внутреннем управлении.

Появление этих новых административно-территориальных единиц в пределах Русской земли объяснялось тем, что уже с достаточно раннего времени в Орде начинаются смуты и междоусобицы. Ожесточенная грызня за ханский престол выбрасывала за пределы Большой Орды царевичей и вельмож, потерпевших поражение в этой борьбе. Вместе с ними, спасаясь от мести победителей, бежали десятки и сотни их сторонников. Вся эта масса оседала на малозаселенных местах между русскими княжествами, Литвой и Великой степью, создавая ту широкую буферную зону между Русью и Ордой, которую уже в XV в. назовут "украиной".⁶⁵ Русские и литовские князья охотно принимали выходцев из Орды, предоставляя им свободные земли, справедливо полагая, что могут использовать их в качестве заслона против татарских набегов.⁶⁶

⁶⁴ Кучкин В.А. Формирование. С. 217.

⁶⁵ Особенностью исторической географии Золотой Орды было то, что окружавшие ее народы довольно длительное время старались селиться как можно дальше от районов расселения монголов. Опасное соседство, чреватое постоянной угрозой полного хозяйственного разорения, вызвало появление широкой буферной зоны пограничья вдоль всей границы Орды. (Подробнее см.: Егоров В.Л. Историческая география Золотой орды в XIII - XIV вв. М., 1985. С. 31 - 53).

⁶⁶ Вопросам изучения положения служилых татар на землях Великого княжества Литовского, правда в основном, в аспекте генеалогии и геральдики, посвящены работы С.В. Думина: Думин С.В. Служилые татары в Великом княжестве Литовском в конце XIV - начале XVI в. (формирование группы) // Наш Радавод. Кн. 3. Ч. 3. Гродно, 1991. С. 439 - 448; Он же. Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском // Acta balticoslavica. 20. Wroclaw, 1991. С. 7 - 49; Он же. Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV-XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 107 - 113; Он же. Геральдика литовско-татарского дворянства XVI - XX вв. // Гербовед. 1996. № 2(10). С. 14 - 29; Он же. Краткий гербовник татарской

До поры до времени эти выходцы из Орды сохраняли достаточно широкую автономию в делах внутреннего управления, привычный уклад жизни и прежних правителей, а зависимость от русских князей, судя по всему, выражалась лишь в эпизодической посылке военных отрядов против их врагов. В то же время они продолжали сохранять и определенные связи с Ордой, порой участвуя во внутриордынских спорах и противоречиях. Занимая широкую "буферную" зону между Ордой и Русью, которая тянулась вдоль всей кромки русских земель, в своей политике они балансировали между этими двумя государственными образованиями, готовые в любой подходящий момент склониться на сторону сильнейшего. Поэтому зависимость этих территорий от русских княжеств то ослабевала, то усиливалась, в соответствии с "текущим моментом".⁶⁷

Для нас же в этом вопросе важно другое. Мы установили - где располагались пять нижегородских "тем". Вероятнее всего, их вхо-

шляхты Великого княжества Литовского // Гербовед. 1996. № 3(11). С. 6 - 44.

⁶⁷ О том, что под термином "тьма" следует понимать именно небольшую территорию, свидетельствует и упоминание в Любецком синодике жившего на рубеже XIII - XIV вв. князя Олега Романовича Брянского, "оставившего дванадцать темъ людей". (Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 26, 82 - 86). Если мы еще можем согласиться с тем, что во всем Великом княжении Владимирском в XIV в. было 150 тысяч плательщиков татарской дани (предположив, что татарские переписи охватывали именно семьи, а не отдельных лиц), то вряд ли в далеко не самом крупном Брянском княжестве их насчитывалось 120 тысяч. Даже если учесть, что кн. Олег Романович был не только брянским, но и черниговским князем, эта цифра слишком велика и для Черниговского княжества, являвшегося пограничным с Ордой и наиболее сильно страдавшего от постоянных татарских набегов. Упоминание "12 тем" в Любецком синодике вместе с именем князя Олега Романовича Брянского может быть объяснено иным образом. Выше мы отмечали, что к Северо-Восточной Руси тянуло 15 - 17 "тем". С Юго-Западной Русью было связано 12 подобных образований. Их перечень находится в упоминавшемся нами ярлыке 1506-1507 гг. крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду, где названы следующие "тьмы": Киевская, Владимирская (Владимира-Волынского), Великого Луцка, Смоленская, Подольская, Каменецкая, Браславская, Сокальская, Черниговская, Курская, "Сараева сына Еголтаева" - всего 11 "тем". Кроме того, здесь упоминается Тула, где также сидели татары. (Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. № 6).

ждение в состав Суздальского княжения следует приурочить к 1360 г., когда суздальский князь Дмитрий Константинович вместо отказавшегося своего старшего брата Андрея получил великое княжение и 15 тем. Однако известие Рогожского летописца под 1359 г. говорит о 15 "тьмах". Но где же находились остальные 10 "тем", полученные суздальскими князьями в 1360 г.? Очевидно, они располагались в районе Мещеры и тех "мест татарских и мордовских", лежавших на правобережье Оки, в бассейне рек Мокши и Цны, которые также, судя по известию грамоты 1401-02 гг., когда-то принадлежали суздальским князьям.⁶⁸ Таким образом, приобретение ими Мещеры следует также датировать этим же временем. В 1366 г. этот край достается Дмитрию Донскому и по-прежнему сохраняет широкую автономию, фактически являясь лишь номинально зависимой от московского князя территорией. И только после сражения 1378 г. на р. Воже, показавшего силу московских ратей, мещерские князья начинают регулярно принимать участие в походах Дмитрия Донского - на Куликово поле в 1380 г. и на Новгород в 1386 г.

Завершая рассмотрение этой темы, мы не можем не коснуться и вопроса о баскаках. Мы только что выяснили, что под "тьмой" следует понимать небольшую административно-территориальную единицу с преимущественно нерусским населением. Все они располагались в широкой полосе пограничья русских земель с Ордой. Кто же возглавлял "тьмы"?

А.Н. Насонов, рисуя картину ордынской власти на Руси, создает стройную схему ее организации из баскаческих отрядов во главе с владимирским баскаком, называвшимся "великим", которому были подчинены другие баскаки, державшие баскачества разных княжений. Все это, по мнению ученого, было направлено для решения лишь одной задачи - держать в повиновении покоренное население.⁶⁹ В этой связи логичными представляются его выводы о том, что Великое княжение Владимирское было разделено на 15 областей - "тем".⁷⁰ Пытаясь подтвердить свою версию, он сумел обнаружить по "Спискам населенных мест Российской империи" в ряде губерний центральной России поселения с названиями: Баскаки, Баскаково, Баскачи и т.п.⁷¹ По его мнению, происхождение части этих названий связано с местопребыванием или деятельностью

⁶⁸ См.: Егоров В.Л. Ук. соч. С. 52.

⁶⁹ Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 145 - 146. См. также: Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 220 - 221; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 26.

⁷⁰ Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 98 - 99.

⁷¹ Там же. С. 18 - 19.

баскаческих отрядов или баскаков.

Однако, он не учел того обстоятельства, что более половины населенных пунктов центральной России получили свои названия от имен, прозвищ, фамилий своих первых владельцев или перво-поселенцев.⁷² На Руси, между тем, по данным дворянских родословных книг, известно несколько родов Баскаковых. Первый из них официально считался происходящим от Михаила Козьмича Баскакова, упоминающегося в 1597 г., и был внесен в VI часть дворянской родословной книги Калужской и Ярославской губерний. Другой род вел начало от Нефеда Захаровича Баскакова, верстанного помещьем в 1650 г., и был записан в VI часть родословной книги Костромской и Ярославской губерний. Третий род, также внесенный в VI часть родословной книги Костромской губернии, происходил от Григория Гавриловича Баскакова, скончавшегося в 1600 г. и имевшего трех сыновей: Михаила, Ивана и Парамона, от которых пошли отдельные ветви. Четвертый род был внесен в VI часть родословной книги Смоленской губернии и вел начало от Венедикта Федоровича Баскакова. Известен еще старый дворянский род Баскаковых по Тамбовской губернии, восходящий к концу XVI в., но Герольдией в древнем дворянстве он утвержден не был. Четыре позднейших рода Баскаковых были записаны по Московской губернии (II, III и VI части родословной книги), два - по Владимирской (II и III части родословной книги), один по Нижегородской.⁷³ И хотя

⁷² См.: *Веселовский С.Б.* Топонимика на службе у истории // Исторические записки. Т. 17. М., 1945. С. 24 - 52.

⁷³ Сведения о Баскаковых разбросаны по различным изданиям. Укажем важнейшие: Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе Родословную книгу, собранную и сочиненную в Розряде при царе Федоре Алексеевиче и по временам дополняемую, и которая известна под названием Бархатной книги... Ч. 2. М., 1787. С. 284; *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч. IV. СПб., 1857. С. 263; *Бобринский А.А.* Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. Ч. 1. СПб., 1890. С. 654 - 655; Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 5. СПб., 1891. С. 144; *Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 83; *Трегубов М.И.* Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии, с указанием важнейших документов, находящихся в делах о дворянстве разных фамилий Архива Владимирского Дворянского Депутатского Собрания. (Под ред. и с предисл. *А.В. Селиванова*) Владимир, 1905. (Владимирская ученая архивная комиссия. Труды. Кн. 8. Прил. 4). С. 15 - 16; *Булычев Н.* Калужская губерния. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1-е октября 1908 г. и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С. 183; Алфа-

представителям этой фамилии удалось проследить родословие отдельных ее ветвей лишь до рубежа XVI - XVII вв., несомненно, что она существовала и раньше. Поэтому говорить о том, что указанные А.Н. Насоновым селения происходят от когда-то стоявших в этих местах баскаческих отрядов, было бы весьма неосторожно.

Просматривая немногочисленные упоминания русских летописей о баскаках, мы должны обратить внимание только на одну сторону их деятельности, точнее на те географические районы, где они действовали. И здесь нас подстерегают неожиданности, на которые историки не обращали внимания.

Под 1331 г. летописи рассказывают о том, что новоизбранный новгородский владыка Василий отправился для своего посвящения на Вольту, где находился тогда митрополит Феогност. На обратном пути, уже под Черниговом, его настиг "князь Федоръ Киевскый со баскакомъ въ пятидесят человекъ розбоемъ".⁷⁴ Широко известен летописный рассказ о баскаке Ахмате, активно действовавшем в 1280-х годах в районе Курска и создавшем там свои слободы.⁷⁵ Упоминаются баскаки в грамотах русских митрополитов, адресованных населению территории, примыкавшей к Червленому Яру (возле Хопра и Дона), чья принадлежность была спорной ме-

витный указатель дворянских родов Костромской губернии, внесенных в родословную книгу, разделенную на шесть частей, с 1790 года по 1899 год. Кострома, 1900. С. 4, 35; Московское дворянство. Алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах Архива Московского Дворянского Депутатского собрания. М., 1910. С. 28 - 29; Московское дворянство. Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. Дворянство жалованное и выслуженное. А - И. Под ред. *Савелова Л.М.* М., 1914. С. 97; *Ребровский Н.Д.* Список дворянским родам, внесенным в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии и утвержденным в дворянском достоинстве. Нижний Новгород, 1902. С. 24; *Савелов Л.М.* Родословные записи Леонида Михайловича Савелова (Опыт родословного словаря русского древнего дворянства). Вып. 1. М., 1906. Вып. 1. С. 130 - 131; Список дворянских родов, внесенных в родословные дворянские книги Смоленской губернии. Составлен в 1897 г. Смоленск, 1897. С. 58; Энциклопедический лексикон (изд. *А. Плюшара*). Т. 5. (Бар - Бин). СПб., 1836. С. 33; *Ельчанинов И.Н.* Материалы для генеалогии ярославского дворянства. Т. 2. Ярославль, 1913. С. 10 - 16. Герб Баскаковых помещен в "Общем Гербовнике" (Ч. XII. С. 48).

⁷⁴ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 344.

⁷⁵ Там же. Т. X. С. 162; Т. VII. СПб., 1856. С. 176 - 178.

жду Рязанской и Сарайской епископиями,⁷⁶ а также, судя по московско-рязанскому dokonчанию 1381 г., в Туле.⁷⁷ Согласно "Житию Пафнутия Боровского" дед святителя - Мартин был баскаком в Боровске.⁷⁸

Складывается довольно любопытная картина: ареал деятельности баскаков оказывается связанным с той же самой широкой "буферной" полосой русско-ордынского пограничья, где источниками фиксируются мелкие территориальные единицы "тмы".

Некоторым диссонансом в этом смысле может показаться известие 1269 г., когда князь Святослав Ярославич "прииде... в Новгород, баше же с ними баскакъ великий Володимирьский именем Армаганъ, и хоте ити на город на неметцкии Колыванъ, и уведаша немци, прислаша послы своя с челобитьемъ, глаголюще: «челом бьем, господине, на всеи твоеи воли, а Неровы всею отступаемся». И тако взя миръ с немци".⁷⁹ Но это противоречие снимается, когда мы узнаем, что свои войска князь Святослав собирал по приказу своего отца великого князя владимирского Ярослава Ярославича в "Низовской земле". Выше, говоря о центре владений князей Мещерских Андрееве городке, мы связывали его основание с именем великого князя Андрея Александровича. Очевидно, где-то по соседству, на границе "Низовской земли" в несколько более раннюю эпоху располагались и владения баскака Амрагана (Армагана). Поскольку он зависел от великого князя владимирского, вполне объяснимо его упоминание летописцем как "баскака великого владимирского".⁸⁰

Наконец, под 1305 г. Лаврентьевская летопись сообщает о смерти баскака Кутлубуги, который был связан с Ростовской землей.⁸¹ Как будет показано в следующей главе, на рубеже XIII - XIV вв. ростовским князьям принадлежали огромные лесные пространства русского пограничья, лежавшие по р. Ветлуге, где компактно проживало нерусское население. Правда, следует отметить, что здешние мелкие территориально-административные единицы не

⁷⁶ АСЭИ. Т. III. М., 1964. № 312. С. 341 - 343; № 313. С. 343 - 345.

⁷⁷ ДДГ. № 10. С. 29.

⁷⁸ О "Житии" см.: *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII - XIV вв. СПб., 1999. С. 201 и след.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 148.

⁸⁰ Судя по всему, центром владений "баскака великого владимирского" мог быть лежавший на границе русских владений Муром. Во всяком случае, летописи не называют с середины XIII в. на протяжении почти столетия ни одного из муромских князей (См.: *Экземплярский А.В.* Ук. соч. Т. II. С. 616 - 618).

⁸¹ Там же. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 528.

носили названия "тьма", а именовались "дорога". По документам XVII в. на р. Ветлуге, наряду с чисто русскими волостями, известны "Лапшангская" и "Вятская" дороги.⁸²

Это обстоятельство заставляет вспомнить, что в XIV в. термин "баскак" заменяется в русских источниках словом "даруга" (или "дорога" в русифицированной форме). Не останавливаясь на выяснении причин этого явления, отметим высказанное в литературе мнение, что тюркский термин "баскак" однозначно соответствует монгольскому "даруга".⁸³ Каковы были функции "даруги"? А.Н. Насонов, продолжая строить свою схему ордынского владычества на Руси, утверждал, что они занимались тем же, что и баскаки - сбором дани, только с той разницей, что «теперь князья отдельных княжеств имели дело каждый со своим "дорогой", т.е. московский князь с "дорогой московским", тверской с "дорогой тверским" и т.п. Так, под 1432 г. в Симеоновской летописи упомянут "московский дорога" Минь-Булат, а под 1471 г. - "князь Темир, дорога рязанской". Отсюда следует предположить, что существовали "дорога тверской" и "нижегородско-суздальский" и, может быть, другие». ⁸⁴ Но при ближайшем знакомстве - с какими географическими регионами была связана деятельность "даруг" - становится ясным, что эти предположения остаются не более чем игрой ума.

Под 1376 г. летописец сообщает о походе воевод Дмитрия Донского и его тестя князя Дмитрия Константиновича Суздальского "ратью на безбожных Болгары". Несмотря на то, что осажденные "из града громъ пуцаху", а другие выезжали на верблюдах, "полошающе кони русския", победа была за русскими. "князи же болгарский Осанъ и Махмать салтанъ и добиста челомъ князю великому и тьстю его князю Дмитрею Костянтиновичю, ... а дарагу и таможенника посадиша князя великого в Болгарех и отъидоша прочь".⁸⁵ Еще раз термин "даруга" встречается в летописи под 1438 г. при описании переговоров перед Белевским боем, когда татарский царь Махмут послал к русским воеводам "зятя своего Ельбердеа да дараг, князеи Усеина Сараева да Усень Хозю". Как видим,

⁸² Холмогоровы В.И., Г.И. Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церквей. 1628 - 1710 и 1722 - 1746 гг. Кострома, 1895. С. 219, 221, 225, 257, 265, 271; Вып. 2. Солигаличская и Унженская десятины жилых данных церквей. 1680 - 1710 и 1722 - 1746 гг. Кострома, 1900. С. 71, 72, 81, 103, 104, 112.

⁸³ См.: Кривошеев Ю.В. Ук. соч. С. 216. Прим. 225; Федоров-Давыдов Г.А. Ук. соч. С. 30 - 31.

⁸⁴ Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 104 - 105.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 192. Здесь и далее выделено нами.

речь снова идет о пограничных территориях русско-ордынского по-
рубежья.⁸⁶

К этой же территории относится и упоминание Симеоновской летописью "рязанского дороги" Темира под 1471 г.⁸⁷ Он, очевидно, управлял теми "тьмами" в Рязанской земле, свидетельство о существовании которых находим в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду.⁸⁸ Что же касается "московского дороги" Минь-Булата, у которого в 1432 г. находились великий князь Василий Темный и его дядя князь Юрий Галицкий, то вспомнив об известии "Хронографа редакции 1512 г.", который под 1399 г. сообщает о Московском великом княжении и 17 "тьмах",⁸⁹ мы выясним, что его владения вероятнее всего лежали в районе Тулы, которая московско-рязанским договором 1381 г. именуется как "место" московского князя. Наконец, московско-рязанское до-
кончание 1483 г. упоминает даруг касимовского царевича.⁹⁰ Таким образом становится понятным, что речь идет все о тех же русско-ордынских пограничных землях.

Отсюда вытекает и наш основной вывод: эти земли русско-ордынского пограничья, широкой полосой протянувшиеся вдоль всей кромки русских княжеств представляли собой территории с редким русско-татарским населением, преобладающим элементом которого были выходцы из Золотой Орды. Административно они состояли примерно из полутора десятков мелких образований, носивших названия "тьмы", и управлявшихся главами этих образований, носивших приблизительно до середины XIV в. название баскаков, а позднее - даруг. Разница в количестве "тем" (15, по сообщению летописи под 1359 г., и 17, по известию 1399 г.) объясняется тем, что первое из них не учитывало двух "тем" - Боровской, где баскаком сидел дед Пафнутия Боровского (Боровск впервые упомянут в духовной грамоте 1358 г. великого князя Ивана Красного), и Тульской, упоминаемой в московско-рязанском докончании 1381 г.⁹¹ Чуть меньшее количество "тем" приходилось на литовско-татарское пограничье.

В своем внутреннем управлении они пользовались достаточно широкой автономией, объяснявшейся тем, что в зависимости от политической ситуации они могли то признавать верховенство русских князей, то склоняться на сторону Орды. В этом плане до-

⁸⁶ Там же. С. 260.

⁸⁷ Там же. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 224.

⁸⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. II. № 6. С. 5.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1. С. 423.

⁹⁰ ДДГ. № 76. С. 284, 288.

⁹¹ Там же. № 4. С. 15, 18, № 10. С. 29.

вольно показательна статья все того же московско-рязанского договора 1381 г. о Туле: "А что место князя великого Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне, Тула, как было при царице при Таидуле, и коли ее баскаци ведали, в то ся князю великому Олгу не вступати, и князю великому Дмитрию". На первый взгляд, возникает совершенно парадоксальная ситуация: Тула принадлежит Дмитрию Донскому, но последний не имеет права сюда "вступати". Ее можно объяснить только автономностью этой территории на начало 80-х годов XIV в.

Одним из таких образований и был Мещерский край, владельцы которого вплоть до второй половины XV в. сохраняли свою автономию, маневрируя между Москвой, Ордой и Литвой. Но описание дальнейшей судьбы Мещеры уже выходит за рамки этой работы.

Вопрос о времени перехода Галича под власть Москвы

Выяснив все обстоятельства, связанные с "куплей" Мещеры, мы должны снова обратиться к истории тех княжеств, которые Калита называет "куплями своего деда". Первым в этом перечне стоит Галич. Его Дмитрий Донской отдавал своему сыну Юрию: "А сына своего благословляю, князя Юрья, своего деда куплею, Галичем, со всеми волостями, и с селы, и со всеми пошлинами, и с теми селы, которые тягли к Костроме, Микульское и Борисовъское."¹

С какого времени Галич стал московским владением? В поисках ответа на этот вопрос историки обратились к духовным и договорным грамотам московских князей. В них Галич впервые упоминается в докончании 1372 г. великого князя Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского.² Этот документ дошел до нас в очень плохом состоянии - правый и левый его края оборваны и осталась лишь средняя часть. Тем не менее, несмотря на дефекты источника, в нем все же можно прочесть обрывок фразы: "...господине, дал въ оудельъ Галичь, Дмитровъ с волостыми и съ... и твоим детемъ под моими детьми, и до живота",³ из которой можно понять, что к 1372 г. Галич входил в удел князя Владимира Андреевича Серпуховского, а, следовательно, был утерян местными галичскими князьями до этой даты.

Но переход Галича под власть Москвы, несомненно, произошел еще раньше. В.А. Кучкин обратил внимание на запись в так называемом Галицком Евангелии 1357 г. Переписчик Евангелия, закон-

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М.; Л., 1950. № 12. С. 34. (Далее: ДДГ).

² ДДГ. № 7. А.В. Экземплярский датировал эту грамоту промежутком между 1359 и 1363 гг. (*Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 219 - 221). Л.В. Черепнин относил ее ко времени около 1374 - 1375 гг. (*Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV - XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 37 - 38). А.А. Зимин считал, что она была составлена в промежуток между 10 апреля и 15 июня 1371 г. (*Зимин А.А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV - XV вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 6. М., 1958. С. 283 - 285). В.А. Кучкин полагал, что она была составлена в 1372 г. (*Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X - XIV вв. М., 1984. С. 253 - 254).

³ ДДГ. № 7. С. 23. Многоточием отмечены лакуны.

чив свой труд, в соответствии с тогдашней традицией, проставил на книге свои "выходные данные" - "В лето 6865 индикта 10-е, круга солнечного 6-е, месяца февраля 22 на память святого отца Офонася написано бысть святое еуангелъе въ граде *в Галиче при княженьи великого князя Ивана Ивановича* роукою грешного Фофана. Оже буду не исправил в коемъ месте, исправя бога деля чтите, а не кленете".⁴ Из этой записи историк сделал вывод, что в 1357 г. самостоятельного Галичского княжества не существовало, а на галичском столе сидел великий князь Иван Иванович Красный, отец Дмитрия Донского.⁵

Идя вглубь XIV в., В.А. Кучкин обратил внимание на одно место все той же договорной грамоты 1372 г.: "А рубежь Галичю и Дми... при Иване и при наших отцехъ при великих князехъ..."⁶ Многообразием отмечены утраченные места. Исследователь предположил, что процитированная фраза представляет собой шаблонную формулу. Пропуск в ее середине может быть реконструирован на основании подобных же формул других княжеских договорных грамот XIV в. В целом, по его мнению, фраза должны читаться так: "А рубежь Галичю и Дми[трову как былъ при нашемъ деде при великом князи] при Иване и при наших отцехъ при великих князехъ..." Поскольку в реконструированном тексте читается имя Ивана Калиты, приходившегося дедом как Дмитрию Донскому, так и Владимиру Андреевичу, время утраты галичскими князьями своего стольного города В.А. Кучкин отнес ко временам Калиты.⁷ Подобная трактовка фразы очень хорошо согласовывалась с показанием духовной грамоты 1389 г. Дмитрия Донского, что Галич был "куплей" его деда.

Но данная реконструкция утерянной части фразы может быть оспорена. Виной тому - ее сохранившаяся часть, где читаем: "при наших отцехъ при великих князехъ".⁸ Отец Дмитрия - Иван Иванович Красный действительно являлся великим князем, чего нельзя сказать об отце Владимира - Андрее Ивановиче, занимавшем лишь довольно незначительный стол Серпуховского удела. Это обстоятельство заставляет нас отказаться от предложенного варианта реконструкции фразы из договора 1372 г. Чтобы дать свой вариант ее реконструкции, необходимо внимательнее посмотреть

⁴ Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI - XIV вв. М., 2000. № 276. С. 286 - 288.

⁵ Кучкин В.А. Формирование. С. 252.

⁶ ДДГ. № 7. С. 23.

⁷ Кучкин В.А. Формирование. С. 254 - 255.

⁸ ДДГ. № 7. С. 23.

на историю Галичского княжества накануне его перехода под власть Москвы. Для этого нам прежде всего необходимо обратиться к родословной галичских князей.

Родословие галичских князей

Родословцы рисуют первые поколения галичских князей следующим образом. У великого князя Ярослава Всеволодовича был сын Константин, "дал ему отец Галич". У Константина был сын Давыд, внук Федор, правнук Иван и праправнук Дмитрий. "И того Дмитрея Галицкого згонил з Галича князь великий Дмитрий Донской". От сыновей правнука Дмитрия - Бориса Васильевича произошли фамилии Березиных, Осининых и Ивиных.⁹ (Другие родословцы пропускают Федора Давыдовича и считают, что последний самостоятельный князь Дмитрий приходился Константину Галичскому правнуком, а не праправнуком. Но эта версия ошибочна, ибо нарушается родословный счет по поколениям.)¹⁰

Известные генеалоги XIX в. П.В. Долгоруков и П.Н. Петров не подвергали сомнению показания родословцев и в соответствии с их данными рисовали генеалогическое древо галичских князей.¹¹ Сомнения появились позже, когда выяснилось, что родословие потомков князя Константина Ярославича в действительности было иным, чем показывают родословцы.

С.М. Соловьев обратил внимание на то, что летописью князь Давыд Константинович называется князем галичским и дмитровским.¹² Таким образом оказалось, что в состав Галичского княжения кроме Галича входил и Дмитров. Вслед за тем выяснилось, что в летописях под 1310 г. имеется известие о рождении у князя Василия Константиновича Галичского сына Федора. Их имена в родословцах отсутствовали. По некотором размышлении историк признал Василия Константиновича братом галичского князя Давыда, скончавшегося в 1280 г., тем более, что ряд летописей прямо на-

⁹ Родословная книга князей и дворян (Бархатная книга)... Ч. II. М., 1787. С. 231; Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 166 - 167.

¹⁰ Временник Московского Общества истории и древностей российских. Кн. X. М., 1851. С. 73 - 74. Этой родословной росписи галичских князей придерживался Н.М. Карамзин (*Карамзин Н.М. История государства Российского*. Т. IV. М., 1992. С. 300. Прим. 327.)

¹¹ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. IV. СПб., 1857. С. 6; Петров П.Н. История родов русского дворянства. Кн. I. М., 1991. С. 258.

¹² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II (Тт. 3-4). М., 1988. С. 192; Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 77. (Далее: ПСРЛ).

зывал Василия Константиновича внуком Ярослава Всеволодовича, от которого собственно и произошли все галичские князья.¹³ После смерти Василия Константиновича единое Галичско-Дмитровское княжество разделилось, ибо, как отметил историк, "под 1333 г. говорится о смерти князя Бориса Дмитровского, а под 1334 г. - о смерти Федора Галицкого".¹⁴ По мнению С.М. Соловьева, скончавшимся галичским князем мог быть только Федор Васильевич, о рождении которого летопись сообщает под 1310 г., а дмитровский князь Борис - сыном Давыда.

А.В. Экземплярский, пытаясь примирить показания родословцев, свидетельства летописей и наблюдения С.М. Соловьева, механически свел их воедино. В итоге некоторые из галичских князей оказались у него не более чем плодом фантазии. Осознавал это и сам автор схемы. Так, последнего самостоятельного галичского князя Дмитрия все опубликованные к тому времени летописи именуют только по имени, и лишь Никоновская летопись дает его отчество - "Борисович".¹⁵ И все же, следуя за родословцами, он считал его "Ивановичем". Относительно князя Василия Константиновича в летописях также имелось расхождение - одни признавали его галичским князем, другие считали за ростовского. Однако, А.В. Экземплярский, вслед за С.М. Соловьевым, полагал его принадлежащим к галичскому княжескому дому.¹⁶

Позже С.Б. Веселовский проследил судьбы галичских князей уже после утраты ими Галицкого княжества. В частности, он установил, что и здесь в родословцах встречаются неточности. Выяснилось, что у Дмитрия Галицкого, которого Дмитрий Донской "согнал" в 1363 г. из Галича был один сын Василий, и четыре внука: Борис, Василий, Иван и Федор, которые служили московским князьям, уже не пользуясь княжеским званием. В свою очередь у

¹³ Соловьев С.М. Ук. соч. Кн. II. С. 219.

¹⁴ Там же. Кн. II. С. 227. В действительности Борис дмитровский умер не в 1333 г., а в 1334 г., а Федор Галицкий - соответственно в 1335 г. (См.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 47). Ошибка произошла из-за обычной для этого времени ошибки в переводе летописных дат из-за разных стилей календаря. Известный генеалог В.В. Руммель в статье о Галиче, помещенной в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, считал, что "Константину наследовал в Галиче его сын Давид, Давиду - его брат Василий, последнему - Федор Давидович (ум. 1335)." (Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 14. СПб., 1892. С. 923).

¹⁵ ПСРЛ. Т. X. СПб., 1885. С. 232.

¹⁶ Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 207 - 219.

Бориса Васильевича были три сына: Дмитрий Береза, Семен Осина и Иван Ива, от которых произошли Березины, Ивины и Осинины, представители которых в XVI в. измельчали и затерялись в основной массе служилых людей.¹⁷

Позднее вопросы генеалогии галичских князей подробно разобрал В.А. Кучкин. По его мнению, "галичский" князь Василий Константинович, у которого в 1310 г. родился сын Федор, не имеет отношения к галичскому княжескому дому, а происходит из ростовских князей. Основанием этому послужило то, что данное известие попало в другие летописи из ростовского летописца, в котором указания на то, что речь идет о семье именно галичского князя нет. Что касается последнего самостоятельного галичского князя Дмитрия, вопрос с его отчеством "Борисович" (читавшимся лишь в поздней Никоновской летописи) или "Иванович" (в других) разрешился с публикацией раннего Рогожского летописца, где читается "Борисович".¹⁸ Стало очевидным, что Дмитрий, вопреки показаниям позднейших родословцев, был сыном Бориса Дмитровского, а не Ивана Галичского.

Эти наблюдения позволили ему уточнить генеалогию галичских князей. Предложенная им схема родословия представляется следующим образом: у князя галичского Константина Ярославича (ум. 1255) был сын Давыд (ум. 1280), владевший кроме Галича и Дмитровом. Между его сыновьями приблизительно на рубеже XIII - XIV вв. был произведен раздел княжества. Борису Давыдовичу (ум. 1334) достался Дмитров, а его брату Федору Давыдовичу (ум. 1335) - Галич. Тем самым род галичских князей разделился на две ветви - назовем их условно "галичской" и "дмитровской". У Федора Давыдовича был сын Иван Федорович, на дочери которого в 1345 г. женился князь Андрей Иванович Серпуховской, младший сын Ивана Калиты. У представителя "дмитровской" ветви рода Бориса Давыдовича был сын Дмитрий Борисович, который в начале 60-х годов XIV в. попытался было захватить галичский стол, но был изгнан великим князем Дмитрием Донским.¹⁹

В целом, подводя итоги изучения генеалогии галичских князей, можно согласиться с предложенной В.А. Кучкиным схемой родословия их первых колен. Вместе с тем, ряд вопросов их генеалогии им выяснен не был. В частности, им не были отождествлены "Ва-

¹⁷ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 418 - 421.

¹⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 69.

¹⁹ Кучкин В.А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 365 - 384; Он же. Формирование. С. 116, 239 - 256.

сий Галичский", "Феодор и Михаил Галичские", упоминаемые в синодике Успенского собора.²⁰ Но в первую очередь это касается проблемы так называемых "мифических" галичских князей. Обратиться к данному вопросу нас заставляет то обстоятельство, что рассказ о "мифических" галичских князьях содержится в одной из местных галичских летописей - так называемом "Летописце Воскресенского Солигаличского монастыря", который содержит целую массу подробностей по истории этого края за период с 1332 по 1374 г. - именно ту эпоху, которая в общерусских летописях так бедна известиями о Галиче, и которая представляет наибольший интерес для целей нашего исследования.

Проблема "мифических" галичских князей

Впервые на нее обратил внимание еще Н.М. Карамзин. В одном из примечаний к IV тому "Истории государства Российского" он писал: "У меня есть так называемый *Летописец Воскресенского монастыря*, что у Соли, в коем находятся следующие обстоятельства..." И далее он передает рассказ о современнике Калиты князе Семене Ивановиче, которому достались в удел Кострома с Галичем, его сыновьях Федоре и Андрее, последний из которых женился на дочери ветлужского князя Никиты Ивановича Байбороды, и внуке Андрее Федоровиче. Деятельности князя Федора Семеновича летописец приписывал основание в 1335 г. Воскресенского монастыря, вокруг которого позднее вырос Солигалич. Оценивая данный источник, Н.М. Карамзин был категоричен: "Это новая сказка. Князьями Галича были, после Константина Ярославича, сын его Давид, внук Иван, правнук Димитрий, изгнанный оттуда Димитрием Донским; ни Семена, ни Феодора, ни Андрея, ни ветлужских, ни хлыновских князей не бывало."²¹

О чем же рассказывается в "Летописце Воскресенского монастыря"? Кратко охарактеризуем текст его древнейшей части.

Под 6840 (1332) г. он сообщает: "Приехали из Орды вси князи русии, и досталось в удел князю Семену Ивановичу Кострома да Галич, и князь жил год и преставился, и остались два сына, князь Федор и князь Андрей. И князю Федору Семеновичу досталось Галич, а князю Андрею Кострома. И князь Андрей женился у ветлужского ис Хлынова города у князя Никиты Ивановича Байбороды. И меж собою братья враждовали, князь Андрей с Федором, к киевс-

²⁰ Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российские касающихся. 2-е изд. М., 1788. С. 449.

²¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 300 - 301. Прим. 327.

кому и московскому ездили мириться, и помирился со князем Никитою Ивановичем и братом с Андреем, и московский велми жаловал князя Федора Семеновича. И в то время пришел печерской игумен своими ученики, именем Даниил, а был он во Святой Горе и во Еросалиме, и во мнозех святых местех. И князь Федор Семенович ходил к Даниилу игумену, и благословился у него, и просил у него ученик в свою отчину, старца на игуменство. Игумен Даниил, видев веру и желание его, и благословил его, и дал ему ученика своего, именем Афанасия, постриженника Печерского монастыря, а с ним два старца, именем Романа да Тихона. И князь Федор Семенович к митрополиту ходил, Афонасия на игуменство прошал. И митрополит благословил..." Далее сообщается, что князь Федор Семенович устроил в Галиче монастырь св. Спаса, где Афанасий игуменствовал три года.

Под 6843 (1335) г. рассказывается о знамении князю Федору Семеновичу. После окончания пасхальной службы князь пошел в свои палаты и уже было расстался с игуменом, как вдруг "внезапу свет явился велик, сияюще на западной стране, аки заря, и прислоняшеся от небеси к земле". Князь удивился и спросил игумена, что сие означает. "И бысть ему глас с небеси: «О княже, дерзай, - бог ведый желание твое»". В четверг на все той же пасхальной неделе, "в пяты час дни", когда князь шел к храму, знамение снова повторилось: "и гром бысть велми страшен, и огнен столб от небеси на той же стране". После совета с игуменом и приближенными князь Федор решил отправиться в ту сторону, где был виден таинственный свет. Край тот представлял собой "великий лес", жилья практически не встречалось, кроме редких поселений чуди. Лишь за Чудским (Чухломским) озером князю удалось встретить выходца из Твери Гавриила "Давыдова сына", который бежал сюда, в эту глушь, 17 лет назад, спасаясь от притеснений тверского князя. На вопрос Федора Семеновича - видел ли он таинственный свет, Гавриил ответил, что живет от того места за четыре "поприща". В итоге путники добрались до незнакомой реки, которая, как выяснилось позже, оказалась притоком Волги - р. Костромой. Здесь князь решил построить монастырь. Закладка обители произошла в праздник Вознесения, который пришелся на день св. Иова (6 мая). Возведение самого храма завершилось уже к Ильину дню (20 июля). Так возник Воскресенский монастырь, первым игуменом которого стал все тот же Афанасий. "И окрест монастыря того давал князь села своя любимая и волости, и в ыных вотчинах, и удел покупал. Дал князь Федор Семенович Чюдскова озера две трети, да Галицкаго озера четверть, и во всех реках рыбная ловля, и грамоты подавал тарханные. И братии множество всем изобилствова".

Затем под 6849 (1341) г. в "Летописце" идет рассказ о болезни и смерти князя Федора Семеновича, его захоронении во Владимире "во храме у Пресвятыя Богородицы", о том, что именно было завещано им монастырю, и как его сын князь Андрей Федорович, оставшийся после отца в 12-летнем возрасте, выполнил волю родителя. Далее под 6858 (1350) г. говорится о рождении у князя Андрея Федоровича сына Ивана Андреевича. Затем рассказывается об истории вражды князя Андрея Федоровича с его дядей Андреем Семеновичем костромским и Никитой Ивановичем Байбородой, которая привела к тому, что в 6880 (1372) г. князь Никита Иванович "с ногойскими людьми и воеводами и с луговою черемисою" напали на обитель, убили иноков, до конца защищавших монастырь. "И от того времени запусте монастырь Воскресенской. И не попусти Бог князю Никите, прииде на его землю болезнь коркотная и изомроша вси, и погибе град Хлынов, и после того времени много кровопролития было".²² Таково основное содержание интересующей нас части памятника, рассказывающей о событиях XIV в.

Решительно отвергнутый Н.М. Карамзиным источник, тем не менее, время от времени вновь всплывал в поле зрения историков, в первую очередь писавших об истории Солигалича. В ряде изданий XIX в. приводился пересказ содержащихся в нем известий, начиная с легендарных событий XIV в. вплоть до XVII в.²³ Во

²² Изложено по: Дунаев Б.И. Воскресенский летописец и его продолжение за 18-й и 19-й вв. солигаличским служилым человеком Ф.И. Нашокиным, М., 1914 (Отд. отт.) С. 10 - 13; с привлечением более ранних списков "Летописца": Семячко С.А. Из комментария к тексту "Летописца Воскресенского Солигалицкого монастыря" (к характеристике вымышленной летописи) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLVIII. СПб., 1993. С. 287; Она же. К вопросу об использовании письменных и устных источников при создании повестей об основании монастырей и монастырских летописцев ("Повесть о Тверском Отроче монастыре", "Летописец Воскресенского Солигалицкого монастыря") // Книжные центры древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 254 - 255.

²³ Некоторые сведения, относящиеся к истории города Солигалича, собранные из сохраняющихся в Солигаличе записок, преданий и других источников // Москвитянин. 1842. № 3. С. 259 - 263; Исторические сведения о некоторых городах Костромской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1848. Ч. 22. С. 7 - 13; Диев М. Солигалич // Костромские губернские ведомости. 1859. № 10. Часть неофициальная. С. 97 - 98; Памятная книжка Костромской губернии на 1862 г. Кострома, 1862. С. 334 - 341; Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863. С. 270; Миловидов Н. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома,

всех этих работах применительно к вопросу о достоверности "Летописца..." прослеживаются две основные тенденции - от полного доверия к изложенным в нем фактам, без всякой их критической проверки, до признания этого источника "позднейшей подделкой под летописные сказания", содержащего исключительно баснословные сказания.

Первые публикации самого источника увидели свет лишь в начале XX в.²⁴ Но поскольку в них не было дано критической оценки содержания памятника вся последующая историография развивалась по прежнему пути: в одних работах просто фиксировалось существование этого источника, в других (преимущественно краеведческого плана) показания "Летописца Воскресенского монастыря" признавались абсолютно достоверными и основание Солигалича (с теми или иными оговорками) приурочивалось к 1335 г.²⁵

1886. С. 151 - 157; *Сырцов И.Я.* Древние памятники самозащиты и благочестия граждан г. Солигалича // Костромские епархиальные ведомости. 1899. № 14. Часть неофициальная. С. 408 - 409 (есть отд. отт.: Кострома, 1899); *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья. Т. II. С. 269. Прим. 725; *Бычков А.Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. Ч. 1. СПб., 1882. С. 215 - 216; *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. III. СПб., 1897. С. 48.

²⁴ *Апушкин В.* Рукописный сборник первой четверти XIX в. Ф.И. Нащокина // Костромская старина. Вып. 5. Кострома, 1901. С. 488 - 497; *Дунаев Б.И.* Воскресенский летописец и его продолжение за 18-й и 19-й вв. солигаличским служилым человеком Ф.И. Нащокиным // Древности. Труды Археографической комиссии имп. Московского археологического общества. Т. III. М., 1913. С. 295 - 306 (есть отд. отт.: М., 1914); *Титов А.А.* Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской // Труды IV областного историко-археологического съезда в гор. Костроме, в июне 1909 г. Кострома, 1914. С. 39 - 48.

²⁵ *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV - XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 333. Прим. 9; *Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV - XV вв. М., 1959. С. 61. Прим. 46; *Ивина Л.И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в.: историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985. С. 119; *Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV - XVI вв. (по "житиям святых"). М., 1966. С. 67; *Ардентов И.Н., Белоруссов Л.М., Иванова В.Н., Чистяков В.А.* Солигалич. Кострома, 1960. С. 17 - 19; *Тиц А.А.* На земле древнего Галича (Галич, Чухлома, Солигалич). М., 1971. С. 11, 52, 84 - 86; *Бело-*

Проблему достоверности "Летописца" попытался решить А.А. Преображенский.²⁶ На основании трех списков памятника он выяснил, что его повествование за XIV - XVII вв. состоит из трех хронологических пластов, между которыми существуют четкие границы. Первый из них охватывает 1332 - 1375 гг. (создание монастыря), второй рассказывает о событиях 1429 - 1461 гг. и прежде всего о феодальной войне второй четверти XV в., третий повествует об обретении "нетленных мощей" иноков во время земляных работ на территории Воскресенского монастыря в 1663 г. Какова степень достоверности каждого из этих хронологических пластов? Применительно к событиям XVII в. А.А. Преображенский признает их достоверность, относительно второго раздела памятника историк считает, что его факты "в достаточной мере достоверны" - ряд известий о событиях XV в. находит свое подтверждение в других летописях.²⁷

Что же касается наиболее интересного для нас рассказа о событиях XIV в., то, по мнению А.А. Преображенского, "наряду с явно сказочными рассуждениями насчет «явления князю Федору Семеновичу» огненного столба²⁸ с громом и взывающего с небес голоса,

руссов Л.М. Из истории солеварения в Солигаличе // Костромской историко-архитектурный музей-заповедник. Краеведческие записки. Вып. 1. Ярославль, 1973. С. 27; *Пржиалковский А.Г.* Солигалич. Ярославль, 1986. С. 3 - 4; *Кудряшов Е.В.* Солигалич. Л., 1987. С. 3; *Фигуровский Н.А.* Откуда пошла Соль Галичская // Губернский дом. Историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал (Кострома). 1995. № 4. С. 23 - 28.

²⁶ *Преображенский А.А.* Летопись Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской (историографические и источниковедческие заметки) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 232 - 243. Здесь же дан подробный обзор предшествующей историографии и публикаций памятника.

²⁷ Там же. С. 236 - 237.

²⁸ Очевидно, здесь мы имеем дело с полярным сиянием, явлением редким, но вполне вероятным, поскольку почти вся европейская Россия попадает в зону, где их можно наблюдать. На широте Галича полярное сияние начинается появлением яркой световой дуги, из которой временами выбрасываются яркие снопы света, в виде отдельных лучей или целых пучков лучей. Эти лучи нередко имеют значительную длину и достигают зенита, иногда даже переходя через него (*Ленер Р.* Полярные сияния // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 48. СПб., 1898. С. 475 - 479; Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 20. М., 1975. С. 339 /здесь помещены фотографии полярных сияний/). Подо-

что якобы возвещало о божественном указании князю учредить монастырь, эта часть текста содержит и другие данные. Они таковы, что позволяют предполагать стоящие за ними исторические реалии. К такого рода сведениям можно отнести рассказ о постепенном заселении края, где на «великом лесе» жила чужь. Столь же вероятно повествование о приходе в те пустынные края людей, скрывавшихся от княжеских междоусобиц. Однако, бесспорно, что главные герои летописи галичские князья Федор Семенович и Андрей Федорович - лица вымышленные." При этом историк обратил внимание на то, что "во времена, описываемые летописью, в соседнем Ростовском княжестве правил князь Андрей Федорович (1331-1409). Деятельность этого князя чем-то напоминает поведение его мифического тезки - галичского князя Андрея Федоровича в изображении монастырского летописца. Не произошло ли здесь своеобразной «пересадки» истории ростовских князей на галичскую почву?"²⁹

Выясняя время возникновения монастыря, историк усомнился в дате его основания (1335 г.), поскольку она встречается лишь в самом "Летописце" и не подкреплена другими источниками, но, вместе с тем, должен был признать существование обители уже в XIV в., по крайней мере, начиная с эпохи Дмитрия Донского. На это указывает материал обыска, проведенного в 1580-х годах на посаде Солигалича и по окрестным селениям. Опрошенные тогда люди подтвердили, что "слухъ у нихъ и ведомо есть, что государь князь Дмитрий Ивановичъ Донской то селцо Балыново и починокъ Бракотинъ къ тому монастырю въ вотчину далъ, и грамота у нихъ жаловалная на ту ихъ вотчину была".³⁰ Вместе с тем, по мнению историка, окончательно решить вопрос о достоверности этого памятника могла бы находка новых списков "Летописи Воскресенского Солигаличского монастыря".³¹

Эту задачу выполнила С.А. Семячко, сумевшая обнаружить 15 списков памятника, самые ранние из которых относятся ко второй четверти - середине XVII в.³² Она установила, что древнейшая

бные явления отмечены русскими летописями. Так, под 1431 г. московский летописец записал: "Того же лета явишася на небеси 3 столпы огненные". (ПСРЛ. Т. XXV. С. 248).

²⁹ Там же. С. 236.

³⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологическою экспедициею имп. Академии наук. Т. II. СПб., 1836. № 85. С. 178; *Преображенский А.А.* Ук. соч. С. 238.

³¹ *Преображенский А.А.* Ук. соч. С. 243.

³² *Семячко С.А.* Из комментария. С. 284 - 285; *Она же.* К вопросу... С. 254 - 257.

часть "Летописца..." создавалась единовременно, много позже описываемых в ней событий. Время возникновения памятника она относила предположительно к первой половине XVII в., возможно даже вскоре после разгрома Воскресенского монастыря в 1613 г. в период "Смутного времени".³³ Поэтому неудивительно, что в нем встречаются ошибки, особенно в хронологии. Наиболее показательная из них содержится в статье под 6843 (1335) г. В ней сообщается, что первое "знамение" было князю Федору Семеновичу на Пасху - "Бысть явление против Велика дни", а закладка храма состоялась "на Вознесениев день на память святого и праведнаго Иова". Вознесение Господне празднуется в сороковой день по Пасхе, а память Иова - 6 мая (все даты по старому стилю). Несложно подсчитать, если Вознесение в описываемый год приходилось на 6 мая, то Пасха праздновалась 28 марта. Но, пользуясь пасхальными таблицами, легко установить, что в 6843 г. Пасха отмечалась 16 апреля, а Вознесение - 25 мая. Ближайшая дата, при которой Пасха приходилась на 28 марта, а Вознесение - на 6 мая, падает на 1339 г.³⁴

Из этих наблюдений становится понятным и отношение исследовательницы к вопросу о достоверности древнейшей части "Летописца" - его следует рассматривать не как историческое сочинение, а прежде всего как чисто литературное произведение, представляющее собой типичную повесть об основании монастыря. Вывод исследовательницы неутешителен - в нем "мы найдем практически все мотивы традиционных летописных рассказов: поездка русских князей в Орду (интересно, что это «все князи рустии»), получение уделов, смерть князя, раздел его наследства сыновьями, женитьба князя, междукняжеские распри. Но все это отражение не реальных событий, а представлений автора более позднего времени о событиях, которые могли происходить в XIV в. И представления эти не столько исторические, сколько эпические. Так, Андрей и Федор едут мириться к киевскому и московскому князьям, и очевидно, что перед нами не исторический Киев XIV в., а эпическое представление о стольном граде Киеве, каковым он уже в описываемое время не является".³⁵ Признавая вымышленный характер древнейшей части "Летописца", она оставила открытым один вопрос - "что дало толчок фантазии автора, - были ли то события, происходившие в каком-то другом месте, или в тексте нашли отражение отголоски монастырского фольклора, или нечто иное".³⁶

³³ Она же. К вопросу. С. 258. Прим. 47.

³⁴ Она же. Из комментария. С. 285, 289.

³⁵ Она же. Из комментария. С. 287.

³⁶ Она же. К вопросу. С. 257 - 258.

Итак, после подробного рассмотрения различных списков "Летописца" видим, что в историографии сложилось достаточно категоричное мнение - древнейшая его часть представляет собой не более чем баснословную легенду. Однако тщательный анализ источников показывает, что в действительности дело обстоит иначе - в этой части "Летописца" действуют реальные персонажи, жившие, хотя и не в середине XIV в., но в близкую к ней эпоху - время княжения Дмитрия Донского и его сына Василия I.

Первым из "мифических" галичских князей назван князь Семен Иванович. Упоминается ли он в других источниках XIV в.? Да.

Во многих летописных сводах помещено "Слово о житии и представлении великого князя Дмитрия Ивановича", но только так называемый Список Дубровского IV Новгородской летописи дает уникальное известие о тех боярах, которых перед смертью призвал Дмитрий Донской и которым тот поручил "блюсти" своих княгиню и детей: "избравъ отъ благороднейшихъ отъ бояръ своихъ первыхъ своя полаты, иже бяше ему достоинии и вернейша паче всехъ: Дмитрия Михайловича, Тимофея Васильевича, Ивана Родионовича, Дмитрия Костянтиновича, *Семена Ивановича*, Ивана Федоровича, Никиту Федоровича, Федора Андреевича, Ивана Федоровича Квашнина, тако рече бояромъ своимъ: «се, ведаю васъ известнейша паче всехъ человекъ и се предаю вамъ княгиню свою и дети своя, и будите имъ въ тверде разуме, в мое место, яко же имъ азъ самъ былъ»".³⁷

Насколько верен этот список бояр Дмитрия Донского? Сохранилось его завещание 1389 г., из которого явствует, что свидетелями этого документа были следующие бояре: Дмитрий Михайлович, Тимофей Васильевич, Иван Родионович, Семен Васильевич, Иван Федорович, Александр Андреевич, Федор Андреевич, Федор Андреевич, Иван Федорович, Иван Андреевич.³⁸ Сопоставим оба источника.

Список Дубровского		Духовная грамота 1389 г.	
1	Дмитрий Михайлович	10	Дмитрий Михайлович
2	Тимофей Васильевич	11	Тимофей Васильевич
3	Иван Родионович	12	Иван Родионович
4	Дмитрий Константинович		-
5	Семен Иванович		-
	-	13	Семен Васильевич
6	Иван Федорович	14	Иван Федорович

³⁷ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 488. Выделено нами.

³⁸ ДДГ. № 12. С. 36 - 37.

7	Никита Федорович		-
	-	15	Александр Андреевич
8	Федор Андреевич	16	Федор Андреевич
	-	17	Федор Андреевич
9	Иван Федорович	18	Иван Федорович
	-	19	Иван Андреевич

Как видим, хотя перечни бояр и совпадают, но лишь частично. Это вполне объяснимо и никакого противоречия здесь нет, поскольку летопись здесь не говорит о свидетельствовании боярами духовной грамоты своего князя.

С.Б. Веселовский, используя различные частные разряды и местнические записи, попытался определить - лица из каких родов упоминаются в этих двух источниках. Последуем за ним.

1-й и 10-й - несомненно, Дмитрий Михайлович Боброк Волынский, знаменитый воевода засадного полка во время Куликовской битвы.³⁹ Летописью он упоминается также как воевода в походе против Олега Рязанского в 1371 г., на волжских болгар в 1376 г., на Литву в 1379 г.⁴⁰

2-й и 11-й - Тимофей Васильевич Вельяминов. В 1378 г. он был воеводой в сражении на р. Воже.⁴¹ В 1380 г. стоял на Лопасне для охраны тыла армии, вышедшей против татар.⁴²

3-й и 12-й - Иван Родионович Квашня, родоначальник Квашниных, умерший в 1390 г. "Сказанием о Мамаевом побоище" он упоминается среди воевод на Куликовом поле.⁴³

6-й и 14-й - Иван Федорович Воронцов, племянник Тимофея Васильевича Вельяминова.

8-й и 16-й - Федор Андреевич Свибло. Летописью он упоминается в качестве воеводы в походе на Мордовскую землю в 1377 г. В 1380 г. был оставлен в Москве для охраны столицы, а в 1384 г. ездил в Новгород за "черным бором" - данью Орде.⁴⁴

9-й и 18-й - Иван Федорович Собака, сын Федора Константиновича Фоминского.

Ряд лиц упоминается только в духовной грамоте 1389 г.:

13-й - Семен Васильевич, брат Тимофея Волюя Окатьевича, убитого на Куликовом поле.

15-й - Александр Андреевич Остей, брат Федора Андреевича

³⁹ ПСРЛ. Т. XI. С. 61.

⁴⁰ Там же. Т. XXV. С. 187, 192, 200.

⁴¹ Там же. Т. XVI. С. 106.

⁴² Там же. Т. VIII. С. 36.

⁴³ Там же. Т. XI. С. 54, 122; Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 34, 58.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XI. С. 29, 54, 85.

Свибло. В 1385 г. он был наместником в Коломне, где был захвачен в плен князем Олегом рязанским.⁴⁵

17-й - Федор Андреевич Кошка, сын Андрея Кобылы.

19-й - Иван Андреевич Хромой, брат Федора Свибло и Александра Остея.

В летописном "списке вернейших бояр" мы видим новые лица: Дмитрия Константиновича (4-й), Семена Ивановича (5-й) и Никиту Федоровича (7-й). С.Б. Веселовский затруднялся с отождествлением этих лиц: "Дмитрий Константинович среди боярских родов был один: это - Д.К. Заяц Добрынский, младшие братья которого при великом князе Василии Дмитриевиче и великом князе Василии Васильевиче были боярами. Но это сомнительно, как потому, что на боярство Д. Зайца пока не найдено нигде указаний, так и потому, что для его боярства, если оно было, это как будто рано. Если высказывать предположения, то вероятнее, что в данном случае произошла ошибочная перестановка имени и отчества, и, очевидно, можно видеть в этом боярине Константина Дмитриевича Шею Зернова... Семен Иванович, это, несомненно, ошибка и следует Семен Васильевич (№ 13 нашего списка. - К.А.), т.к. Семена Ивановича за это время нет ни в одном роде... Никита Федорович. С таким именем есть одно лицо - Н.Ф. Туриков-Всеволож, но он жил много позже (при великом князе Василии Темном), и на боярство его тоже нет указаний в источниках".⁴⁶

Но согласиться с тем, что в летописном списке могла произойти или перестановка имени и отчества, или описка сразу в двух случаях подряд, вряд ли возможно. Поэтому необходим комплексный анализ известий об этих лицах.

Первым в числе этих лиц, присутствовавших при смерти Дмитрия Донского, но не свидетельствовавших его завещания, значится Дмитрий Константинович. Единственной возможной фигурой с этим именем и отчеством оказывается князь Дмитрий Константинович Ноготь Суздальский, младший дядя жены Дмитрия Донского, родоначальник князей Ногтевых. Летописью он упоминается лишь дважды - как участник похода суздальских князей в 1367 г. против ордынского князя Булат-Темира и похода Дмитрия Донского на Тверь в 1375 г.⁴⁷ Поскольку сын Дмитрия Ногтя Юрий уже не имел удела,⁴⁸ можно предположить, что к 1389 г. Дмитрий уже перешел на московскую службу и находился в полувассальной зависимости

⁴⁵ Там же. Т. XVIII. С. 135.

⁴⁶ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 494 - 496.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. XI. С. 9, 22.

⁴⁸ *Экземплярский А.В.* Ук. соч. Т. II. С. 423.

от великого князя. Летопись не упоминает о его смерти, но так как Дмитрий Ноготь был младшим из сыновей суздальского князя Константина, В.А. Кучкин полагает, что он вполне мог дожить до конца XIV - начала XV в. Его старший брат, также Дмитрий Константинович (тесть Дмитрия Донского) умер в 1383 г., другой брат Борис скончался в 1394 г.⁴⁹

То, что Дмитрий Константинович упоминается "списком" без княжеского титула не должно смущать нас. В XIV в. князья, переходя на службу в Москву, зачастую именовались без своего титула. И только с начала XV в. потомки Рюрика и Гедимины сохраняют свой титул. Яркий пример этому - знаменитый воевода Дмитрий Михайлович Боброк Волынский. Московским летописным сводом конца XV в. под 1371, 1376 и 1379 гг. он упоминается с княжеским титулом,⁵⁰ хотя в то же время в перемирной грамоте с Ольгердом 1371 г. и завещании Дмитрия Донского 1389 г. он назван без него.⁵¹

Упомянуемого "Списком вернейших бояр" Семена Ивановича нельзя признать Семеном Васильевичем духовной грамоты 1389 г., хотя бы потому, что имя Семена Ивановича известно по другим источникам. Киприановская редакция "Сказания о Мамаевом побоище" при описании начала Куликовского боя среди воевод полка правой руки называет среди прочих и князя Семена Ивановича.⁵² Поскольку в это время среди боярских родов, действительно, нет ни одного Семена Ивановича (носивший эти имя и отчество Семен Иванович Добрынский погиб в 1375 г. при штурме Твери⁵³), упоминаемого "Сказанием о Мамаевом побоище" и летописным списком Семена Ивановича следует отождествить с князем Семеном Ивановичем "Летописца Воскресенского монастыря". То, что это был именно галичский князь, подтверждается двумя фактами: 1) Рать из Галича принимала участие в Куликовской битве, в описании которой называется князь Семен Иванович,⁵⁴ и 2) благодаря тому, что ранее В.А. Кучкиным было выяснено действительное родословие первых колен галичских князей, его следует признать сыном

⁴⁹ Кучкин В.А. "Данная" черницы Марины // Исторические записки. Т. 108. М., 1982. С. 308.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 187, 192, 200.

⁵¹ ДДГ. № 6. С. 22; № 12. С. 36.

⁵² Сказания и повести о Куликовской битве. С. 63; ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 59.

⁵³ "Тогда убиша под городом Тферью Семена Ивановича Добрынского" (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 116).

⁵⁴ Основная редакция "Сказания о Мамаевом побоище" среди погибших на Куликовом поле упоминает "20 бояринов галитцских" (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 48).

князя Ивана Федоровича Галичского, на дочери которого в 1345 г. женился князь Андрей Иванович Серпуховской. То, что Семен Иванович в 1380 г. упоминается с княжеским титулом, а через девять лет - без него, объясняется тем, что он также, как и князь Дмитрий Константинович Ноготь, утрачивает княжеский титул на московской службе.

Итак, первый из "мифических" галичских князей оказывается реальным историческим лицом, жившим во времена Дмитрия Донского. Встречаются ли в русских летописях и другие "персонажи" из "Летописца"? Да.

Последним из упоминаемых летописным "Списком вернейших бояр" Дмитрия Донского, но не отождествленных нами лиц, оказывается Никита Федорович. Согласиться с осторожным предположением С.Б. Веселовского, что это мог быть Никита Федорович Туриков из рода Всеволожских, убитый на Белевском бою 1438 г.,⁵⁵ нельзя. Выясняя, встречается ли имя Никиты Федоровича, современника и боярина Дмитрия Донского, в летописях, мы обнаруживаем московского боярина Никиту, упоминаемого под 1368 г. Под этой датой псковский летописец записал: "Приехаша посоль с Низу от великого князя Дмитрея Никита, так наречаемый, и бывъ въ Юрьеве много днии, не оучини ничтоже на добро ни мало, и приеха во Псковъ".⁵⁶

Определяя происхождение Никиты Федоровича и зная, что и Дмитрий Ноготь и Семен Галичский имели княжеский титул, мы должны предположить, что и он, возможно, принадлежал к одной из ветвей потомства Рюрика.

К какой? Для ответа на этот вопрос необходимо определить сыном какого Федора мог быть Никита. Задача существенно облегчается тем, что в свое время В.А. Кучкиным, правда, для других целей, была рассмотрена по нисходящей линии генеалогия русских князей с именем Федор, живших в конце XIII - первой половине XIV в., т.е. в тот период, когда должен был жить отец Никиты Федоровича.⁵⁷ Искомым лицом оказывается князь Федор Васильевич Ростовский, о котором летописец сообщает, что он женился в 1326 г. и умер в 1331 г.⁵⁸ Из родословцев нам известно, что Федор

⁵⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 260.

⁵⁶ Там же. Т. IV. СПб., 1848. С. 192; Т. V. СПб., 1851. С. 15; Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 23, Вып. 2. М., 1955. С. 27, 103 - 104.

⁵⁷ Кучкин В.А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 366 и след.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 530, 531 (Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку).

разделил со своим братом Константином Ростов на две половины: "князь Федор да князь Костянтин град Ростов поделиша, и досталася Устретинская сторона князю Федору, а Костянтину досталася другая половина города Ростова - Борисоглебская сторона".⁵⁹

Но ограничивались ли владения Федора только Сретенской стороной Ростова? Вряд ли. В.А. Кучкиным было установлено, что брату Федора - Константину Васильевичу помимо другой (Борисоглебской) стороны Ростова принадлежал Устюг и волости по Ваге и Северной Двине.⁶⁰ Поскольку Устюг являлся старинным владением ростовских князей начиная еще с XIII в.,⁶¹ становится ясным, что свои северные владения князь Константин Васильевич должен был получить по наследству от отца князя Василия Константиновича Ростовского. Если это так, то, зная о принципе равного раздела наследства в это время, логично предположить, что не менее обширные пространства на лесных окраинах Северо-Восточной Руси должен был получить и другой сын князя Василия Константиновича Ростовского Федор. Где же они располагались?

Некоторый свет на это проливает известие под 1310 г. о рождении князя Федора Васильевича. Под этим годом летописец сообщает: "родися князю Василью Костянтиновичю сынъ Феодоръ".⁶² Но целый ряд других летописей помещает это же известие в несколько измененном виде: "родися Василью Костянтиновичю Галичкому сынъ Феодоръ".⁶³ Выше, говоря о родословии галичских князей, мы уже отмечали данный факт и то, что С.М. Соловьев на основании этих свидетельств считал Василия Константиновича и его сына Федора галичскими князьями. Однако, и об этом также было сказано, В.А. Кучкин выяснил, что в этом известии речь идет о соответствующих ростовских князьях. По его мнению, "существование галицкого князя Василия Константиновича и его сына Федора - плод генеалогической ошибки сводчиков XV в. На самом деле были только князь Василий Константинович Ростовский и его сын Федор".⁶⁴ В принципе соглашаясь с ним, что речь здесь идет дейс-

⁵⁹ Родословие ростовских князей см.: Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 13 - 16, 96 - 100; Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. X. М., 1851. С. 37 - 40, 140 - 143, 228 - 231; ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 227.

⁶⁰ Кучкин В.А. Формирование. С. 275 - 279.

⁶¹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 116; Кучкин В.А. Формирование. С. 89.

⁶² Там же. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 529 (Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку).

⁶³ Там же. Т. IV. Ч. I. Вып. I. С. 253.

⁶⁴ Кучкин В.А. Из истории генеалогических и политических связей. С. 367 - 368.

твительно о ростовских князьях, мы все же должны "реабилитировать" средневековых летописцев и показать, что никакой "генеалогической ошибки" не было.

Для этого мы должны обратиться к проблеме исторической географии Галичского края XIV в. Сведения о территории Галичского княжества за XIV в., содержащиеся в летописях, крайне скудны. К тому же, как указывал В.А. Кучкин, все они относятся ко времени, когда Галич стал московским владением. Под 1381 г. помещено известие об аресте митрополита Пимена, самовольно добившегося митрополичьей кафедры, и ссылке его в Чухлому: "ведоша его... въ Галичь и посадиша его на Чюхлому".⁶⁵ Оно дает основание полагать, что в административном отношении в XIV в. Чухлома была подчинена Галичу и входила в состав Галичского княжества. Судя по названию, к Галичу относилась и Соль Галицкая (Солигалич).⁶⁶

Собственно этим и ограничиваются все наши сведения о географии этих мест в XIV в. Ввиду такой скудости данных мы должны обратиться к источникам достаточно позднего времени - описаниям Галичского уезда XVII в., которые дают более полную информацию. Привлечение этого источника оказывается целесообразным, поскольку, по наблюдениям Ю.В. Готье, Галичский уезд развился из прежнего удела XIV - XV вв.,⁶⁷ границы его менялись слабо и поэтому, используя ретроспективный метод, мы можем составить более полное представление о территории этого края в предшествующее время.

Судя по сохранившимся писцовым и переписным книгам, Галичский уезд делился на собственно Галичский уезд, представлявший собой пригородные станы вокруг Галича, и шесть пригородов, территории вокруг которых назывались "осадами" - Солигалицкую (или Усольскую) осаду, Чухломскую осаду, Парфеньевскую осаду, Унженскую осаду, Судайскую осаду, Кологривскую осаду, а также Ветлужские черные станы.⁶⁸

⁶⁵ ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 23; Т. XXVIII. М.; Л., 1963. С. 81, 243.

⁶⁶ Кучкин В.А. Формирование. С. 242.

⁶⁷ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта московской Руси. М., 1906. С. 199.

⁶⁸ Готье Ю.В. Ук. соч. С. 341 - 344. Важным источником для исторической географии края являются "Материалы", собранные в архивах В. и Г. Холмогоровыми (Холмогоровы В.И., Г.И. Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1. Галицкая десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церквей. 1628 - 1710 и 1722 - 1746 гг. Кострома, 1895; Вып. 2. Солигалицкая и Унженская десятины жилых данных церквей. 1680 - 1710 и 1722 -

Привлечение этих материалов позволяет сделать несколько выводов, важнейшим из которых представляется то, что московские князья, владевшие Галичем в XIV - первой половине XV в., судя по их духовным и договорным грамотам, а еще раньше предшествовавшие им в XIV в. галичские князья, распоряжались далеко не всей территорией Галичского княжества.⁶⁹ Им, очевидно, не принадлежали земли по Ветлуге и в других восточных районах Галичского княжества. Судя по всему, именно эти владения и составляли собственность ростовских князей, которым на рубеже XIII - XIV вв. удалось внедриться на территорию Галичского княжества. Если это так, то становится понятным уточнение летописцев о том, что князь Василий Константинович Ростовский и его сын Федор - "галичские князья". Происходя из ростовского княжеского дома, князь Василий Константинович имел гораздо большие владения на востоке Галичского княжества, нежели в своем Ростове и поэтому неудивительно, что для летописцев он является в первую очередь именно галичским князем. Очевидно, именно их имел в виду составитель синодика Успенского собора, когда говорил о Василии и Федоре Галичских. Упомянутый в нем вместе с Федором Михаил, судя по всему, был братом Федора, возможно рано умершим.⁷⁰

Наше предположение о том, что восточная часть территории Галичского княжества принадлежала представителям ростовского княжеского дома подтверждается еще одним наблюдением. В XVII в. при проведении писцовых описаний Галичский уезд описывался

1746 гг. Кострома, 1900).

⁶⁹ Сравнивая, как упоминается Галич в духовных и договорных грамотах первой половины XV в., видим, что сын Дмитрия Донского князь Юрий Дмитриевич владел далеко не всей территорией Галичского княжения. Судя по докончанию 1428 г. великого князя Василия Темного и князя Юрия Дмитриевича, последний владел "Галичемъ с волостями" (ДДГ. № 24. С. 64, 66). Согласно завещанию князя Юрия Дмитриевича 1433 г. он "благословлял" своего сына Дмитрия Меньшого (Красного) "городом Галичем, и с станы городскими, и со всеми волостми, и с Солью с варницами, и с серебром, что на людех, опричь церковных варницъ" (ДДГ. № 29. С. 74). Лишь только после завершения феодальной войны второй четверти XV в. и окончательной ликвидации Галицкого удела в 1450 г., видим изменение формулировок, показывающих, что вся галичская территория вошла в состав московских владений: "Галич со всем" (договор начала 1450-х годов Василия Темного и князя Василия Ярославича /ДДГ. № 56. С. 169, 172/); "Галич с волостями, и с путми, и з селы, и с Солью, и со всеми пошлинами" (духовная грамота 1461/62 г. Василия Темного /ДДГ. № 61. С. 194/).

⁷⁰ Древняя российская вивлиофика... Ч. VI. С. 449.

тремя самостоятельными группами писцов. Судя по дошедшим до нас материалам писцовых и переписных книг, в 20-е годы XVII в. Галичский уезд описывался тремя группами писцов: 1) Никитой Ивановичем Ласкиревым с подьячими Семеном Осокиным, Жданом Романовым; 2) Никитой Ивановичем Беклемишевым и подьячим Феоктистом Тихомировым; 3) князем Никифором Мещерским, Никитой Беклемишевым и подьячим Феоктистом Тихомировым. Переписные книги 1640-х годов по Галичу были составлены: 1) Никитой Ивановичем Беклемишевым и подьячим Артемием Рагозиным; 2) Андреем Васильевичем Сониным и подьячим Борисом Протопоповым; 3) Тимофеем Исаевичем Линевым и подьячим Акимом Ларионовым. Ту же картину видим и при проведении валового описания 70-х годов XVII в., которое осуществляли в Галиче: 1) Андрей Афанасьевич Козловский и подьячий Иван Боголюбков; 2) Семен Иванович Писарев и тот же подьячий Иван Боголюбков; 3) Михаил Яковлевич Коробын и подьячий Василий Лукин.⁷¹

Подобная разбивка уезда на три части далеко не случайна и отражает следы прежнего порядка, еще эпохи уделов, т.е. XIV - XV вв., когда каждая часть Галичского княжества описывалась особым писцом каждого князя.⁷² Ниже мы будем говорить о двух галичских половинах, принадлежавших собственно галичским князьям, но поскольку в XVII в. Галичский уезд описывался *тремя* группами писцов, мы можем предположить, что третья часть уезда, а ранее Галичского княжества, когда-то принадлежала именно ростовским князьям.

Какова же была внутренняя структура Галичского княжества? Поскольку Галич, как и Москва, также делился на "трети", то мы можем, на основе хорошо изученного московского материала, полагать, что сам стольный город Галичского княжества с пригородными станами находился в совместном владении всех трех князей

⁷¹ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. I. СПб., 1869. С. 38 - 44, 258 (Описание книг писцовых, переписных, дозорных, перечневых, платежных и межевых); Кн. II. СПб., 1872. С. 6 (Дополнительная опись книг писцовых, переписных, дозорных, перечневых, платежных и межевых). См. также: *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. С. 46.

⁷² В качестве аналогичного примера приведем тот факт, что по духовным и договорным грамотам Москва также делилась на "трети" между наследниками Калиты. Несмотря на то, что с начала XVI в. все московские "трети" сосредотачиваются в руках великого князя, следы прежнего порядка сохраняются вплоть до 20-х годов XVII в., когда Московский уезд также описывался тремя самостоятельными группами писцов.

(включая и ростовских совладельцев), в то время как пригороды были поделены между князьями-совладельцами и каждая из этих частей представляла единоличную собственность одного из князей. Отсюда вполне понятно, что летописец не случайно именует "галичским" князя Василия Константиновича Ростовского, имевшего серьезные интересы в Галичском княжестве. Владения в Галиче сохранял и его внук Никита Федорович. То, что последний не попал в родословцы так же вполне объяснимо - ниже будет показано, что он, хотя и имел сыновей, все они погибли в междоусобной борьбе начала XV в. и позднее, в период составления родословцев, не осталось никого из его потомков, кто мог бы внести в них роспись этой ветви ростовских князей.

Идентифицировав трех лиц, упоминаемых "летописным списком вернейших бояр Дмитрия Донского" - князя Дмитрия Константиновича Ногтя Суздальского, князя Семена Ивановича Галичского и князя Никиту Федоровича Ростовского, мы легко можем объяснить - почему дошедшая до нас духовная грамота 1389 г. Дмитрия Донского не отмечает их в числе бояр - "послухов". Являясь на тот момент полувассальными "вольными слугами" московского великого князя, к тому же обладавшими своими суверенными уделами в других княжествах, по своему статусу они стояли выше московских бояр, и формально даже не имели права наряду с ними свидетельствовать последнюю волю московского князя.⁷³

⁷³ Одной из самых неразработанных проблем отечественной медиевистики является вопрос о так называемых "слугах вольных". Это выражение употребляется междукняжескими докончаниями XIV в. в трафаретной статье соглашений о том, что "бояром и слугам волным воля" (ДДГ. № 2. С. 12, 13; № 5. С. 20; № 9. С. 27). Несмотря на то, что для бояр и "слуг вольных" декларируются в принципе одни и те же права, юридическая практика этого времени четко разграничивает термины "боярин" и "слуга вольный". Это свидетельствует о том, что перед нами два, хотя и близких, но все же разных по статусу понятия. Позднейшие источники позволяют нам все же уловить разницу между этими двумя терминами. К.Н. Бестужев-Рюмин в своем очерке о Борисе Годунове указал, что последний после отражения хана в 1591 г. получил звание *слуги*, о котором в посольском наказе в Польшу говорилось, что "то имя честнее всех бояр", а также отметил, что патриарх Иов называл его правителем (Русский биографический словарь. Т. 3 /Бетанкур - Бякстер/. СПб., 1908. С. 239). Эти два свидетельства конца XVI в. позволяют предположить, что в более раннее время термин "слуга" был несколько выше понятия "боярин" и мог применяться к тем лицам, которые, как и бояре, служили великим московским князьям, но в отличие от представителей старомосковского боярства, все еще продолжали сохранять остатки суверенных прав в

Итак, мы выяснили, что князь Никита Федорович Ростовский владел третьей частью Галичского княжества. Его владения располагались по р. Ветлуге и по ней он должен был именоваться "ветлужским". Но именно здесь, на той же Ветлуге, в том же XIV в., судя по "Летописцу Воскресенского монастыря" находились владения другого Никиты - "мифического" ветлужского князя.

Совпадение имен у двух "ветлужских" князей в одном и том же XIV в. вряд ли можно признать случайным и поэтому именно в князе Никите Федоровиче Ростовском мы и предлагаем видеть "мифического" ветлужского князя Никиту Ивановича Байбороду, упоминаемого "Летописцем" Составитель "Летописца", писавший много позже событий XIV в., несомненно был знаком с другими историческими источниками и летописными сводами, с которыми пытался соотнести свой исходный материал, послуживший основой для "Летописца" В нем он нашел упоминание о князе Никите Ветлужском. Пытаясь уточнить его отчество он, очевидно, обратился к частным разрядам и различным местническим спискам бояр, где, действительно, среди бояр великого князя Василия I нашел упоминание о занимавшем одно из первых мест при московском дворе Никите Ивановиче. Именно его он и отождествил с Никитой Ветлужским. Но только в XX в. С.Б. Веселовский выяснил, что речь в этих записях идет о совершенно ином персонаже - Никите Ивановиче Воронцове, сыне того самого Ивана Федоровича Воронцова, который был свидетелем завещания 1389 г. Дмитрия Донского. Он же уточнил по упоминаниям в актах и примерные даты жизни Никиты Ивановича Воронцова, который был жив еще в 40-х годах XV в.⁷⁴

Определив, что Никита Иванович Байборода в действительности должен отождествляться с Никитой Федоровичем Ростовским, мы легко согласуем показания "Летописца" о том, что ветлужский

своих прежних уделах. Речь, таким образом, судя по всему, идет об изменявших потомках Рюрика, которые были вынуждены перебираться на службу к своим более удачливым сородичам, при этом зачастую утрачивая титул. Позднее термин "слуга вольный" заменяется понятием "служилый князь" (поскольку с XV в. при переходе на московскую службу титул сохранялся) и лишь в конце XVI в. на короткий срок возрождается специально для царского шурина Годунова, чтобы подчеркнуть исключительность его положения. Предположив, что упомянутые "летописным списком вернейших бояр" лица являлись именно "слугами вольными", легко объяснить отсутствие их свидетельств на завещании 1389 г. Дмитрия Донского.

⁷⁴ О Никите Ивановиче Воронцове см.: *Веселовский С.Б.* Ук. соч. С. 223 и др.

князь должен быть современником князя Семена Ивановича Галичского, поскольку на его дочери женился сын последнего.

Судя по "Летописцу", у князя Семена Ивановича, было два сына - Андрей и Федор. Упоминаются ли они другими источниками? Да.

Многие русские летописи рассказывают, что в 1397 г. великий князь Василий Дмитриевич послал своих бояр на Двину и в Заволочье сказать тамошним поселенцам, чтобы они "задались" за великого князя, который будет "боронить" их от Новгорода. После неудачных переговоров новгородского владыки Иоанна с великим князем новгородцы начали военные действия. Весной 1398 г. новгородские воеводы с ополчением пошли на Двину к городку Орлецу. На дороге их встретил владычный волостель с Вели (приток р. Ваги), от которого они узнали, что великокняжеский боярин *Андрей* в самый день Пасхи напал с двинянами на Вель, волость св. Софии, повоевал ее и взял поголовный ("на головах") окуп.⁷⁵ Зная, что уже отец Андрея потерял на московской службе княжеский титул, мы предлагаем видеть в нем именно Андрея Семеновича.

Что же касается другого сына Семена Ивановича - Федора Семеновича, то упоминание о нем в качестве "послуха" мы находим в двух актах первой половины XV в. Это - две данные Троице-Сергиеву монастырю - вдовы князя Петра Дмитриевича (сына Дмитрия Донского) Евфросиньи Полиевктовны на село Новое с деревнями в Вышгородском стану Дмитровского уезда, и вдовы князя Афанасия Ивановича Шехонского Аграфены и ее детей на небольшой монастырек св. Николы на р. Шексне. Обе грамоты датируются 1432 - 1445 гг., по времени игуменства в Троице-Сергиевом монастыре упоминаемого в них Зиновия.⁷⁶ Не противоречит известным нам фактам и свидетельство "Летописца" о захоронении князя Федора Семеновича во Владимире "у Богородицы".⁷⁷

⁷⁵ ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 170. Первая Новгородская и Никоновская летописи Андрея именуют Албердовым. (ПСРЛ. Т. XI. С. 168; Т. III. Первая Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 389.) Очевидно, это прозвище. Но откуда оно взято, остается неясным. В литературе также не было высказано никаких точек зрения относительно его происхождения.

⁷⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. Т. I. М., 1952. № 100, 103.

⁷⁷ Владимирский соборный храм был местом родового захоронения потомков великого князя Всеволода Большое Гнездо. Здесь среди прочих князей были погребены великий князь Ярослав Всеволодович и его сын Константин Ярославич, ставший родоначальником галичских князей. Вполне допустимо, что и его далекий потомок князь Федор Семенович так же был захоронен в родовой усыпальнице. Правда, до настоящего

Встречается в летописях имя и "игумена Даниила". Судя по всему, им являлся Даниил, епископ звенигородский и смоленский, получивший этот сан незадолго до смерти митрополита Алексея (1378 г.) и скончавшийся в Москве в 1397 г.⁷⁸

времени его могила не сохранилась. Объясняется это тем, что с течением времени внутренность храма наполнилась захоронениями настолько, "что гробницы находились и в стенах, в особых комарах (нишах), и возле стен, подле гробниц, находящихся в комарах, и даже в некоторых местах одна гробница стояла на другой. В таком положении гробницы стояли до той поры (уже много позднейшей), когда, из желания сделать более простора в соборе, некоторые гробницы опустили под пол храма, а некоторые и совсем упразднили, переложив находившиеся в них останки в сохраненные гробницы; затем, еще позднее, и оставленные гробницы в комарах заложены были кирпичом. Только в придельных алтарях оставались видны некоторые гробницы". (*Порфирий, архимандрит*. Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и Успенском Княгининском девичьем монастыре и погребенные в них князья, княгини и святители. 2-е изд. Владимир, 1903. С. 3 - 4).

⁷⁸ ПСРЛ. Т. XI. С. 33, 94, 95, 116, 117, 122, 126, 166; Ср.: Т. XIV. Ч. 2. Пг., 1918. С. 46. "Летописец..." не случайно именует его игуменом. "Русский биографический словарь" дает о нем следующие сведения: "в епископа он хиротонисан около 1375 г., но в 1382 г. уехал из Смоленска в Москву и там остался; великий князь Дмитрий Донской дал ему в епаршеское владение город Звенигород, и Даниил именовался «владыкою звенигородским». Скончался в Чудовом монастыре в марте 1397 г." (Русский биографический словарь. Т. 6 /Дабелов - Дядьковский/. СПб., 1905. С. 92.). То, что после Даниила не известно более звенигородских епископов, показывает, что сан этот был всего лишь почетным званием, данным в знак уважения. Реально же никакой епископской кафедры в Звенигороде в описываемое нами время не существовало. Тот факт, что Даниил скончался в кремлевском Чудовом монастыре, заставляет предположить, что в действительности он исполнял там обязанности игумена. Судя по всему, он занимал эту должность между Елисеем Четкой, упоминаемым около 1380 г., и Исаакием, известным в 1397 г. (*Строев М.П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. С. 162; Имеется репринтное издание этой книги: Кельн-Вена, 1990). Очевидно, в 80 - 90-е годы XIV в. Даниил играл роль митрополичьего викария на случай хиротоний епископов, а также церковных служб в столице во время длительных отлучек митрополита из Москвы. В конце 70-х - начале 80-х годов эту роль выполнял коломенский епископ Герасим (См.: *Мазуров А.Б.* Когда была основана Коломенская епархия? // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996. № 4. С. 52 - 53).

Дальнейшее знакомство с текстом древнейшей части "Летописца" показывает, что в ней содержатся и другие реалии, относящиеся к последней четверти XIV - первой четверти XV в.

Таково, к примеру, известие о вражде сыновей князя Семена Ивановича: "князь Андрей с Федором к киевскому и московскому ездили мириться, и помирились..." Н.М. Карамзин, а вслед за ним и С.А. Семячко считали, что речь идет о "киевском и московском князе", как это указывается в поздних списках "Летописца". Но в ранних списках слова "князь" нет. Речь, по всей видимости, должна идти о митрополите киевском и московском. Под этим определением, вероятно, скрывалась личность Пимена, находившегося в 1381 - 1382 гг. в ссылке в галичских пределах на Чухломе.⁷⁹ При этом участие духовного иерарха в примирении князей нельзя считать каким-то необычным делом - подобные примеры хорошо известны в это время.

Итак, анализ уже первой статьи "Летописца Воскресенского монастыря" показывает, что упомянутые в ней лица - князья Семен Иванович Галичский, его сыновья Федор и Андрей, Никита Ветлужский, игумен Даниил вполне могут быть соотнесены с реальными людьми, действовавшими на рубеже XIV - XV вв. Тем самым мы должны признать, что рассказ "Летописца" не является "плодом фантазии автора", как полагала С.А. Семячко, а отражают реально происходившие события. Поэтому нам необходимо, хотя бы приблизительно, реконструировать действительную хронологию основных отображенных в древнейшей части памятника событий.

"Летописец" начинается с того, что "приехали из Орды вси князи русии, и досталось в удел князю Семену Ивановичу Кострома да Галич, и князь жил год и преставился". Конечно, говорить о том, что князю Семену достались "в удел" в конце XIV в. Кострома и Галич, не приходится. Но что же имел в виду автор этого известия, когда говорил об "уделе" князя Семена? Для этого мы должны вновь

⁷⁹ Как известно, в 80-е годы XIV в. на Руси было два митрополита: Киприан и Пимен. Любопытно было бы проследить, как они именовались в документах того времени. Интересно и замечание "Летописца", что "московский велми жаловал князя Федора Семеновича". Очевидно, князь Федор, имевший реальную власть в Галиче, не преминул как-то облегчить судьбу высокопоставленного ссыльного, за что тот был впоследствии ему благодарен. Видимо, через Пимена князь Федор познакомился и с Даниилом, у которого просил монахов для устройства обители в Галиче. О тесных связях Пимена с Даниилом говорит хотя бы тот факт, что последний среди немногих лиц провожал Пимена в его последнее путешествие в Царьград вплоть до Дона, несмотря на определенное недовольство Дмитрия Донского самим фактом отъезда Пимена (ПСРЛ. Т. XI. С. 95).

возвратиться к фрагменту из "Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича", помещенному в Списке Дубровского IV Новгородской летописи. В нем рассказывается, что перед кончиной Дмитрий Донской потребовал от своих "вернейших" бояр, среди которых был и князь Семен Иванович Галичский, заботиться о княгине: "и се предаю вамъ княгиню свою..."⁸⁰

В чем же выражалась эта забота? Из духовной грамоты Дмитрия 1389 г. видим, что его вдова Евдокия из уделов своих сыновей получала в пожизненное владение ряд волостей. В частности, ей достались "оу князя оу Василья... ис Костромы Иледам с Комелою, а оу князя оу Юрья из Галича Соль".⁸¹ Понятно, что княгиня должна была управлять выделенными ей волостями. Разумеется, управление ими она осуществляла не лично сама, а через специально назначенных наместников, одним из которых, очевидно, и был князь Семен Иванович Галичский, управлявший ее галичскими и костромскими волостями. При этом его статус, как "вольного слуги", был выше, чем у обычных княжеских наместников и он мало зависел от того князя, в уделе которого находились эти волости. Об этом, в частности, свидетельствует все та же духовная грамота 1389 г. московского великого князя: "А хто моих бояръ имет служити моеи княгине, техъ бояръ, дети мои, блюдите с одного".⁸² Видимо, этот особый статус Семена Ивановича Галичского и имел в виду автор "Летописца", когда говорил об "уделе" князя Семена.

Под 1392 г. русские летописи сообщают о поездке в Орду сына Дмитрия Донского, великого князя Василия Дмитриевича. К хану он отправился 16 июля,⁸³ а обратно на Русь вернулся в октябре того же года.⁸⁴ Летом предшествовавшего 1391 г. хан Тохтамыш потерпел поражение от Тимура, остро нуждался в деньгах и с целью их сбора вызывал в Орду и других русских князей. В частности, сохранилось известие летописца о возвращении из Орды в 1391 г. князя Бориса Константиновича нижегородского (из рода суздальских князей).⁸⁵ Отсюда становится понятным, что говоря о возвращении из Орды "всех" русских князей, автор "Летописца", очевидно, имел в виду осень 1392 г., когда от хана вернулся великий князь Василий Дмитриевич. Поскольку после этого князь Семен Иванович Галичский прожил еще год, его кончину следует отнести к 1393 г.

После его смерти галичскими волостями великой княгини Евдо-

⁸⁰ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 488.

⁸¹ ДДГ. № 12. С. 34.

⁸² Там же. № 12. С. 36.

⁸³ ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 132; Т. XXV. С. 219.

⁸⁴ Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 162; Т. XVIII. С. 142.

⁸⁵ Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 160; Т. XVIII. С. 141.

кии стал управлять его сын Федор, а костромскими - брат последнего Андрей Семенович.

Далее в "Летописце" рассказывается о посещении князем Федором Семеновичем "игумена Даниила". Поскольку, как мы выяснили, им был Даниил, епископ звенигородский и смоленский, это событие могло произойти только до его кончины в 1397 г.

Попытаемся теперь определить время основания Воскресенского монастыря в Солигаличе. Это событие не могло произойти ранее 1393 г., когда умер князь Семен Иванович Галичский, поскольку в "Летописце" об основании монастыря говорится уже после смерти Семена его сыном Федором. Определенное указание на точную дату основания дает сам памятник, когда сообщает, что закладка храма состоялась в праздник Вознесения, пришедшийся на день памяти святого Иова Многострадального (6 мая), а следовательно Пасха в этот год должна была праздноваться 28 марта. Обратившись к пасхальным таблицам, видим, что подобное сочетание дней за XIV - XV вв. случилось всего 7 раз: в 1339, 1350, 1361, 1372, 1434, 1445 и 1456 гг.⁸⁶ Но ни одна из этих дат нас не удовлетворяет по ряду причин. В чем же тут дело? Обратившись к тексту "Летописца", видим, что он сообщает о завершении строительства храма к Ильину дню (20 июля). Очевидно, в исходном тексте памятника сообщалось о том, что закладка церкви состоялась в праздник Вознесения, а уже на следующий день, пришедшийся на память Иова (6 мая) закипела работа по его возведению. Позднейший составитель "Летописца" не разобрался в этом и приурочил эти два этапа (собственно закладку и начала строительства) к одному и тому же дню. При таком понимании текста, снова обратившись к пасхальным таблицам, мы можем выяснить, что подобное соотношение дней за 200 лет (с 1300 по 1500 г.) имело место всего 5 раз: в 1345, 1407, 1418, 1429 и 1440 гг. Наиболее вероятным из них представляется 1407 г.⁸⁷ Именно его и следует

⁸⁶ Степанов Н.В. Календарно-хронологический справочник // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1917. Кн. 1(260). Таблица 11-я.

⁸⁷ Любопытно, что под тем же 1407 г. летописец поместил известие о закладке вдовой Дмитрия Донского незадолго до ее смерти Вознесенского монастыря в московском Кремле: "Тое же весны княгини великая Еудокья Дмитриева заложи на Москве церковь камену святаго Възнесения внутри города". Здесь она была и похоронена 7 июня. (ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 236). Судя по названию обители, ее закладка пришлась на праздник Вознесения - именно на тот день, когда, по нашим расчетам, в Солигаличе, которым распоряжалась Евдокия, также закладывали церковь. Было ли это совпадение случайным или все же имело смысл?

признать датой основания Воскресенского монастыря.

Далее "Летописец" повествует об истории вражды князя Андрея Федоровича Галичского с его дядей Андреем Семеновичем Костромским и Никитой Ветлужским. Зная внутрисполитическую обстановку в Северо-Восточной Руси того времени, легко понять и истоки этого конфликта. С начала XV в. обостряются противоречия между великим князем Василием I и его дядей князем Юрием Дмитриевичем, претендовавшим на великокняжеский стол. Все это в итоге привело к длительной феодальной войне второй четверти XV в.

Не останавливаясь на этих, неоднократно описанных событиях, укажем лишь, что до поры до времени противники внешне сохраняли мир: князь Юрий Дмитриевич вполне резонно опасался маячившей за своим братом фигуры грозного великого князя литовского Витовта, приходившегося тестем Василию I. Но среди прочих сторонников обоих лагерей, не обремененных дипломатической осторожностью, настроения были более напряженными. Между тем, галичские князья оказались по разную сторону линии противостояния. Сын Федора - Андрей служил князю Юрию Дмитриевичу, а его дядя князь Андрей Семенович - великому князю Василию I. Понятно, что в этих условиях, чувствуя превосходство сил своего господина, князь Андрей Семенович не смог избежать соблазна силой захватить вотчины своего племянника. Вот как повествует об этом "Летописец": "посла князь Андрей (Федорович. - К.А.) послы на Ветлугу х князю Никите Ивановичу да х Костроме к дяде своему Андрею Семеновичу, чтоб его вотчины отдали. И князь Никита Иванович да князь Андрей посла его пограбили, а ему приказали: не ведати тебе вотчины до века. И князь Андрей Федорович ходил с великою силою на те вотчины, выжгли промеж ими".

В нашу задачу не входит описание и установление точной хронологии всех перипетий этой борьбы. Укажем лишь на то, что, по данным "Летописца" на стороне Андрея Семеновича и Никиты Ветлужского выступили "племянники" последнего - суздальские князья Данило Борисович, Юрий Васильевич, Михаил Дмитриевич, а также татары и черемисы. Борьба шла с переменным успехом - в ней пали сыновья Никиты - Гавриил и Юрий, сын Андрея Семеновича - Дмитрий, а сама она сопровождалась разорением целого ряда мест: князь Андрей Федорович "на Костроме грады пожег", а в отместку его противники разграбили Воскресенский монастырь в Солигаличе, после чего он на длительный срок запустевает.⁸⁸

⁸⁸ Пересказ этих событий по Списку Публичной библиотеки содержится в статье А.С. Верещагина "Один ли был город Хлынов?" (*Верещагин А.С. К истории древнего Хлынова. Вятка, 1904. С. 81 - 83.*

Находит ли отражение эта междоусобная борьба в других, нежели солигаличский "Летописец...", источниках? Да. Среди суздальских князей этого времени, действительно, известны князья Данило Борисович и Юрий Васильевич. Московский летописный свод конца XV в. 3 июля 1410 г. датирует известие о набеге "изгоном" одного из отрядов князя Данилы Борисовича вместе с татарами на Владимир и учиненных там грабежах.⁸⁹ После сообщения "Летописца" о сожжении князем Андреем Федоровичем городов "на Костроме" вполне очевидной становится причина укрепления в 1410 и 1416 гг. Василием I Плеса и Костромы.⁹⁰

Описание борьбы, в которой принимали участие галичские князья и Никита Ветлужский, а вместе с тем и вся древнейшая часть "Летописца", заканчивается известием о "море": "И попусти Бог князю Никите: прииде на его землю болезнь коркотная и изомроша вси, и погиге град Хлынов". И действительно, под 1420 г. московский летописный свод конца XV в. отмечает это событие, помещая о нем целую статью: "О мору и о гладе. В лето 6928. Бысть морь силенъ на Костроме и въ Ярославле, в Галиче, на Плесе, в Ростове, почен от Успенья богородици (15 августа. - К.А.). И тако вымроша, яко и жита бе жати некому, а снег паде на Никитинъ день (15 сентября. - К.А.) и иде три дни и три нощи, паде его на 4 пяди и потом соиде и потом мало кто, что сжа, и бысть глад по мору".⁹¹

Таким образом, в "Летописце" нашли свое отражение реальные лица и события, укладывающиеся в хронологические рамки между 1392 и 1420 гг. Но почему же все они отнесены памятником к эпохе до 1372 г. (или 1375 г., по другим спискам)?

Виной тому стало то, что составитель "Летописца" не смог справиться с одной исторической проблемой, которая, к слову сказать, была решена только во второй половине XX в. Она заключается в вопросе - где находился центр владений князя Никиты Ветлужского? "Летописец" на этот счет неоднократно указывает, что его стольным городом являлся Хлынов.

Но здесь возникает серьезное противоречие, с которым, несомненно, должен был столкнуться составитель памятника. Известно, что Хлыновом вплоть до 1780 г. называлась Вятка (ныне Киров), расположенная на одноименной реке. Считается, что история Вятки уходит своими корнями в XIV в. и в литературе основание города обычно связывают с одним летописным известием, поме-

⁸⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 240.

⁹⁰ Под 1410 г.: "того же лета князь велики Васиλει повеле рубити град Плесо" и под 1416 г.: "того же лета градъ Кострома заложенъ бысть" (ПСРЛ. Т. XXV. С. 240, 243).

⁹¹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 244.

ценным под 1374 г. Под этой датой в ряде летописей рассказывается о походе ушкуйников, ограбивших поволжские земли. С награбленной добычей они "преидоша за Волгу, и суды вся пожгоша, а сами поидоша къ Вятке на конехъ по суху и, идуще, множество сель и властей по Ветлузе пограбиша".⁹²

Мы уже видели, что древнейшая часть "Летописца" заканчивается известием о гибели ветлужского князя: "И не попусти Бог Никите, прииде на его землю болезнь коркотная и изомроша вси, и погибе град Хлынов, и после того времени много кровопролития было". Сопоставив его с сообщением о походе ушкуйников по р. Ветлуге в 1374 г., составитель "Летописца", очевидно, понял его таким образом, что старый город Хлынов, располагавшийся на Ветлуге, был уничтожен в 1374 г., а после этой даты возникает уже новый одноименный город, на этот раз на Вятке. Тем самым он пришел к выводу, что все содержание древнейшей части памятника должно относиться ко времени до 1374 г.

Попытался он определить и время, начиная с которого идут известия "Летописца". Обнаружив в летописях под 1332 г. известие о выезде из Орды Ивана Калиты,⁹³ он сопоставил его с начальной фразой памятника: "приехали из Орды вси князи русии" и отнес ее именно к этому году. Далее, в соответствии с этими двумя предположениями, он, по своему разумению, разбил содержание "Летописца..." на отдельные погодные статьи.

Искусственность подобной хронологии видна по анализу уже первых двух статей "Летописца". Под 1332 г. сообщается о получении князем Семеном Ивановичем удела, после чего он прожил еще *один* год. Далее говорится об основании монастыря в Галиче его сыном князем Федором Семеновичем, первый настоятель которого Афанасий игуменствовал в нем *три* года. Не замечая явной арифметической ошибки, составитель "Летописца" датирует рассказ о знамении князю Федору 1335 г., т.е. на третий год игуменства Афанасия, забыв о том, что с момента получения его отцом удела должно было пройти, как минимум, *четыре* года. Отсюда вполне закономерно вытекает и другая ошибка в хронологии в следующей статье "Летописца", помеченной им под 1335 г., и которую составитель памятника просто не заметил - в этот год праздник Вознесения приходился не на 6 мая, как говорит источник, а на 25 мая. Понятно, что в этих условиях говорить о какой-либо досто-

⁹² Там же. Т. XI. С. 20; Т. XXV. С. 189; *Эммаусский А.В.* Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949. С. 17; *Луппов П.Н.* История города Вятки. Киров, 1958. С. 59; История города Кирова. 1374 - 1974. Краткий очерк. Киров, 1974. С. 13.

⁹³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 170.

верности дат "Летописца" просто не приходится.

Признав, что древнейшая часть "Летописца" повествует о событиях рубежа XIV - XV вв., мы вновь сталкиваемся все с той же проблемой, что и составитель памятника: главным городом князя Никиты Ветлужского называется Хлынов, соотносимый с древней Вяткой, известной с 1374 г. Начиная с этого времени в летописях о ней постоянно встречаются упоминания, в которых нет ни малейшего намека на то, что в ней княжил ветлужский князь.⁹⁴

Однако никакого противоречия здесь нет. Его в 1971 г. удачно объяснил вятский историк А.В. Эммаусский. "Ошибка заключалась в том, - писал он, - что все историки считали, что главный город Вятской земли с самого своего возникновения назывался Хлыновом, а слово «Вятка» трактовали как синоним Вятской земли."

В доказательство своих утверждений, обратившись к "Списку русских городов дальних и ближних" конца XIV в., он отметил, что в перечне "залесских" городов после Нижнего Новгорода и Курмыша на Суре стоит Вятка, но нет никакого Хлынова.⁹⁵ Этот источник, по мнению ученого, "убеждает нас, что первый город, поставленный на р. Вятке, первоначально носил название этой реки". Он упоминается и в договорной грамоте 1428 г. Василия II с Юрием Галицким,⁹⁶ и в послании митрополита Ионы 1452 г. на Вятку.⁹⁷ И только после 1452 г. в документах появляется другое наименование - Хлынов. В Воскресенской, Львовской и Софийской первой летописях, в Устюжском летописном своде под 1457 г. помещено известие о походе московских войск на Вятку "со многими силами". Войска долго стояли под городом Хлыновом, но не взяли его и ушли обратно, так как вятчане подкупили одного из московских воевод Григория Перхушкова и он им "норовил".⁹⁸ Отсюда А.В. Эммаусский делает вывод: "город Вятка получил другое название Хлынов в промежуток времени между 1452 и 1457 гг. Но для этого

⁹⁴ Эту задачу с привлечением материалов "Летописца Воскресенского монастыря" попытался решить еще в начале XX в. вятский историк А.С. Верещагин в статье "Один ли был город Хлынов?". Но, он в принципе признавая возможность существования двух одноименных городов Хлыновых - на Вятке и на Ветлуге, не пошел дальше простого пересказа и признания "более чем сомнительным" всех показаний солигаличского "Летописца" (*Верещагин А.С. К истории древнего Хлынова. Вятка, 1904. С. 80 - 91*).

⁹⁵ *Тихомиров М.Н. "Список русских городов дальних и ближних" // Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 248.*

⁹⁶ ДДГ. № 24. С. 64, 66.

⁹⁷ Акты исторические. Т. I. СПб., 1841. № 261. С. 490 - 492.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 45 (Устюжская летопись).

переименования был необходим какой-то повод. К сожалению, об этом поводе мы ничего не знаем и можем только высказывать догадки, исходя из исторической обстановки того времени".⁹⁹

Итак, название вятского Хлынова встречается в источниках только с середины XV в. Очевидно, что упоминаемый в "Летописце" Хлынов не имеет ничего общего с вятским одноименным городом и находился в совершенно другом месте. Где? Исходя из неоднократных указаний "Летописца", мы можем достаточно уверенно говорить о том, что город Хлынов, являвшийся столицей удела князя Никиты Ветлужского, в XIV - начале XV в. располагался на р. Ветлуге. Археологически его следует связать с одним из городищ, расположенных на этой реке, близ современного города Ветлуга Нижегородской области.¹⁰⁰

Но каким образом название Хлынов появилось на Вятке? Очевидно, что ожесточенная междоусобная борьба галичских князей в начале XV в. и опустошительный мор 1420 г. привели к тому, что население Ветлужского удела практически полностью покидает родные места и обосновывается севернее - на р. Вятке, по соседству с одноименным городом. Некоторые указания на это видим в докончании 1428 г. великого князя Василия Темного и князя Юрия Дмитриевича Галицкого, где упоминается Вятка "и съ слободами и со всеми месты",¹⁰¹ и в духовной грамоте князя Юрия Дмитриевича, в которой Вятка названа уже "з города и волостми".¹⁰² Одним из этих новых городков Вятской земли, вероятно, и стал Хлынов, уже второй по счету, выстроенный переселенцами с Ветлуги по соседству с более древней Вяткой. Позднее эти два рядом расположенных поселения, очевидно, слились в единое целое, и летописями с 1457 г. здесь фиксируется только один Хлынов (современный Киров).

Другой поток переселенцев с Ветлуги направился в противоположную сторону. Где могли осесть беженцы, спасавшиеся от голода? Разумеется в таком большом мегаполисе того времени, каким уже тогда являлась Москва, где легче всего было найти пропитание, работу и кров (подобно тому, как другая часть беженцев осела на окраинах Вятки, главного центра Вятской земли). Вятские историки XIX в. обратили внимание на то, что в Москве издавна известно урочище Хлыново, располагавшееся у Никитских ворот Белого

⁹⁹ Эммаусский А.В. К вопросу о времени основания города Вятки (Кирова). Учебное пособие. Киров, 1971. С. 21, 29 - 31.

¹⁰⁰ См.: Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 22. М., 1951. С. 110 - 158.

¹⁰¹ ДДГ. № 24. С. 64, 66.

¹⁰² Там же. № 29. С. 74.

города. Летописью оно впервые упоминается под 1514 г., когда "князь великий Василей другую церковь камену заложил Благовещение Святей Богородици за Неглинною на Старом Хлынове". Спустя два года она была освящена.¹⁰³

Первоначально возникновение московского Хлынова возводили к рубежу XV - XVI вв., считая, что оно было основано выходцами из Вятки, "переведенными" сюда Иваном III после окончательного присоединения Вятской земли в 1489 г., аналогично тому, как в это же время в Москве оказались выходцы из Новгорода и Пскова. С этим не согласился А.С. Верецагин. В своей статье "Хлынов старше или Хлыново?" он обратил внимание на одну запись в митрополичьей копийной книге. Она рассказывает об истории села Большое Кудрино, располагавшегося в районе Пресни в Москве, и принадлежавшего в начале XV в. князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому. После смерти последнего его вдова княгиня Елена Ольгердовна "дала то село Кудрино и со всеми деревнями (среди которых видим Выпряжково. - К.А.) и с селищи по реку по Ходыню, да по Беседы, да по тверскую дорогу, да по Липы, да по Суцовскую межу, да по Хлыново, да по городцкое поле... Фотею митрополиту всеа Руси".¹⁰⁴ Поскольку Хлыново упоминается уже в начале XV в., то, по мнению А.С. Верецагина, оно никак не могло быть основано переселенцами из Вятки при Иване III.¹⁰⁵

По нашему предположению, Хлыново было основано переселенцами из Хлынова на Ветлуге, бежавшими в Москву после мора 1420 г. Но как быть с тем фактом, что князь Владимир Андреевич умер еще до этого события, в 1410 г.?¹⁰⁶ Вопрос этот проясняется тем, что сохранилась сама духовная грамота князя Владимира Андреевича начала XV в. В ней нет ни слова о Кудрине, зато упоминается Выпряжково на Студенце (ныне ручей Студенец, заключенный в трубу, по прежнему протекает в районе Пресни), которое, очевидно, и было центром этой громадной вотчины в начале XV в. Его князь Владимир Андреевич завещал своему сыну князю Семёну.¹⁰⁷ Последний скончался осенью 1426 г., не оставив детей,¹⁰⁸

¹⁰³ Тихомиров М.Н. Из "Владимирского летописца" // Исторические записки. Т. 15. М., 1945. С. 294, 296; Фехнер М.В. Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 12. М.; Л., 1949. С. 114, 120.

¹⁰⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV - XVI вв. Ч. I. М., 1951. С. 49 - 50.

¹⁰⁵ Верецагин А.С. К истории древнего Хлынова. Вятка, 1904. С. 1 - 79.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. XI. С. 214 (Здесь же под 1410 г. говорится о передаче Кудрина митрополиту Фотию).

¹⁰⁷ ДДГ. № 17. С. 46.

следовательно передача Кудрина его матерью княгиней Еленой Ольгердовной митрополиту Фотию не могла состояться ранее этой даты. Понятно, что и упоминание соседнего с Кудриным села Хлынова относится к тому же времени, т.е. уже после мора 1420 г. Тем самым процесс оседания выходцев из ветлужского Хлынова в Москве хронологически сближается с аналогичным процессом оседания другой части переселенцев на Вятке.¹⁰⁹

Главным же выводом после проведенного нами анализа известий, содержащихся в древнейшей части "Летописца Воскресенского монастыря" в Солигаличе, является то, что вряд ли можно согласиться с мнением С.А. Семячко, полагавшей, что перед нами не историческое сочинение, а чисто литературное произведение: в ней нашли свое отражение реальные события и лица, которые известны и по другим источникам. Изложенные в ней факты мы можем датировать временем между 1392 и 1420 гг.

Приобретение Галича московскими князьями

Каким способом и когда Галич стал московским владением? В поисках ответа на этот вопрос историки странным образом прошли мимо одного интересного и достаточно четкого свидетельства. П.В. Долгоруков, составляя генеалогию Березиных, отметил, что их родословие и других происходящих от галичских князей дворянских фамилий, было извлечено им из выписки, сделанной П.Ф. Карабановым из так называемого Хворостининского родословца. Увлечением П.Ф. Карабанова было собирание древностей и запись множества семейных преданий, имеющих большую ценность тем, что они сообщают такие подробности, которые неизвестны нам ни из каких других источников, и вместе с тем разъясняют некоторые неясности, черпаемые нами из других источников.¹¹⁰ И, действите-

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. VI. С. 143.

¹⁰⁹ Небольшая часть беженцев из Хлынова, возможно, осела в Твери. Некоторые указания на это находим в тверской писцовой книге 1628 г. письма Потапа Нарбекова, где упоминается "На *Хлынове* храм Воскресения Христова, да в приделе Ильи пророк" (Церкви и монастыри в г. Твери в 1677 г., по переписи Михаила Никитича Чирикова, да подьячего Ивана Андреева. Тверь, 1889. С. 9). Позднее деревянный храм был заменен каменным и стал именоваться по приделу церковью Ильи Пророка (*Малыгин П.Д.* Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. [Вып.1]. Тверь, 1994. С. 125).

¹¹⁰ См.: Русский биографический словарь. Т. 8 (Ибак-Ключарев). СПб., 1897. С. 483.

льно, в Хворостининском родословце мы находим любопытнейшие подробности: "Князь Федор Давыдович продал половину Галича великому князю Иоанну Даниловичу Калите, но владел другою половиною, равно как и сын его князь Иван Федорович. Сын сего последнего, князь Дмитрий Иванович, согнан был с удела великим князем Дмитрием Донским, присоединившим весь Галич к своему великому княжению".¹¹¹

Что следует понимать под выражением "продал половину Галича"? Из предыдущей главы мы выяснили, что Дмитрий Донской "купил" Мещеру у своего тестя князя Дмитрия Константиновича Суздальского, а сама "купля" оказывается ни чем иным, как приданым жены. Предположив, что в случае с Галичем была совершена аналогичная сделка, мы можем утверждать, что Иван Калита подобным образом "купил" половину Галича у своего тестя князя Федора Давыдовича Галичского и это приобретение является приданым его жены.

В завещании Ивана Калиты, действительно, упоминается его жена, которой вместе "с меншими детьми" он отдает ряд волостей.¹¹² Но по имени она здесь не названа. Впервые имя второй супруги Калиты фиксируется в духовной грамоте 1358 г. сына Калиты великого князя Ивана Ивановича Красного, где упоминается некая княгиня Ульяна, которая "по отца моего, князя великого, по грамоте по душевной ведаеть волости, и осмичье, и села до своего живота".¹¹³ Н.М. Карамзин полагал, что речь здесь идет о супруге младшего сына Калиты Андрея.¹¹⁴ На это ему резонно возражал С.М. Соловьев: из летописи известно, что Андрей женился уже после смерти отца и Калита просто физически не мог распоряжаться делами невестки, которой еще не было. Он же выяснил, что речь должна идти о второй жене Калиты Ульяне, которая приходилась мачехой Семену Гордому и Ивану Красному.¹¹⁵

Когда скончалась Ульяна? В завещании Ивана Красного относительно принадлежавших ей волостей предусматривалось, что после ее смерти они должны быть разделены между сыновьями Ивана Красного - Дмитрием (будущим Донским), Иваном, их двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским и вдовой Ивана Красного Александрой. Такой раздел, действительно, со-

¹¹¹ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 4. СПб., 1857. С. 6.

¹¹² ДДГ. № 1. С. 8, 9.

¹¹³ Там же. № 4. С. 15, 18.

¹¹⁴ Карамзин Н.М. Ук. соч. Т. IV. С. 173.

¹¹⁵ Соловьев С.М. Ук. соч. Кн. II (тт. 3-4). С. 337. Прим. 468; С. 654. Прим. 169; См. также: Экземплярский А.В. Великие и удельные князья. Т. I. СПб., 1889. С. 79 - 80. Прим. 208.

стоялся, но был произведен лишь между Дмитрием Донским и Владимиром Андреевичем Серпуховским, поскольку младший брат Дмитрия и его мать скончались в одном и том же 1364 г.¹¹⁶ Сама же княгиня Ульяна умерла в промежутке между 1366 и 1372 гг., о чем свидетельствуют московско-серпуховские dokonчания этого времени - в первом из них об Ульяне еще говорится как о живой,¹¹⁷ а во втором уже зафиксирован раздел ее бывших владений.¹¹⁸ Примечательно, что именно в последнем из них - договоре 1372 г. - впервые в качестве московского владения упоминается Галич.

До сих пор историками не было высказано мнений о возможном происхождении второй жены Ивана Калиты. Предположив, что Ульяна являлась дочерью галичского князя Федора Давыдовича, и зная, что она пережила своего мужа, нам становится понятным - почему "половина Галича", которая досталась Калите вместе с ее рукою, не упоминается в завещаниях его сыновей Семена Гордого и Ивана Красного - она юридически составляла собственность вдовы Калиты, представляя ее приданое, хотя фактически этим владением могли распоряжаться московские князья, о чем, в частности, свидетельствует приведенная нами выше запись на Галицком Евангелии 1357 г. о том, что в Галиче княжил Иван Красный.¹¹⁹

Но Иван Калита распоряжался далеко не всей территорией Галичского княжения. Судя по показаниям Хворостининского родословца, другой "половиной" княжества продолжали владеть местные галичские князья - Федор Давыдович (ум. 1335 г.), а затем его сын Иван Федорович. Кроме того, как мы выяснили выше, землями на востоке Галичского княжества, по р. Ветлуге, владели князья из ростовского княжеского дома.

То, что Калита владел лишь частью Галичского княжества, косвенно подтверждают свидетельства летописных сводов 1493 и 1495 гг. В них указывается, что в 1389 г. Дмитрий Донской передал своему сыну Юрию "город Галичь..., а прежде было Галичское княжение великое".¹²⁰ Известно, что галичские князья никогда не носили титул великих князей владимирских, и поэтому Галичское княжество никогда не называлось "великим". Но почему же оно так определено в записях, сохранившихся в летописных сводах конца XV в.? В.А. Кучкин, столкнувшись с аналогичным случаем применительно к Белозерскому княжеству (о нем мы будем говорить в следующей главе), справедливо считал, что ответ может быть

¹¹⁶ ДДГ. № 4. С. 15, 18; ПСРЛ. Т. XXV. С. 182.

¹¹⁷ ДДГ. № 5. С. 20.

¹¹⁸ Там же. № 7. С. 23.

¹¹⁹ Столярова Л.В. Свод записей. № 276. С. 286 - 288.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 256, 335.

только один. Термин "княжение великое" по отношению к Галичу здесь означает не все княжество в целом, а лишь владения старшего, "великого" по отношению к местным удельным князьям, собственно галичского князя.¹²¹ Действительно, князья-совладельцы должны были проводить единую согласованную политику в пределах княжества - решать вопросы совместного судоустройства, налогообложения, сбора таможенных доходов, выплаты ордынской дани, держать в порядке городские укрепления и "осадные дворы" и т.п. Вполне понятно, что один из князей должен был координировать действия своих совладельцев, выступая по отношению к ним на территории княжества в качестве старшего, "великого" князя. Очевидно, что на территории Галича применительно к владениям своей дочери Ульяны эти функции выполнял князь Федор Давыдович, являвшийся по отношению к Ульяне "великим" князем, а после его смерти сын последнего князь Иван Федорович.

Но проникновение московских князей на территорию Галичского княжества не ограничилось одним лишь браком Калиты. Под 1345 г. Рогожский летописец помещает известие о браке младшего сына Ивана Калиты Андрея, который "женися оу князя Ивана оу Федоровича, поя княгиню Марию".¹²² Определяя, кем был упомянутый в этом сообщении Иван Федорович, В.А. Кучкин выяснил, что князь Андрей Иванович Серпуховской женился на дочери князя Ивана Федоровича Галичского.¹²³ Выше мы видели, что Калита

¹²¹ См.: Кучкин В.А. Формирование. С. 308.

¹²² ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 56.

¹²³ Кучкин В.А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 365 - 384. Здесь мы должны исправить одну ошибку историка. Говоря о князе Иване Федоровиче Галичском, В.А. Кучкин обратил внимание на запись писца об окончании работы над книгой в Псковском Апостоле, который был закончен около 1310 г. "при архиепископе новгородскомъ Давыде, при великомъ князи новгородскомъ Михаиле, а плъскомъ Иване Федоровици, а посадниче Борисе..." (Столярова Л.В. Свод записей. № 167. С. 186 - 188). В.А. Кучкин полагает, что речь здесь идет о галичском князе Иване Федоровиче, который, по его мнению, должен был сидеть наместником великого князя Михаила Тверского в 1310 г. во Пскове. Но единственное летописное упоминание о Иване Федоровиче Галичском, как мы видели, относится лишь к 1345 г. - слишком велик хронологический разрыв в 35 лет между двумя известиями, да к тому же в это время еще должен был активно действовать его отец Федор Давыдович, скончавшийся лишь в 1335 г., а сам Иван Федорович был слишком юным. Следовательно надо искать другое лицо, которое можно отождествить с псковским князем Иваном Федоровичем, упоминаемым

вместе с рукой Ульяны получил "половину" Галича. Очевидно, определенные земельные владения в Галичском княжестве должен был получить и князь Андрей Иванович.

В этой связи мы должны вновь обратиться к цитированному нами в начале данной главы месту из договорной грамоты 1372 г. между Дмитрием Донским и князем Владимиром Андреевичем Серпуховским: "А рубежь Галичу и Дми... при Иване и при наших отцехъ при великих князехъ..."¹²⁴ Реконструкцию В.А. Кучкина, считавшего, что фраза должна читаться: "А рубежь Галичу и Дми[трову как былъ при нашемъ деде при великом князи] при Иване (Калите. - К.А.) и при наших отцехъ при великих князехъ...", следует отвергнуть, ибо, как уже отмечалось выше, отец князя Владимира Андреевича Серпуховского не являлся великим князем. На наш взгляд, фраза должна быть реконструирована следующим образом: "А рубежь Галичу и Дми[трову как былъ при великом князи] при Иване (Галичском. - К.А.) и при наших отцехъ при великих князехъ..." При таком понимании текста все встает на свои места. В 1372 г. Дмитрий Донской и его двоюродный брат договариваются соблюдать уже утвердившееся положение дел внутри Галичского княжества в тех рамках, которые сложились при князе Иване Федоровиче Галичском и его князьях-совладельцах из московского княжеского дома.

Каким же было распределение владений внутри Галичского княжества? Судя по показаниям Хворостининского родословца, одной "половиной" Галича владела вдова Калиты Ульяна, второй "половиной" распоряжались собственно галичские князья. После брака князя Андрея с дочерью князя Ивана Федоровича часть второй "половины" Галича должна была достаться серпуховскому князю. По аналогии с подобным московским материалом можно предположить, что раздел второй "половины" Галича мог быть произведен по "годам" - последовательно один год ею управлял галичский князь, следующий - князь Андрей.¹²⁵

под 1310 г. Им, судя по всему, был князь Иван Федорович Белозерский, сын Федора Михайловича Белозерского, сидевшего во Пскове в начале XIV в. Об этом подробнее будет говориться в следующей главе данной работы.

¹²⁴ ДДГ. № 7. С. 23. Многоточием отмечена лакуна в источнике.

¹²⁵ См.: Семенченко Г.В. Управление Москвой в XIV - XV вв. // Исторические записки. Т. 105. М., 1980. С. 203 - 204; Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV - XV вв. М., 1957. С. 195 - 205. Здесь мы не учитываем того, что определенное участие в управлении Галичем должны были принимать и ростовские князья, владевшие восточной частью Галичского княжества, и в действительности система управления Галичем была более

Но подобный раздел второй "половины" Галича (назовем ее условно "великокняжеской", поскольку с ней были связаны функции старшего из галичских князей-совладельцев) если и существовал, то очень непродолжительное время. "Половина" Галича по своей доходности не шла ни в какое сравнение с московскими "третьями", делить по большому счету было нечего, и к тому же "смесное" владение с галичским князем могло вызывать ненужные трения. Поэтому московские князья предпочли осуществить взаимовыгодную сделку - князю Ивану Федоровичу Галичскому был выделен более богатый Дмитров, а князю Андрею Ивановичу досталась целиком вся вторая "великокняжеская половина" Галича и поэтому в договоре 1372 г. он упоминается как "великий князь".

То, что князь Иван Федорович получил Дмитров, подтверждается довольно любопытным источником, остававшимся до сих пор вне поля зрения историков, занимающихся XIV в. В московском Новоспасском монастыре на сводах паперти соборной церкви Преображения Господня до сих пор сохранилось написанное в XVII в. масляными красками "Родословное древо российских государей". Оно начинается с первых русских князей и заканчивается сыновьями Ивана IV - Федором и царевичем Дмитрием. Родословие представлено в виде дерева (а в средневековье именно так изображались генеалогические таблицы), которое своими ветвями покрывает свод. Среди ветвей находятся круги, в которых изображены великие и удельные князья и цари. Все портреты написаны одним стилем и лица различаются более возрастом, чем индивидуальными чертами. Изображенные здесь персонажи были взяты, очевидно, из монастырского синодика. По склонам свода, с правой стороны, среди прочих, изображены: Иоанн Дмитровский, Феодор Каргопольский, Василий Михайлович, Петр Дмитриевич.¹²⁶

Указанные лица были связаны тесными узами родства и свойства с московскими великими князьями. Петр Дмитриевич - это один из сыновей Дмитрия Донского, сидевший на уделе в Дмитрове. Василий Михайлович - кашинский князь, внук Семена Гордого от его дочери Василисы, вышедшей замуж за кашинского князя Михаила. О князе Феодоре Каргопольском мы будем подробно говорить в следующей главе нашего исследования. Что же касается Иоанна Дмитровского, то им мог быть только князь Иван Федорович Галичский, на дочери которого женился князь Андрей, младший сын

сложной.

¹²⁶ И.С. [Снегирев И.М.] Родословное древо государей российских, изображенное на своде паперти соборной церкви Новоспасского ставропигиального монастыря. М., 1837. С. 434 - 435. (отд. отт. Из Журнала Министерства внутренних дел).

Калиты.

Очевидно, именно перемещением князя Ивана Федоровича на стол в Дмитрове попытался воспользоваться в начале 60-х годов XIV в. князь Дмитрий Борисович из "дмитровской" ветви рода, когда постарался получить ярлык на Галич. Но попытка его оказалась безуспешной. (Подробнее о князьях из "дмитровской" ветви рода мы будем говорить ниже, в разделе о Дмитрове).

У местных галичских князей если и остались владения на территории Галича, то, очевидно, лишь в форме отдельных сел. Вместе с "великокняжеской" половиной Галича князю Андрею Ивановичу досталась и роль старшего князя внутри Галича и поэтому неудивительно, что в грамоте 1372 г. он упоминается как "великий князь" применительно к территории Галичского княжества.

После смерти князя Андрея Ивановича Серпуховского в 1353 г. у него остался сын Владимир Андреевич, родившийся на сороковой день после кончины отца.¹²⁷ Понятно, что звание "великого галичского князя" перешло к его дяде - великому князю владимирскому Ивану Ивановичу Красному. Очевидно, именно этот факт и имел в виду переписчик Галицкого Евангелия, когда записал, что книга была составлена в 1357 г. "въ граде в Галиче при княженьи великого князя Ивана Ивановича".

Совместное владение московского и серпуховского князей в Галиче продолжалось до начала 1389 г. К этому времени относится запись московского летописца о том, что "розмирье бысть великому князю Дмитрею Ивановичю со князем Володимером Андреевичемъ, и поимани быша бояре стареишии княжи Володимеровы и розведени вси разнo по городомъ и седеша вси в нятии у приставовъ".¹²⁸ В характерной для себя манере летописец ничего не говорит об истоках вражды между прежде верными союзниками, которые вместе пролили немало крови на Куликовом поле и в других походах. Конфликт между двоюродными братьями продолжался до 25 марта 1389 г., когда "на Благовещенье князь великийи Дмитрей Иванович взя миръ и прощение и любовь съ княземъ Володимеромъ Андреевичемъ".¹²⁹ Сохранилась составленная по этому поводу договорная грамота между Дмитрием Донским и князем Владимиром Андреевичем. Но из ее текста также совершенно неясно, чем было вызвано это розмирье.¹³⁰

Между тем, причина столь острой вражды выясняется при знакомстве с описью Посольского приказа 1626 г., в которой содержи-

¹²⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 179.

¹²⁸ Там же. С. 214.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ ДДГ. № 11.

тся краткая характеристика данной грамоты: "Грамота dokonчальная великого князя Дмитрея Ивановича з братом ево, со князем Володимером Одреевичем, писана на листу, у ней были 3 печати, испорчены, при Пимине митрополите всеа Руси, а в котором году, того не написано, ветха, истлела вся, исклеена харатьею, а на харатье подписано: со князем Володимером dokonчальная *тое зимы, коли князь великий отнел за себя Галичь до Дмитров от брата*".¹³¹

Отсюда становится понятным, что вражда разгорелась из-за того, что Дмитрий Донской, видимо, предчувствуя близкую кончину и не имея достаточно земель для наделения своих сыновей, не нашел лучшего, чем отнять у своего двоюродного брата Дмитров и "половину" Галича. Действовал московский князь быстро и решительно и серпуховскому князю не оставалось ничего иного, как хотя бы внешне примириться со своим двоюродным братом. Но примирение это было чистой формальностью: Владимир Андреевич так и не смог согласиться с тем, что у него без всякой компенсации были изъяты достаточно значительные владения.

Между тем, дальнейшие события разворачивались достаточно бурно: 19 мая 1389 г. скончался Дмитрий Донской,¹³² 15 августа во Владимире торжественно вокняжился его сын Василий Дмитриевич. Сразу же после известия об этом событии летописец записал: "Того же лета князю великому Василью бысть розмирье съ князем Володимеромъ Андреевичемъ, и поиде князь Володимеръ съ сыномъ своимъ княземъ Иваномъ и с бояры старейшими въ свои град Серпоховъ и оттуду в Торжекъ, и тамо пребысть неколико время в Теребеньском, донде же умиришася".¹³³ Как видим, по сравнению с началом года князь Владимир Андреевич действовал более основательно и его двоюродному племяннику великому князю Василию I не оставалось ничего иного, как в самом начале следующего 1390 г. согласиться на компромисс: "по крещении смирися князь великий Василей съ князем Володимеромъ Андреевичемъ". Но цена этого соглашения была довольно высокой. Владимир Андреевич соглашался примириться с потерей своих галичских и дмитровских владений только на условиях равнозначной замены. Поэтому Василий I был вынужден уступить: "и дасть ему къ его отчине Волокъ да Ржеву".¹³⁴ Галич же, согласно завещанию

¹³¹ ДДГ. С. 461; Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. I. М., 1977. С. 35; Опись архива Посольского приказа 1673 г. Ч. I. М., 1990. С. 40 - 41.

Выделено нами.

¹³² ПСРЛ. Т. XXV. С. 217.

¹³³ Там же. С. 218.

¹³⁴ Там же. С. 218. См. также: ДДГ. № 13.

Дмитрия Донского, оставался в руках второго сына Дмитрия Юрия.

Вопрос о Дмитрове

Поскольку галичские князья конца XIII - XIV в. одновременно занимали и княжеский стол в подмосковном Дмитрове, а последний галичский князь Дмитрий Борисович, предпринявший в начале 60-х годов XIV в. попытку захватить Галич, принадлежал к "дмитровской" ветви рода, становится ясным, что историю присоединения Галича к Москве необходимо рассматривать в самой тесной связи с аналогичным процессом вхождения Дмитрова в состав Московского княжества.

В литературе, между тем, имеются различные точки зрения по поводу того, когда и, самое главное, каким образом, Дмитров стал московским владением.

Относительно присоединения Дмитрова к Москве С.М. Соловьев лишь отметил, что "летописи не говорят, каким образом был примышлен Дмитров; мы знаем только, что этот город вместе с Галичем находился во владении потомков Константина Ярославича Галич был куплен Калитой, но князь его окончательно изгнан из своей волости Димитрием Донским; вероятно, в то же время приобретен был и Дмитров".¹³⁵

Автор "Исторического очерка города Дмитрова" также полагал, что город достался Дмитрию Донскому от последнего удельного князя Дмитрия, которого московский великий князь "согнал с удела" в начале 60-х годов XIV в. Правда, он не исключал возможности и того, что Дмитров вместе с Галичем был куплен еще Иваном Калитой у кого-то из наследников князя Константина Ярославича.¹³⁶ И.Ф. Токмаков считал, что эта покупка, если и имела место, то только в 1360-х годах при Дмитрии Донском, который, впрочем, мог завладеть этим городом и другим способом.¹³⁷ А.В. Экземплярский затруднялся в решении этого вопроса. Он лишь указал на тесную связь Дмитрова с Галичем и полагал, что разрешить эту проблему можно лишь после выяснения другого вопроса - о так называемых "отъездных" волостях, к числу которых можно было бы отнести и Дмитров, "тянувший" к Галичу.¹³⁸

¹³⁵ Соловьев С.М. Ук. соч. Кн. II (тт. 3-4). С. 448.

¹³⁶ Исторический очерк города Дмитрова в связи с историею его соборного храма и монастырей его области до XVIII столетия (Отт.: Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1878. № 4.) С. 4.

¹³⁷ Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание города Дмитрова (Московской губернии) с уездом и святынями. Ч. I. М., 1893. С. 6.

¹³⁸ Экземплярский А.В. Ук. соч. Т. II. С. 338 - 339.

А.Е. Пресняков отметил, что "судьбы Дмитрова тесно связаны с историей Галича, но слабо отразились в наших источниках; летописные своды дают о Дмитрове лишь случайные упоминания". По мнению ученого, говорить о самостоятельном Дмитровском княжестве в первой половине XIV в. не приходится: "по-видимому, Дмитров только однажды имел особого князя Бориса Давыдовича, который в Никоновской летописи назван в известии о его кончине под 1334 г. князем дмитровским, в отличие от его галицкого брата Федора, умершего в 1335 г.¹³⁹ Если это и так, то все-таки у нас нет оснований представлять себе Дмитров стольным городом особого княжества; такое значение за ним не закрепилось и он остается галицкой волостью". В подтверждение этой связи он приводит докончание 1372 г. Дмитрия Донского и князя Владимира Андреевича Серпуховского, указывающее на тесную связь Дмитрова с Галичем,¹⁴⁰ и то, что даже в XV в. сын Дмитрия Донского князь Юрий Дмитриевич, владевший Галичем, сохранял притязания на Дмитров. Что же касается времени присоединения Дмитрова к Москве, то А.Е. Пресняков полагал, что "в московские руки он должен был попасть после того, как Дмитрий Донской согнал с Галича последнего галицкого князя".¹⁴¹

М.Н. Тихомиров полагал, что вхождение этого города в состав Московского княжества произошло ранее эпохи Дмитрия Донского. Он отметил, что вблизи Дмитрова на р. Яхроме стояло не сохранившееся до наших дней село Гавшино. Его название он сближал с Гавшиным двором в Москве, упоминаемым в ряде летописных сводов под 1368 г.¹⁴² Кремлевский Гавшин двор был назван так по уменьшительному имени своего владельца, Гавриила Андреевича, сына московского боярина Андрея Ивановича Кобылы. Наличие села московского боярина в Дмитрове уже в 60-е годы XIV в. может свидетельствовать о принадлежности города в этот период московским князьям. Таким образом Дмитров, вероятно, стал московским владением уже в предшествующее время.

Но период этот крайне скуден источниками. В своей работе, посвященной истории Дмитрова, М.Н. Тихомиров с глубочайшим сожалением писал, что "первая половина XIV в. - самое глухое время в истории Дмитрова". По его мнению, "географическое положение Дмитрова ставило его в центре трех соперничавших княжеств -

¹³⁹ ПСРЛ. Т. X. СПб., 1885. С. 206 - 207.

¹⁴⁰ ДДГ. № 7. С. 23.

¹⁴¹ Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 388. Прим. 56.

¹⁴² ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 107; Села и деревни Дмитровского края в XV - XVI вв. // Тихомиров М.Н. Российское государство. С. 227.

Переславля, Твери и Москвы, и кругом него разворачивается ряд событий". Далее, анализируя летописные упоминания города в последней четверти XIII - самом начале XIV в., он приходит к осторожному выводу, что Дмитров, будучи тесно связанным с Переславлем, мог отойти московским князьям вместе с последним в самом начале XIV в., хотя и признавал, что "летопись мимоходом упоминает об одном дмитровском князе, умершем в Орде в середине XIV в."¹⁴³

Вопрос о времени присоединения Дмитрова к Москве затронул и А.Н. Насонов. Поскольку этот город самым тесным образом был связан с Галичем, являвшимся "куплей" Калиты, ряд историков, как мы видели выше, не исключал того, что им же был "куплен" и Дмитров. Но ученый отверг саму эту возможность, указав, что Дмитров не назван в числе "куплей деда", хотя и упомянут в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского.¹⁴⁴ Отверг он и датировку присоединения города к Москве временем до эпохи Дмитрия Донского. Указав на неясность причин гибели дмитровского князя в Орде в 1334 г.: "не известно, чем была вызвана смерть дмитровского князя Бориса. «Выиде князь великий Иванъ [Калита] из Орды, - читаем в Рогожском летописце под 1334 г., - а князь Борисъ Дмитровский въ Орде мертвъ»,¹⁴⁵ он все же считал, что город "не остался без князя после 1334 г. (и, во всяком случае, к московскому князю не перешел); там, можно думать, был посажен выехавший из Литвы князь Иван Друцкий (в 1339 г. он ходил вместе с татарами и войсками других князей Северо-востока на Смоленск); в духовной грамоте Семена Ивановича, по крайней мере, мы читаем, что Семен купил «село въ Дмитрове... оу Ивана у Дрюцьского»".¹⁴⁶

Свою точку зрения на эту проблему высказал В.А. Кучкин. Он обратил внимание на летописную статью 1368 г., которая, повествуя о первом походе литовского великого князя Ольгерда на Москву, наряду с московской и коломенской упоминает и дмитровскую рать. Все они были в распоряжении Дмитрия Донского,¹⁴⁷ а следовательно к 1368 г. Дмитров был уже в руках Москвы. Этот вывод подтверждается и тем, что в 1372 г. враждовавший с Дмитрием Донским тверской князь Михаил Александрович взял штурмом и сжег Дмитров.¹⁴⁸ В то же время, в духовной грамоте великого князя

¹⁴³ Город Дмитров от основания города до половины XIX в. // *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV - XVII вв. М., 1973. С. 174 - 175.

¹⁴⁴ ДДГ. № 12. С. 34.

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 47.

¹⁴⁶ ДДГ. № 3. С. 14; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 106.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 89.

¹⁴⁸ Там же. Стб. 99.

Ивана Ивановича Красного 1359 г. Дмитров еще не упоминается в составе московских владений.¹⁴⁹ Отсюда В.А. Кучкин делает вывод, что присоединение Дмитрова к Москве произошло между 1359 и 1368 гг. Именно на этот промежуток падает известная нам попытка поселения дмитровского князя в Галиче в 1360 г. Она оказалась неудачной. Князь Дмитрий Борисович из "дмитровской" ветви галичских князей был выгнан москвичами, его супруга взята победителями, а сам он отъехал в Нижний Новгород к князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому, "скорбяще о княженияхъ своихъ", по выражению летописца.¹⁵⁰ Таким образом, датой присоединения Дмитрова к Москве, по В.А. Кучкину, оказывается 1360 г.: "Очевидно, что московский великий князь, за которого по причине его малолетства действовали его бояре, лишившись в первой половине 1360 г. владимирского стола и оказавшись обладателем весьма скромных по размерам территорий в собственно Московском княжестве, компенсировал это захватом соседнего с Москвой небольшого Дмитровского княжества. Захват совершился, видимо, без особых потрясений. Дмитровские князья были слабы, а в самом Дмитровском княжестве уже ряд лет существовали владения князей московского дома и распространялось их влияние".¹⁵¹

Однако, несмотря на внешнюю логичность и кажущуюся проработанность аргументов, в гипотезе В.А. Кучкина о присоединении Дмитрова к Московскому княжеству в 1360 г. есть определенные изъяны. Московские владения в Дмитрове существовали уже до этой даты, о чем недвусмысленно говорит завещание 1353 г. Семена Гордого.¹⁵² Если же вспомнить, что одним из постоянно повторяющихся условий междукняжеских соглашений на протяжении всего XIV в. являлся запрет князьям и их боярам приобретать села в чужих уделах¹⁵³ и требование "блюсти" их территориальную целостность, становится понятным, что объяснить наличие в Дмитрове сел, как самого московского князя, так и его бояр, "слабостью" дмитровских князей, становится просто невозможным. Не выяснил В.А. Кучкин и другого обстоятельства, почему в 1372 г. Дмитров оказывается не в собственности Дмитрия Донского, как можно было бы предположить, а в руках его двоюродного брата князя Владимира Андреевича Серпуховского.

Как видим, исследователи не пришли к единому взгляду на время и способ присоединения Дмитрова к Москве. Это нашло

¹⁴⁹ ДДГ. № 4.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 2 (под 1363 г.)

¹⁵¹ Кучкин В.А. Формирование. С. 246 - 247.

¹⁵² ДДГ. № 3. С. 14.

¹⁵³ Там же. № 2. С. 12; № 5. С. 20; № 7. С. 24, № 11. С. 32 и др.

свое отражение и в краеведческой литературе. Так, И.В. Кишкин в сборнике хронологических известий о Дмитрове под 1302 г. сообщает, что "по завещанию князя переяславского и дмитровского Ивана Дмитриевича княжество, а вместе с ним и Дмитров отошли к Москве", а на следующей странице, под 1363 г. пишет, что "великий князь Дмитрий Иванович (Донской) купил Дмитров и присоединил его к Москве".¹⁵⁴

Пытаясь выяснить действительное время присоединения Дмитрова к Москве, мы должны обратиться к интересному наблюдению В.А. Кучкина о записи писца, содержащейся на Псковском паремейнике 1313 г.: "...кончаны быша книги си месяца мая въ 17 день... при архиепископе Давыде Новгородскомъ, при великомъ князи Михаиле, при князи Борисоу при Пльсковскомъ, том же лете въшел въ Пльсков..."¹⁵⁵ Он установил, что речь здесь идет о князе Борисе Давыдовиче из "дмитровской" ветви рода, который в 1313 г. сидел в качестве наместника великого князя Михаила Ярославича Тверского. Это говорит о том, что уже в начале XIV в. представители дмитровской ветви рода, в лице князя Бориса Давыдовича, находились на положении "слуг" у тверских великих князей.¹⁵⁶ Если это так, то мы можем утверждать, что в начале XIV в. Дмитров являлся тверским владением.

Наше предположение подтверждает тверской летописец. Под 1317 г. он сообщает о приходе на Русь московского князя Юрия Даниловича, вернувшегося из Орды с ярлыком на великое княжение от хана Узбека и татарским послом Кавгадыем. Михаил Тверской, еще не зная о планах Юрия и полномочиях Кавгадыя, собрал союзных ему князей и выступил навстречу Юрию к Костроме. Здесь князья расположились на противоположных берегах Волги и начали переговоры, в которых активное участие принял и татарский посол.

¹⁵⁴ Кишкин И.В. Дмитровский хронограф. М., 1992. С. 7, 8.

¹⁵⁵ Столярова Л.В. Свод записей. № 196. С. 209 - 213.

¹⁵⁶ Кучкин В.А. Из истории генеалогических и политических связей. С. 380 - 381; Он же. Формирование. С. 243 - 244. Правда, при этом, исходя из своей ошибочной концепции постепенного "расширения территории Владимирского великого княжения", он делает довольно странный вывод о том, что дмитровские князья являлись служилыми князьями не персонально великого князя Михаила Ярославича Тверского, занимавшего великокняжеский стол до 1318 г., а некоего абстрактного "великого князя Владимирского" (независимо от того, кто конкретно сидел на столе во Владимире - тверской, московский или суздальский князь). Это противоречит всему характеру феодальной службы, основанной прежде всего на личных связях вассала и сюзерена.

Тем не менее, дипломатические усилия сторон не увенчались успехом. Спустя некоторое время Михаил прекратил споры и ушел обратно в Тверь, где начал готовиться к войне, спешно начав постройку новых городских укреплений. Юрий, между тем, еще несколько недель стоял под Костромой, вербуя новых сторонников и собирая силы для предстоящей схватки.

Лишь осенью 1317 г. он двинулся из Костромы на Тверь. Летописец дает описание его маршрута. Путь Юрия лежал "с Костромы к Ростову, а от Ростова к Переславлю и много зла творя христианомъ. А из Переславля в Дмитров, а из Дмитрова в Клинь".¹⁵⁷ Вместе с Юрием двигались и татары Кавгадыя. Там где проходили ордынские "послы" обычно оставались пепелища. Не было исключением и данный поход, о чем говорит ремарка летописца о "многом зле христианомъ". Понятно, что в данных условиях Юрий старался вести свое войско по территории противника. Одним из первых городов на пути татар и московской рати стал Переславль.

Комментируя известие летописца о маршруте Юрия, В.А. Кучкин выяснил, что Переславль-Залесский в это время управлялся Михаилом Тверским,¹⁵⁸ что же касается Клина, то он был тверским владением. Путь московской рати, таким образом, лежал по землям, принадлежавшим тверским князьям. Очевидно, тверским был и Дмитров, поскольку его жители также испытали "много зла". Такого, естественно, не произошло бы, будь Дмитров владением не тверского, а другого самостоятельного князя.¹⁵⁹

Следующее известие, связанное с Дмитривом, относится к 1334 г. Под этой датой Рогожский летописец, в целом относящийся не слишком доброжелательно к Москве, поместил весьма краткое, но многозначительное известие о смерти дмитровского князя Бориса, позволяющее думать, что его кончина наступила не без "помощи" со стороны Ивана Калиты: "Выиде князь великий Иванъ (Калита. - К.А.) из Орды, а князь Борисъ Дмитровский въ Орде мертвъ".¹⁶⁰ А.Н. Насонову были непонятны причины гибели дмитровского князя в Орде.¹⁶¹ Они проясняются, если знать, что он сначала служил князю Михаилу Ярославичу Тверскому, а затем его сыну Александру. Находившийся в изгнании в Пскове после тверского вос-

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 409 - 410; Т. XV, Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 37; *Насонов А.Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 34.

¹⁵⁸ *Кучкин В.А.* Формирование. С. 136.

¹⁵⁹ О маршруте Юрия см.: *Борисов Н.С.* Политика московских князей. Конец XIII - первая половина XIV в. М., 1999. С. 154 - 156.

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 47.

¹⁶¹ *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 106.

стания 1327 г. и последовавшего затем разгрома Твери татарами с помощью Москвы, Александр Михайлович всячески пытался противодействовать Ивану Калите, в том числе и при ханской ставке. Очевидно, таким его агентом в Орде и являлся дмитровский князь. Это не могло не вызвать неудовольствия Калиты и в итоге Борис Давыдович Дмитровский поплатился жизнью за слишком тесные связи со своим сюзереном.

Из того факта, что духовная грамота 1353 г. Семена Гордого упоминает принадлежащее московскому князю "село в Дмитрове", можно полагать, что к этой дате Дмитров уже стал собственностью Москвы.¹⁶² Это, очевидно, произошло в промежуток между 1334 и 1353 гг. Каким же образом это произошло?

Как уже говорилось выше, летописи молчат о присоединении Дмитрова к Москве. Это можно объяснить тем, что город вошел в состав московских владений мирным путем, а не в результате военных действий.

Вместе с тем, как отмечал В.А. Кучкин, Дмитров не упоминается в завещаниях московских великих князей Семена Гордого и Ивана Красного. Подобную кажущуюся "несостыковку" источников можно объяснить очень просто - так же, как Мещера и Галич, Дмитров достался московским князьям в качестве приданого.

Действительно, под 1347 г. летописи помещают известие о женьбе московского великого князя Семена Гордого на дочери тверского князя Александра Михайловича Марии: "тое же весны оженися князь великий Семень Ивановичъ, приведоша ему со Тфери княжу дчерь Александрову Михаиловича Марию, а ездил по нее Андреи Кобыла да Алексей Босоволковъ".¹⁶³ Очевидно, тверские князья отдали за ней в качестве приданого Дмитров. Поскольку он являлся личной собственностью Марии, в случае возможного развода с московским князем (а перед этим браком Семен Гордый

¹⁶² ДДГ. № 3. С. 12. Это село было куплено Семеном Гордым у князя Ивана Друцкого. На основании этого факта А.Н. Насонов полагал, что этот князь стал владельцем Дмитрова после гибели князя Бориса в Орде. (Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 106). Князь Иван Друцкий происходил из мелкого одноименного княжества в Полоцкой земле. В русских летописях он упоминается всего лишь один раз, когда участвовал в походе на Смоленск зимой 1339/40 гг. многих русских князей, возглавляемых послом хана Узбека Товлубием и Иваном Калитой. (Подробнее о Друцких князьях XIV в. см.: Горский А.А. Русские земли в XIII - XIV вв. Пути политического развития. М., 1996. С. 54.) Однако, утверждать, что он стал владельцем Дмитрова, на одном лишь этом известии было бы неосмотрительно.

¹⁶³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 57.

уже дважды разводился), Дмитров оставался бы в ее владении. Тем самым становится понятным, почему он не назван в духовных грамотах как Семена Гордого, так и его брата Ивана Красного.

В своем завещании Семен Гордый выделял своей жене, помимо ее собственных владений, доставшихся ей в качестве приданого, еще целый ряд волостей и сел, лежавших на территории Московского княжения.¹⁶⁴ Духовная грамота Ивана Красного 1358 г. дает их перечень и предусматривает, что московские волости и села, находившиеся в руках Марьи, принадлежат ей пожизненно - "до ее живота...", а по ее животе те волости и села сыну моему, князю Дмитрию".¹⁶⁵ Вдова Семена Гордого Марья скончалась в 1399 г.,¹⁶⁶ но уже задолго до ее кончины принадлежавшие ей волости перешли к Дмитрию Донскому (они упоминаются в его завещании 1389 г.)¹⁶⁷ Объясняется это тем, что Марья задолго до своей смерти постриглась в монахини под именем Фетиньи и вследствие этого должна была отказаться от принадлежавшей ей недвижимости. Несомненно, что помимо выделенных ей мужем московских волостей она вынуждена была отказаться и от принадлежавшего ей в качестве приданого Дмитрова. Он достался князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому, поскольку в своем завещании Семен Гордый «приказывал» свою жену "своеи братье, князю Ивану и князю Андрею".¹⁶⁸ То, что раздел владений Марьи был произведен между их сыновьями: Дмитрием Донским и князем Владимиром Андреевичем Серпуховским, свидетельствует то, что в духовной грамоте князя Владимира Серпуховского начала XV в. упоминается "княгини великие Марьянь дворъ".¹⁶⁹

Подобный раздел, конечно же, нарушал тогдашние правила. Выше мы говорили о том, что по обычаю, если брак был бездетным, то за смертью (или пострижением) жены ее приданое должно было переходить не родственникам мужа, а возвращаться в род жены. Правда, в данном случае москвичи могли оспорить это правило - у Марьи и Семена Гордого все же были общие дети, которые, однако, скончались еще при жизни Марьи во время эпидемии чумы 1353 г. И в этом не было вины супруги московского великого князя. Но, вероятно, тверские князья настаивали на безусловном возвращении Дмитрова в их род. При этом претензии на этот город выдвигали и представители "дмитровской" ветви галичских князей.

¹⁶⁴ ДДГ. № 3. С. 13 - 14.

¹⁶⁵ Там же. № 4. С. 15, 17.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 228.

¹⁶⁷ ДДГ. № 12.

¹⁶⁸ Там же. № 3. С. 13.

¹⁶⁹ Там же. № 17. С. 50.

Но ближайшими сородичами дмитровских князей являлись князья галичские, как было показано выше, уже со времен Калиты находившиеся на положении "вольных слуг" при московском дворе. Очевидно, именно претензиями дмитровских князей на свой бывший стольный город и объясняется то, что князь Владимир Андреевич Серпуховской был вынужден посадить в Дмитрове на правах "слуги" своего деда князя Ивана Федоровича Галичского, имевшего по родовому счету не меньше прав на Дмитров, чем тверские князья. Именно его портрет с надписью "Иоанн Дмитровский" изображен в написанном в XVII в. и сохранившемся до сих пор "Родословном древе российских государей", находящемся на сводах паперти соборной церкви Преображения Господня в московском Новоспасском монастыре.

Тем не менее, прежние владельцы Дмитрова пытались и позднее оспорить право владения этим городом у московских князей. В начале 60-х годов XIV в. воспользоваться малолетством Дмитрия Донского и Владимира Андреевича Серпуховского постарался было сын погибшего в Орде в 1334 г. дмитровского князя Дмитрий Борисович. Но поскольку к этому времени Дмитров в результате обмена владениями оказался у его сородича князя Ивана Федоровича Галичского, Дмитрию Борисовичу не оставалось ничего иного, как предъявить претензии на Галич. Однако попытка захвата Галича у него не удалась и он был выгнан оттуда в 1363 г. московской ратью.¹⁷⁰

Следующую попытку оспорить у Москвы владение Дмитровом предприняли тверские князья, не смилившиеся с тем, что москвичи так и не вернули обратно Дмитров, отданный ими в приданое за супругой Семена Гордого. Видимо, вскоре после кончины князя Ивана Федоровича Галичского (в московско-серпуховском окончании 1372 г. о нем говорится как уже об умершем), представители Твери вновь потребовали возврата спорного города. Именно в этом контексте следует рассматривать попытку тверского князя Михаила Александровича в 1372 г. захватить этот город. Однако, она не удалась и в отместку тверской князь сжег Дмитров.¹⁷¹

За серпуховскими князьями Дмитров оставался вплоть до начала 1389 г.¹⁷² Вслед за этим он был отнят Дмитрием Донским у князя Владимира Андреевича Серпуховского и по завещанию Дмитрия 1389 г. был отдан его сыну Петру.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 2.

¹⁷¹ Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 99.

¹⁷² 18 января 1389 г. датируется известие летописца "родися князю Володимеру сынъ Ярославъ въ Дмитрове, а въ крещеньи бысть имя его Афонасеи" (ПСРЛ. Т. XXV. С. 214).

Глава III. Белоозеро

Вопрос о времени приобретения Белоозера московскими князьями

Судя по завещанию 1389 г. Дмитрий Донской своему сыну Андрею отдавал Белоозеро: "А сына своего, князя Андрея, благословляю куплю же деда своего, Бельмозеромъ, со всеми волостми, и Вольским съ Шаготью, и Милолюбьскии езъ, и съ слободками, что были дети мои".¹

Каким образом Белоозеро стало московским владением? Очевидно, это произошло в результате сделки с одним из местных белозерских князей. Но с кем именно?

Определенную пищу для размышлений ученым дало родословие белозерских вотчинников Монастыревых, на которое впервые обратил внимание С.Б. Веселовский, занимавшийся историей землевладения служилого сословия XIV - XVI вв. В нем сообщалось, что родоначальник Монастыревых Александр Монастырь, живший в XIV в., происходил из смоленских князей, а владения на Белоозере получил от своей бабки Настасьи, которая, в свою очередь, купила их для него у своей сестры Федоры, бывшей замужем за князем Федором Белозерским. Последняя являлась сестрой великого князя Семена Гордого.²

Позднее родословное предание Монастыревых подробно было проанализировано А.И. Копаневым. Он выяснил, что супруга князя Федора Романовича Белозерского Феодора (или Феодосия, очевидно, это имя было изменено после пострижения) являлась дочерью московского великого князя Ивана Калиты. Она же упоминается и в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского: "А что ми дала княгини Федосья Суду на Белеозере, да Колашну, и Слободку, и что благословила княгиню мою Городком до Волочкомъ, та места ведает княгиня Федосья до своего живота, а по ее животе то княгини моей".³ Упоминание в завещании московского князя дочери Ивана Калиты, в сочетании с указанием той же духовной грамоты, что Бе-

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М.; Л., 1950. № 12. С. 34. (Далее: ДДГ).

² О землевладении Монастыревых в Белозерском уезде см.: *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.; Л., 1947. С. 178 - 187; Их родословное предание опубликовано: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 526 - 527.

³ ДДГ. № 12. С. 35.

лоозеро являлось "куплей" Ивана Калиты, заставило ученого предположить, что приобретение Москвой владений на Белоозере было самым тесным образом связано с браком белозерского князя на дочери Калиты. По мнению А.И. Копанева, брак Феодосии с князем Федором Романовичем фактически означал подчинение слабого Белозерского княжества Москве.

Пытаясь выяснить время заключения этого брака, А.И. Копанев обратил внимание на события 1339 г., когда Калите удалось с помощью Орды разбить враждебную ему коалицию князей, среди которых упоминался и "Романчук Белозерский", как называет его летописец. По мысли исследователя, одержав победу, Калита попытался закрепить ее. Данной цели, как нельзя лучше соответствовало заключение брачного союза дочери великого князя с молодым княжичем еще недавно враждебного Калите княжества. Разумеется, историк осознавал, что предложенный им в качестве возможной даты заключения этого брачного союза 1339 г. является лишь предположением. Но о том, что данный брак был заключен еще при жизни Калиты (а умер московский князь в 1340 г.), говорило родословное предание Аничковых. Согласно ему, их родоначальник царевич Большой Орды Берка выехал на Русь при Калите. Крестившись с именем Аникия, он получил на новой родине многочисленные владения: "и государь князь велики Иванъ Данилович Калита даша ему вотчинъ и поместей множество и пожалова ево Белымъ озеромъ подъ Микулою Воронцовымъ и сверхъ ему Микулы пожаловалъ гостиную пошлину".⁴ Таким образом, видим, что Калита действительно распоряжался землями на Белоозере. Очевидно, этот "реальный успех московской политики" и был назван полвека спустя "куплей" Ивана Калиты, - заключает свои рассуждения ученый.⁵

Однако, в своих построениях А.И. Копанев не учел одной детали - Феодосия, действительно, являлась дочерью Ивана Калиты, но только от его второго брака с Ульяной.⁶ Он был заключен в последние годы его жизни, и, следовательно, на момент смерти отца она была слишком молода для замужества. Отсюда вытекает то, что брак Федора Романовича Белозерского с дочерью Калиты сле-

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Вып. 1. СПб., 1904. С. 301 (Далее: ПСРЛ).

⁵ Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV - XVI вв. М.; Л., 1951. С. 25 - 38.

⁶ То, что Феодосия являлась дочерью Калиты от его второго брака с Ульяной, выяснил еще С.М. Соловьев на основании анализа духовной грамоты Ивана Красного (ДДГ. № 4. С. 16, 19; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. II (Кн. 3-4). М., 1988. С. 449).

дует датировать временем уже после кончины московского князя, и, таким образом, он не имеет ничего общего с "куплей" Калитой Белозерского княжества.

В.Л. Янин, определяя возможное время "купли" Белоозера московскими князьями, предположил, что эта сделка могла быть совершена только у Романа Михайловича Белозерского, родившегося до 1293 г. (его отец умер в указанном году), и упоминаемого летописью в 1339 г. Брат Романа - Федор Михайлович - в последний раз упомянут летописью под 1314 г., т.е. задолго до вокняжения в Москве Ивана Калиты. Вместе с тем, отметил В.Л. Янин, данной сделкой суверенные права белозерских князей не были ликвидированы.⁷ Если мы проанализируем последующие летописные свидетельства о Белоозере XIV в., то увидим, что в промежуток между 1339 г. и вплоть до конца 70-х годов XIV в. Белозерское княжество оставалось независимым или почти независимым. Под 1363 г. летописец сообщает о попытке князя Дмитрия Константиновича Суздальского вторично сесть на великокняжеский стол во Владимире. Суздальскому князю удалось просидеть на нем всего лишь несколько дней, пока он не был согнан с него московской ратью Дмитрия Донского. Для нас в этом известии интересно то, что вместе с князем Дмитрием Константиновичем был "князь Иван Белозерец, пришел бо бе из Муратовы Орды с триьцатию татарин^ов".⁸ Наконец, в 1375 г. сын Романа Михайловича князь Федор Белозерский во главе своего войска участвует в походе русских князей под руководством Дмитрия Донского на Тверь.⁹ А еще через пять лет Федор Белозерский вместе с сыном Иваном вновь "сел в стремя" по призыву Дмитрия. В битве на Куликовом поле оба белозерских князя погибли.¹⁰

Таким образом выяснилось, что несмотря на то, что, по данным духовной грамоты 1389 г. Дмитрия Донского, его дед Иван Калита "купил" Белоозеро, вплоть до конца 1370-х годов оно оставалось фактически самостоятельным. Данное противоречие попытался разрешить В.А. Кучкин. По его мнению, под "куплей" Белоозера следует понимать получение Калитой ханского ярлыка на Белозерское княжение. На его взгляд, ярлык мог быть получен московским князем между 1328 и 1339 гг.¹¹ Но здесь обнаружились новые труд-

⁷ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 224; Он же. Новгород и Литва. С. 97.

⁸ ПСРЛ. Т. XI. С. 2.

⁹ Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 111.

¹⁰ Там же. Стб. 140.

¹¹ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X - XIV вв. М., 1984. С. 304.

ности. Под 1339 г. князь Роман Белозерский упоминается как суверенный князь, более того - ведущий самостоятельную политику в отношении Орды,¹² и поэтому говорить о том, что на его княжение Иваном Калитой был куплен ханский ярлык, было бы весьма неосмотрительно. Приведенные выше показания летописей заставили В.А. Кучкина сделать оговорку, что распространение власти Ивана Калиты на Белозерское княжение носило временный характер. По его мнению, "в 1337 или 1338 гг., когда хан Узбек простил возглавившего в 1327 г. восстание против ордынского засилья тверского князя Александра Михайловича и передал ему Тверское княжество, что явно шло вразрез с политическими планами Ивана Калиты, монголо-татары и Белозерское княжество вернули старому вотчичу - князю Роману Михайловичу. Во всяком случае, судя по прозвищу этого князя и его самостоятельным сношениям с Ордой, к 1339 г. Белоозером правил уже он". На взгляд историка, Белозерское княжество оставалось самостоятельным до 1380 г., когда "пресечение старшей линии белозерских князей, родственные связи Федора Романовича с московским великокняжеским домом... способствовали переходу Белоозера в руки великого князя Дмитрия Ивановича Московского".¹³

Но признать верным это довольно искусственное объяснение В.А. Кучкина все же нельзя. Виной тому - очередная маленькая "неувязка". Мы еще можем согласиться с тем, что после того, как на Куликовом поле погибли князь Федор Романович и его сын Иван, их удел, оставшийся без наследников, мог перейти к вдове Федора Романовича, а уже от нее, по женской линии наследования, к ближайшему ее родственнику Дмитрию Донскому. Однако, московские князья владели частью Белоозера задолго до гибели своих собственников в 1380 г.

Под 1378 г., еще до пресечения этой ветви белозерских князей на Куликовом поле, летописец сообщает, что на озеро Лаче был сослан некий поп, действовавший в интересах сына последнего московского тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова и захваченный перед сражением с татарами на р. Воже.¹⁴ Заточать своих политических противников на Руси всегда было принято в своих собственных владениях, причем, как правило, не на вновь присоединенных, а на более старых. Отсюда вытекает вполне естествен-

¹² Об этом свидетельствует его поездка в Орду (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 52). См. также сводку летописных известий о Белоозере этого времени: Русские летописи о белозерских князьях и крае (до XV в.) // Белозерье. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 47 - 73.

¹³ Кучкин В.А. Формирование. С. 305 - 306.

¹⁴ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 135 - 136.

ный вывод, что Белоозеро к 1378 г. уже являлось достаточно старым владением московских князей и несомненно было присоединено к Москве не при Дмитрии Донском, а значительно раньше.

Родословие белозерских князей

Чтобы разобраться в вопросе о времени и способах приобретения Белоозера Москвой, а, самое главное, у кого Калита "купил" это княжество, мы прежде всего должны обратиться к генеалогии белозерских князей.

Свою родословную они вели от князя Глеба Васильковича Белозерского, брата Бориса Васильковича Ростовского. Родословцы сообщают, что сыновьями у Глеба были бездетный Демьян и Михаил. "В лето 6785 (1277) князь Михайло Глебович женился у князя Федора Ростиславича Ярославского". От этого брака произошли два сына: Федор Белозерский и Роман. Далее видим разночтения. Известно, что один из сыновей Михаила Глебовича, судя по родословцам, был бездетен. Часть из них показывает бездетным Романа и ведет дальнейшее родословие от Федора Михайловича,¹⁵ другие, наоборот, считают бездетным Федора, а всех последующих белозерских князей производят от Романа.¹⁶ Отечественные генеалоги, столкнувшись с этим противоречием, склонились на сторону второго варианта, поскольку обнаружили, что в числе погибших на Куликовом поле летописью упоминается Федор Романович, сын Романа Михайловича.¹⁷ В следующем поколении у Фе-

¹⁵ Временник Московского Общества истории и древностей российских. Кн. X. М., 1851. С. 36, 41, 143, 231; Опубликовано также: Белозерье. Вып. 2. С. 74 - 76.

¹⁶ Родословная книга князей и дворян (Бархатная книга)... Ч. II. М., 1787. С. 162 - 163; Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 159 - 160.

¹⁷ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. I. СПб., 1854. С. 217 - 219 (Переиздано: Белозерье. Вып. 2. С. 77 - 79); Петров П.Н. История родов русского дворянства. Кн. I. М., 1991. С. 207 - 208; Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 154 - 167; Савелов Л.М. Родословные записи (опыт родословного словаря русского древнего дворянства). Вып. 1. М., 1906. С. 263; Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии ярославского дворянства. Вып. 2. Ярославль, 1913. С. 223 - 226. Отметим самые существенные разногласия среди специалистов по русской генеалогии относительно родословия белозерских князей. А.В. Экземплярский указывал, что некоторые родословцы дают князю Федору Михайловичу сына Федора, внука Ивана и правнука Константина (Экземплярский А.В. Ук.

дора Романовича был сын Иван. "И князя Федора и съ сыномъ со княземъ Иваномъ убили на Дону в Мамаев приходъ и отъ тово родъ не пошоль". Продолжателем белозерских князей стал князь Василий Сугорский, брат Федора Романовича. От его детей впоследствии произошли различные ветви белозерских князей: Белосельские, Андогские, Вадбольские, Шелешпанские, Кемские, Сугорские, Каргаломские, Ухтомские.

Ермолинская, Львовская и Типографская летописи дают краткое родословие белозерских князей в следующем виде: у Василька Ростовского был сын Глеб Василькович, внук Михаил Глебович, правнук Федор Михайлович, у которого, в свою очередь, были сын Василий Федорович Сугорский и внук Юрий Васильевич Белосельский.¹⁸

Отмеченные нами выше разногласия родословцев показывают, что все они относятся к достаточно далекому времени от эпохи первых поколений белозерских князей и свидетельствуют о том, как представители различных ветвей их потомства старались найти единое родственное "согласие". В этой связи вполне закономерен вопрос - насколько верны показания родословцев и соответствуют ли они действительности?

Важную роль в выяснении этого вопроса играет так называемый Ростовский соборный синодик, опубликованный сравнительно недавно С.В. Коневым. Особая ценность его заключается в том, что он составлен по семейным записям, и указывает не только имена, но и отчества своих персонажей. Среди прочих поминаний он содержит уникальный помяник белозерских удельных князей. Имена большинства белозерских князей, названных в нем, известны только по этому тексту.

При этом, как отметил С.В. Конев, происхождение Василия Сугорского, родоначальника всех последующих ответвлений белозерских князей, оказывается совершенно иным, чем во всех приня-

соч. Т. II. С. 162. Прим. 484). П.В. Долгоруков, в свою очередь, приписывал Глебу Васильковичу, кроме известных по родословцам Демьяна и Михаила, еще двоих сыновей: Василия и Романа Глебовичей, относительно которых А.В. Экземплярский говорил о сомнительности их существования (*Экземплярский А.В.* Ук. соч. Т. II. С. 157). Что касается упоминаемого летописями в самом конце XIV в. князя Константина Белозерского, П.В. Долгоруков не мог определить правильного его отчества: Иванович или Васильевич, и поэтому дал по сыну Константину соответственно Василию Романовичу Сугорскому и погибшему в 1380 г. Ивану Федоровичу Белозерскому (№№ 15 и 16 его росписи).

¹⁸ ПСРЛ. Т. XX. Ч. I. СПб., 1910. С. 12; Т. XXIII. СПб., 1910. С. 167; Т. XXIV. Пг., 1921. С. 227 - 228.

тых научных исторических публикациях. По версии синодика, он - сын Федора Михайловича, а не его младшего брата Романа, и, следовательно, продолжатель старшей ветви белозерских князей, а не младшей, как считалось генеалогами. Отметив это обстоятельство, С.В. Конев считает, что введение в научный оборот этого источника приведет к тому, что "многие историко-географические описания, посвященные Белозерью, могут быстро устареть для науки".¹⁹

Ввиду важности этого синодика для изучения родословия белозерских князей, приведем посвященную им часть памятника полностью, обозначив для удобства цифрами упоминаемых в нем лиц: "Благодарным князем (1) Михаилу Глебовичю, (2) Феодору Михайловичю, (3) Василию Феодоровичю, (4) Юрию Василиевичю, (5) Роману Михайловичю, (6) Семену Василиевичю, (7) Юрию Ивановичю Белозерскимъ вечная память. Князю (8) Андрею Юрьевичю Шелешпаньскому вечная память. Князю (9) Василию Ивановичю, князю (10) Андрею Юрьевичю Андожскому, князю (11) Василию Дмитриевичю, князю (12) Владимиру Андреевичю, князю (13) Юрию Васильевичю, князю (14) Ивану Белозерским вечная память." И далее, среди поминания, убитых в 1380 г. на Дону, видим: "князю (15) Феодору Романовичю Белозерскому и сыну его князю (16) Ивану... (17) Семену Михайловичю..."²⁰

Известен также и другой синодик белозерских князей, хранящийся в Череповецком музее, который в свое время использовал А.И. Копанев: "А се Белозерские князи: благоверного князя (1) Михаила, (2) Романа, (3) Федора, (4) Василья, (5) Иоанна, (6) Феодора, (7) Георгия, (8) Андрея, (9) Георгия, (10) Афанасия, (11) Семена, (12) Андрея, княгини Анны, Феодосьи, Марии Голендуки, Варвары, Олены".²¹

На основе этих двух источников попытаемся реконструировать родословие белозерских князей. Для этого обозначим буквой Ч - Череповецкий синодик, а буквой Р - Ростовский синодик.

Первым в обоих синодиках назван Михаил Глебович (Ч1, Р1).

¹⁹ Конев С.В. Синодикология. Ч. II. Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. 1995. № 6. С. 97.

²⁰ Там же. С. 102 - 103.

²¹ Копанев А.И. История землевладения Белозерского края. С. 35. Он же попытался раскрыть имена Череповецкого синодика, но эта попытка не может быть признана удачной. Во-первых, он приписал погибшему на Куликовом поле князю Федору Романовичу, кроме известного по родословцам Ивана, еще двоих сыновей, что явно противоречит показанию тех же родословцев, что от Федора "род не пошел", а, во-вторых, смог идентифицировать лишь 7 из 12 мужских имен синодика.

Затем в Ч упомянуты оба его сына - Роман Михайлович (Ч2, Р5) и Федор Михайлович (Ч3, Р2), за которыми следуют сыновья Федора Михайловича - Василий Федорович Сугорский (Ч4, Р3) и Иван Федорович (Ч5; в Р он в этом месте пропущен), а также сын Романа Михайловича - Федор Романович (Ч6, Р15: здесь он помещен в списке погибших на Куликовом поле вместе со своим сыном Иваном /Р16/). Вслед за этим Ч помещает сына Василия Федоровича - Юрия Васильевича (Ч7, Р4) и сына последнего - Андрея Юрьевича Шелешпанского (Ч8, Р8). Затем следуют сын Ивана Федоровича - Юрий Иванович (Ч9, Р7) и братья Юрия Васильевича Сугорского - Афанасий Васильевич (Ч10; в Р он пропущен) и Семен Васильевич (Ч11, Р6). Завершает мужские имена Ч сын Юрия Ивановича - Андрей Юрьевич Андожский (Ч12, Р10). Далее в Р следует сын Ивана Федоровича - Василий Иванович (Р9). Относительно Василия Дмитриевича (Р11) мы затрудняемся сказать что либо определенное, т.к. не встречаем в синодиках имя его отца Дмитрия. Что же касается Владимира Андреевича (Р12), он может являться как сыном Андрея Юрьевича Андожского, так и Андрея Юрьевича Шелешпанского (мы более склоняемся ко второму варианту). Юрий Васильевич (Р11) - это сын Василия Ивановича. И, наконец, Р заканчивается именем Ивана Белозерского (Р14) - под ним следует разуместь пропущенного в своем месте Ивана Федоровича. Составитель Р, обнаружив этот пропуск, просто вписал его имя в конце поминания белозерских князей. Таким образом, генеалогия первых поколений потомков Михаила Глебовича, выстроенная на показаниях синодиков, представляется нам в следующем виде:

Белозерские князья

	<u>I колено</u>	<i>№ отца</i>
1.	Михаил Глебович (Ч1, Р1)	
	<u>II колено</u>	
2.	Роман Михайлович (Ч2, Р5)	1
3.	Федор Михайлович (Ч3, Р2)	1
	<u>III колено</u>	
4.	Василий Федорович (Ч4, Р3)	3
5.	Иван Федорович (Ч5, Р14)	3
6.	Федор Романович (Ч6, Р15)	2
	<u>IV колено</u>	
7.	Юрий Васильевич (Ч7, Р4)	4
8.	Афанасий Васильевич (Ч10, Р 6)	4
9.	Семен Васильевич (Ч11, Р6)	4
10.	Юрий Иванович (Ч9, Р7)	5
11.	Василий Иванович (Р9)	5
12.	Иван Федорович (Р16)	6

	<u>V колено</u>	
13.	Андрей Юрьевич Шелешпанский (Ч8, Р8)	7
14.	Андрей Юрьевич Андожский (Ч12, Р10)	10
15.	Юрий Васильевич (Р11)	11
	<u>VI колено</u>	
16.	Владимир Андреевич	13 (?)
<i>Примечание:</i> Не включен Василий Дмитриевич (Р11)		

Данная таблица проясняет многое в родословии белозерских князей. Так, в частности, А.В. Экземплярский, а за ним и другие историки полагали, что известие 1363 г. об Иване Белозерском, пришедшем из Орды к князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому, во второй раз занявшему Владимир, относится к князю Ивану Федоровичу Белозерскому, погибшему на Куликовом поле в 1380 г.²² Правда, при этом они не замечали нестыковок - получалось, что Иван Федорович в летописях упоминался раньше своего отца Федора Романовича, имя которого впервые упоминается летописцем лишь в 1375 г. Все встает на свои места, если известие 1363 г. мы соотнесем с другим Иваном Федоровичем (№ 5 нашей родословной).

Второе уточнение относится к древнейшим актам Кирилло-Белозерского монастыря, составленным еще при жизни основателя обители Кирилла Белозерского, и датируемым 1397 - 1408 гг. В них в качестве наместника сына Дмитрия Донского - князя Андрея Дмитриевича упоминается князь Юрий Васильевич Белозерский.²³ В одном из подобных актов встречается фраза: "Доложа тиуна князь Юрьева Ивановича..."²⁴ Не зная, кем был упомянутый здесь князь Юрий Иванович, и поскольку сама грамота дошла лишь в позднейшем списке, ее издатели предположили, что в данном случае произошла описка и текст фразы следует читать: "Доложа тиуна княж Юрьева Ивана Львова", как это мы видим в двух предыдущих актах.²⁵ Но ошибки здесь нет и указание грамоты на князя Юрия Ивановича следует соотнести с упоминаемым синодиками князем Юрием Ивановичем (№ 10 нашей родословной).

Князья Копорские

Изучение составленного по синодикам родословия белозерских князей ставит перед исследователем еще один вопрос - насколько

²² Экземплярский А.В. Ук. соч. Т. II. С. 164.

²³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. Т. II. М., 1956. № 2, 3. (Далее: АСЭИ).

²⁴ Там же. № 6.

²⁵ Там же. № 4, 5.

полно это родословие и все ли белозерские князья XIV - начала XV в. включены в него? Ответ на него должен быть дан отрицательный.

В.Л. Янин, изучая систему кормлений в новгородских пригородах (они давались за службу князьям, в обязанность которых вменялась оборона границ), обратил внимание на известие летописца под 1393 г.: "прииха князь Костянтин Белозерскийи в Новъгород, и прияша его".²⁶ С этого времени имя князя Константина Ивановича Белозерского начинает мелькать в новгородских летописях. Под тем же 1393 г. рассказывается, что "новгородцы, охвачая рать, выехаша на княжи волости воевать, а с ними два князя, Роман Литовскийи, Костянтин Ивановичъ Белозерскийи, и воеводы новгородцкии".²⁷ В 1394 г. "ходиша новгородци с своими князи, с князем Романом и с князем Костянтином, к Пскову ратью".²⁸ В 1395 г. "приходиша немци свея к новому городку к Яме, и поихаша прочь, и князь Костянтин с городцаны иных изби, а инии убежаша".²⁹ В 1396 г. "пришедше немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста: Кюрьескийи и Кюлоласкийи, и церковь сожгоша; и князь Костянтин с Корелою гнася по них и язык изима и присла в Новъгород".³⁰ Впоследствии князь Константин Иванович перешел во Псков, где упоминается под 1408 г.³¹

Кем был упомянутый князь Константин Иванович Белозерский? Вслед за А.В. Экземплярским В.Л. Янин считает его с сыном погибшего на Куликовом поле князя Ивана Федоровича.³² Но согласиться с этим утверждением нельзя. Родословцы называют князя Ивана Федоровича бездетным и, более того, особо подчеркивают, что "от тово род не пошел". Поэтому единственно возможным отцом князя Константина Ивановича Белозерского следует признать другого Ивана Федоровича (№ 5 нашей росписи).

Крайне важным для нас представляется другое наблюдение В.Л. Янина. Выясняется, что белозерские князья традиционно служили Новгороду, получая за это половину города Копорье, отчего в

²⁶ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 386.

²⁷ Там же. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. С. 373.

²⁸ Там же. С. 374.

²⁹ Там же. Т. III. С. 387.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Т. IV. С. 199; Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 32; Вып. 2. М., 1955. С. 34, 116.

³² *Экземплярский А.В.* Ук. соч. Т. II. С. 166 - 167; *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981; *Он же.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII - XV вв. М., 1998. С. 93, 96 - 97.

ряде источников именуются князьями Копорскими. Позднее один из них - Олисей Константинович, по предположению В.Л. Янина, сын Константина Ивановича Белозерского, стал новгородским тысяцким в первой четверти XV в.,³³ а под 1435 г. упоминается и сын Олисея Константиновича Антип.³⁴

Встречаются ли в летописях и другие копорские князья? Под 1394 г. псковские летописи сообщают: "Того же лета, месяца августа в 1 день, приидоша новгородцы ко Пскову ратью в силе велице, и стоаша у Пскова 8 дней, и побегоша прочь ночью посрамлени, милостью святыя Троица; тогда и князя Копореиского убиша Ивана, под Олгиного горою, и иных бояр много на Выбуге избиша, а иных изымаша..."³⁵ Кем был князь Иван Копорский, убитый в 1394 г. под Псковом? В.Л. Янин осторожно указывает, что согласно показаниям родословцев у Романа Юрьевича Белозерского имелся сын Иван.³⁶ Но подобная идентификация невозможна, ибо указанный князь Иван Романович должен был жить в XV в. и не мог быть убит в 1394 г. Можно предположить, что это был сын князя Константина Ивановича Копорского князь Иван Константинович, также, как и отец носивший прозвище князя Копорского.

Поход новгородцев на Псков нашел, естественно, свое отражение и на страницах новгородских летописей: "Того же лета ходиша новгородцы ко Пскову ратью и стояша под городом неделю; и в то время учинися бои в заизде новгородцам с псковичи, и убиша ту князя Ивана Копореиского и Василья Федоровича, а иных паде с обе стороны бог весть; и отъидоша новгородцы от города..."³⁷ Как видим, новгородская летопись, помимо князя Ивана Копорского упоминает еще и его современника Василия Федоровича - лицо, очевидно, достаточно значительное, если летописец счел нужным

³³ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 214, 226; *Он же*. Новгород и Литва. С. 56. Олисей Константинович упоминается в летописных списках новгородских тысяцких: "Елисей Костянтинович, князь Копорейский" (ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 473; Т. IV. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 626; Т. XXIII. СПб., 1910. С. 165) и одной из грамот Великого Новгорода в Ригу, датируемой 1413 - 1420 гг. (Янин В.Л. Две неизданные новгородские грамоты XV в. // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 337.)

³⁴ "Приехаша послы из Новагорода Антип Алексеев сын копорского князя от владыцы Великого Новагорода и Пскова Еуфимия и от всего Великого Новагорода" (Псковские летописи. Вып. 1. С. 43).

³⁵ Псковские летописи. Вып. 1. С. 25; Вып. 2. С. 30.

³⁶ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 225 - 226; *Он же*. Новгород и Литва. С. 98.

³⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 386.

упомянуть о его гибели. Его идентификация облегчается составленным нами по синодикам родословием белозерских князей. Им, видимо, был князь Василий Федорович Сугорский (№ 4 нашей росписи). Тем самым подтверждаются показания родословцев, называющих его "Федоровичем", а не "Романовичем", как полагали позднейшие генеалоги.

Самое же раннее свидетельство о копорских князьях содержится в летописях под 1386 г. в рассказе о походе на Новгород Дмитрия Донского: "И тогда поставиша новгородци острог, по спу хоромы, а князь Патрекей Наримантович да князь Роман Юрьевич с копорскими князи бяше в городе".³⁸

Сведения летописей подтверждаются и данными сфрагистики. Так, в 1969 г. на Городище под Новгородом был найден обломок свинцовой печати, на одной из сторон которой имеется поясное изображение св. Василия Кесарийского в окружении двустрочной надписи: [Печа]те великого [князя Василия] Дмитриеви[ча]...", а на обороте шестистрочная надпись: "Печ[ать] Кост[янти]на Ива[новича] и Ва[силья Д]мит[рие]вич[а]". По предположению В.Л. Янина, эта булла принадлежала князю Константину Ивановичу Белозерскому, современнику великого и новгородского князя Василия Дмитриевича.³⁹ Сохранилась также печать его сына Олисея Константиновича.⁴⁰ Возможно предположить, что сыном Константина Ивановича был новгородский тысяцкий Онанья Константинович, деятель конца XIV - начала XV в., две печати которого дошли до нас,⁴¹ а сыном Олисея Константиновича был Федор Олисеевич, действовавший в 1430 - 1440-х годах в должностях новгородских тысяцкого и посадника, от которого сохранились две буллы.⁴² Наконец, в 1986 г. при раскопках в Пскове была обнаружена печать некоего Афанасия Константиновича. Его имя встречено впервые и в других источниках не фигурирует. Зная, что в 1408 г. князь Константин Иванович Белозерский действовал в Пскове, можно осторожно предположить, что Афанасий Константинович был его сыном.⁴³

Итак, мы видим, что в последней четверти XIV в. потомки князя

³⁸ Там же. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 212; Ср.: Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 345; Т. XXVI. М.; Л., 1959. С. 154; Т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 82.

³⁹ Янин В.Л. Актовые печати древней Руси. Т. II. М., 1970. С. 236 - 237, 240. № 447а.

⁴⁰ Там же. С. 103, 129, 203. № 602.

⁴¹ Там же. С. 103, 119, 202 - 203, 217. №№ 601, 690.

⁴² Там же. С. 96, 103, 143, 199, 204. №№ 591, 608.

⁴³ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати древней Руси X - XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970 - 1996 гг. М., 1998. С. 101, 207 - 208. № 673 а.

Ивана Федоровича Белозерского активно оседают в Новгороде и именуются здесь князьями Копорскими по половине города Копорья, которым владели в качестве слуг Великого Новгорода. В Ростовском синодике белозерских князей князья Копорские отсутствуют. Это объясняется тем, что к моменту составления синодика в XV в. эта ветвь белозерских князей по сути уже выделилась в особый род и, более того, как мы уже видели, даже получила самостоятельную родовую фамилию.

Но связано ли начало службы белозерских князей в Новгороде со временами Дмитрия Донского или же относится к более ранней эпохе? Каким образом они оказались в Новгороде? Отвечая на этот вопрос, В.Л. Янин обратил внимание на одну из грамот Великого Новгорода, адресованную великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому и датируемую 1305 - 1307 гг. В ней новгородцы жаловались на недостойное поведение князей, служивших в Пскове и Кореле и требовали их официального отзыва. Из этого документа выясняется, что "город стольный Пльсков" был дан еще предшественником Михаила на великом княжении великим князем Андреем и новгородцами некоему князю Федору Михайловичу.⁴⁴ По предположению историка, появление последнего в Пскове могло состояться не ранее кончины псковского князя Довмонта в 1299 г. К какому княжескому роду принадлежал Федор Михайлович? По мнению В.Л. Янина, псковский кормленщик идентифицируется с белозерским князем Федором Михайловичем, упоминаемым летописью в начале XIV в.⁴⁵ Таким образом, данные наблюдения В.Л. Янина позволяют отнести появление белозерских князей на службе в Новгороде к самому началу XIV в. Однако, он не выяснил причину того, почему они появились здесь.

Как известно, князь Глеб Василькович, родоначальник белозерских князей, происходил из ростовского княжеского дома. После смерти своего старшего брата Бориса в 1277 г. он стал ростовским князем.⁴⁶ Владельческая история Белоозера в этот период довольно туманна. Можно предположить, что, перебравшись в Ростов, Глеб Василькович отдал Белозерский удел своему сыну Михаилу Глебовичу. Но закрепиться тому на отцовском столе не удалось. Глеб Василькович, прокняжив в Ростове чуть более года, скончался

⁴⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 8. С. 18 (Далее: ГВНП).

⁴⁵ Янин В.Л. Новгород и Литва. С. 90. Федор Михайлович Белозерский упоминается летописцем по поводу двух своих браков: в 1302 г. - на дочери некоего Вельбласмыша в Орде, а в 1314 г. - на дочери Дмитрия Жидимирича. (ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 528, 529).

⁴⁶ ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 75, 76.

в конце 1278 г.⁴⁷ Сразу же после его кончины в Ростове начались раздоры. Дело дошло до того, что немногим более двух месяцев после смерти Глеба ростовский епископ Игнатий, очевидно, по наущению сына Бориса Ростовского князя Дмитрия Борисовича осуществил неслыханное дотоле дело: "неправо творяще, не по правиломъ осудилъ бо бе своего князя Глеба, уже по смерти за 9 недель, и изрину князя изъ соборныя церкви въ полунощи, и повеле его погresti у святого Спаса въ княгинине монастыре". Этот первый, но, к сожалению, далеко не последний в отечественной истории, пример мщения своим уже покойным политическим противникам был настолько вопиющим, что им пришлось специально заниматься митрополиту Кириллу сразу после его приезда в Северо-Восточную Русь из Киева.⁴⁸

Результатом этой ссоры между внуками Василька Ростовского явилось то, что в 1279 г. старший сын Бориса Ростовского Дмитрий отнял у Михаила Глебовича Белоозеро: "князь Дмитрей Борисовичъ отымал волости у князя Михаила Глебовича съ грехомъ и съ неправдою, абы ему Бог пробавилъ".⁴⁹ В итоге Михаил Глебович навсегда оказался лишенным отцовского удела. Под 1286 г. Устюжская летопись сообщает о разделе Ростовского княжества между Дмитрием Борисовичем и его младшим братом Константином: "и паде жеребеи болшему князю Дмитрею Углич Поле да Белоозеро, а меншему брату князю Констянътину Ростов да Устюг".⁵⁰ Правда, Никоновская летопись, сообщив о разделе Ростова и Углича между ростовскими князьями, тут же добавляет: "а брат ихъ изъ двуродныхъ князь Михайло Глебовичъ, внук Василковъ, сяде на Белозере".⁵¹ А.В. Экземплярский, комментируя это известие, спрашивает: "Но и в этом случае является вопрос, где же до этого времени Михаил Глебович был?".⁵² Кроме этого указания Никоновской летописи у нас нет ни единого свидетельства о том, что Михаил Глебович княжил на Белоозере. Возможно предположить, что за этим уточнением Никоновской летописи стоит стремление ее позднейшего составителя как-то объяснить то, что в XIV в. мы снова видим потомков Глеба Васильковича на белозерском столе. Что же касается самого Михаила, то он скончался в 1293 г. в Орде и был похоронен не в своем отчинном городе, а в Ростове.⁵³

⁴⁷ Там же. С. 76.

⁴⁸ Там же. С. 77.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 31, 71, 111, 130.

⁵¹ Там же. Т. X. СПб., 1885. С. 166.

⁵² *Экземплярский А.В.* Ук. соч. Т. II. С. 26. Прим. 106.

⁵³ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 527.

А.В. Экземплярский оставлял открытым вопрос - где находился в последней четверти XIII в. лишенный своих родовых владений князь Михаил Глебович? Между тем, все та же Никоновская летопись позволяет ответить на него. Под 1293 г. она дает перечень русских князей, отправившихся в Орду с жалобой на великого князя Дмитрия Александровича. Приведем его полностью: "Въ лето 6801. Идоша во Орду ко царю князи русьстии жаловатися на великого князя Дмитрея Александровичя Владимирскаго, внука Ярославля, правнука Всеволожа: брать его меншой князь Андрей Александровичъ Городецкий, князь Дмитрий Борисовичъ Ростовский, да брать его князь Константинъ Борисовичъ Угличский, да из двуродныхъ брать ихъ князь *Михайло Глебовичъ Городецкий*, да тесть князя Михаила Глебовичя Белозерскаго князь Феодоръ Ростиславичъ Ярославский и Смоленский, да князь Иванъ Дмитриевичъ Ростовскаго, да епископъ Тарасий Ростовский".⁵⁴ В данной отрывке обращает на себя внимание определение "Городецкий" применительно к Михаилу Глебовичу. То, что речь идет именно о сыне Глеба Белозерского, подтверждается указанием летописца, что он приходился двоюродным братом ростовским князьям. Но выше мы видели, что городецким князем именуется и Андрей Александрович, вскоре получивший великое княжение. Судя по летописям, он княжил в Городце вплоть до своей кончины в 1304 г.⁵⁵ То, что князю Михаилу Глебовичу дается определение "Городецкий" мы можем объяснить лишь тем, что к тому времени он служил великому князю Андрею Александровичу и был наместником в его стольном городе Городце. В скобках заметим, что определение "Городецкий" применительно к Михаилу Глебовичу нельзя считать опиской летописца - тот же перечень князей имелся в недошедшем до нас варианте Никоновской летописи, который использовал В.Н. Татищев.⁵⁶

В этой связи крайне любопытными представляются находки в 1980-х годах двух идентичных печатей. На их лицевой стороне помещено изображение св. Андрея в полный рост, с крестом в правой руке, а на оборотной - изображение княжеской тамги. Одна из них была найдена на месте древнерусского Белоозера (в 15 км к востоку от современного Белозерска), а другая - пятью годами позже - в Городце на Волге.⁵⁷ Эти две находки могут свидетельствовать о том, что в 1286 г. Михаилу Глебовичу, возможно, все же удалось возратить какую-то часть своих владений на Белоозере, как об этом говорит Никоновская летопись. Но после того, как он перешел

⁵⁴ Там же. Т. X. С. 168 - 169. Выделено нами.

⁵⁵ Там же. С. 175.

⁵⁶ *Татищев В.Н.* История российская. Т. V. М.; Л., 1965. С. 65.

⁵⁷ *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Ук. соч. Т. III. С. 150. № 294а.

на службу к великому князю Андрею Александровичу и получил от него Городец, прежние его владения на Белоозере должны были стать собственностью Андрея, а бывший их владелец распоряжался лишь остатками своих суверенных прав.

Отчасти это подтверждается тем, что после смерти Михаила Глебовича в 1293 г. его сын Федор Михайлович продолжал служить Андрею Александровичу. Как отмечал В.А. Кучкин, у нас нет сведений о пребывании на Белоозере Федора.⁵⁸ Но, как говорилось выше, по наблюдениям В.Л. Янина, Федор Михайлович на рубеже XIII - XIV вв. оказывается великокняжеским наместником во Пскове, посаженным "из руки" Андрея Александровича.

Итак, мы видим, что Михаил Глебович и его сын Федор, лишившись в результате политической борьбы последней четверти XIII в. своих родовых вотчин, вынуждены были искать новых мест приложения своей службы и оказались у великого князя Андрея Александровича.

По данным Ростовского соборного синодика Иван Федорович, первый из князей Копорских, являлся сыном Федора Михайловича Белозерского, сидевшего, как мы видели, в начале XIV в. в Пскове. Из грамоты Великого Новгорода 1305 - 1307 гг., адресованной великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому, мы узнаем, что новгородцы жаловались на недостойное поведение князя Федора Михайловича в Пскове и требовали его официального отзыва.⁵⁹ Несомненно, это требование горожан было удовлетворено. Но в связи с этим встает вполне закономерный вопрос - кто же сменил Федора Михайловича на псковском столе? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к уже упоминавшейся нами записи писца об окончании работы над книгой в Псковском Апостоле. Судя по ней, переписка этой книги была закончена около 1310 г. "при архиепископе новгородскомъ Давыде, при великомъ князи новгородскомъ Михаиле, а пльскомъ Иване Федоровици, а посадниче Борисе..." Кто же был наместником великого князя Михаила Тверского в 1310 г. во Пскове? Им, судя по всему, являлся как раз сын Федора Михайловича Белозерского князь Иван Федорович, ставший впоследствии родоначальником князей Копорских.⁶⁰

Его имя и позднее связано со Псковом. Под 1343 г. псковские

⁵⁸ Кучкин В.А. Формирование. С. 120.

⁵⁹ ГВНП. № 8. С. 18.

⁶⁰ Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI - XIV вв. М., 2000. № 167. С. 186 - 188. Ею же было выдвинуто предположение, что псковский князь Иван Федорович возможно был сыном упоминаемого в этом городе в начале XIV в. князя Федора Михайловича.

летописи сообщают, что "псковичи со изборяны подъемше всю свою область и поехала воевати земли немецкия о князи Иване и о князи Остафии и о посаднице Володцы, и воеваша около Медвежий голове пять днеи и пять ноцей, не слазя с конь, где то не бывали ни отцы, ни деди".⁶¹ Очевидно, что упоминающимся здесь князем Иваном был все тот же Иван Федорович, сын Федора Михайловича.⁶²

⁶¹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 20; Вып. 2. С. 25, 97.

⁶² Определяя даты жизни князя Ивана Федоровича, мы должны исходить из того, что его отец Федор Михайлович был женат дважды - его браки заключались в 1302 и 1314 гг. Поскольку первое известие о Иване Федоровиче относится к 1310 г., выясняется, что он происходил от первого брака отца. Понятно, что, будучи младенцем, он являлся псковским наместником чисто номинальным. Тем не менее, по тогдашним правилам, для занятия этого поста княжич должен был пройти обряд "постригов" (сажания на коня) - своеобразной инициации, который проводился обычно в возрасте трех лет. (Так, великий князь Ярослав Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо, родился 8 февраля 1191 г., а 27 апреля 1194 г. над ним был совершен обряд постригов. - см.: *Экземплярский А.В.* Ук. соч. Т. I. С. 7). Таким образом, Иван Федорович родился в промежуток между 1303 и 1307 гг. Следующие упоминания о нем, как мы видели относятся уже к 1343 и 1363 гг. Решение жителей пограничного города, ведшего постоянную борьбу с ливонским рыцарством, пригласить к себе на княжение с санкции великого князя Михаила Ярославича Тверского малолетнего княжича, на первый взгляд может показаться довольно странным, ибо Пскову в это время был нужен не политический символ, а деятельный правитель. Между тем, данный поступок псковичей может быть объяснен весьма прозаически. В начале XIV в. в Пскове активно действует псковский посадник Борис, который не смог, очевидно, "ужиться" с князем Федором Михайловичем Белозерским. Вероятно, именно его стараниями и появилась на свет упоминавшаяся выше жалоба новгородцев на Федора Михайловича. Великий князь Михаил Ярославич Тверской оказался в довольно сложном положении. Чтобы не обидеть ни одну из сторон конфликта, он, в виде компромисса предложил возвести на псковский стол малолетнего сына Федора Михайловича. После смерти посадника Бориса летом 1312 г. (ПСРЛ. Т. V. СПб., 1851. С. 11) ситуация коренным образом изменилась и уже через несколько месяцев, судя по записи на псковском паремейнике, Михаил Тверской должен был назначить в Псков взрослого наместника - служившего ему князя Бориса Дмитровского, который сел на псковском столе в промежуток между 1 марта и 17 мая 1313 г. (*Столярова Л.В.* Ук. соч. № 196. С. 209 - 213; *Кучкин В.А.* Формирование. С. 243 - 244).

Таким образом, у нас выстраивается схема родословия князей Копорских. Они происходили от белозерского князя Михаила Глебовича, лишившегося в конце XIII в. своих родовых владений. Его сын Федор Михайлович, внук Иван Федорович и правнук Константин Иванович на протяжении более чем столетия вынуждены были находиться на службе в Новгороде и Пскове.

Белозерские князья "Сказания о Мамаевом побоище"

Мы видим, что Ростовский соборный синодик называет далеко не всех князей белозерского княжеского дома. Пропущенной оказывается ветвь князей Копорских, которая к моменту составления синодика отделилась от главной ветви белозерских князей и по сути представляла собой уже отдельный самостоятельный род.

После того, как мы выяснили родословие этой ветви рода, необходимо снова задать все тот же вопрос - все ли белозерские князья XIV в., включая и Копорскую ветвь, выявлены нами? Ответ на него может быть только отрицательным.

Думать так нас заставляют несколько мест из Киприановской редакции "Сказания о Мамаевом побоище". В рассказе о Куликовской битве 1380 г. они передают следующие подробности. Узнав об угрозе нашествия Мама, на помощь к Дмитрию Донскому в Москву пришли белозерские князья: "И приидоша князи белозерстии, крепцы суще и мужествени на брань, съ воинствы своими: князь Федоръ Семеновичъ, князь Семень Михайловичъ, князь Андрей Кемский, князь Глебъ Каргопольский и Цыдонский; приидоша же и Андомския князи..."⁶³ По пути к Коломне рати Дмитрия Донского пошли тремя путями, при этом белозерские князья пошли "Болвановскою дорогою съ воинствы ихъ", а во время смотра полков на Девичьем поле под Коломной Дмитрий Донской распорядился включить их в великокняжеский полк.⁶⁴ Далее рассказывается о том, что после завершения битвы князь Владимир Андреевич Серпуховской послал искать раненого великого князя Дмитрия Ивановича. На этот призыв откликнулись многие из оставшихся в живых русских ратников: "И разсыпашася вси всюду и начаша искати". Но поиски сначала оказались неудачными: "инии наидоша князя Феодора Семеновича Белозерьскаго, чающе его великимъ княземъ, понеже приличень ему беаше".⁶⁵ И только двоим воинам, отклонившимся в сторону от основного места поисков, в итоге удалось обнаружить лежащего без сознания Дмитрия. Едва оправившись от ран, он вместе с князем Владимиром Андреевичем, отправился

⁶³ ПСРЛ. Т. XI. С. 52.

⁶⁴ Там же. С. 54.

⁶⁵ Там же. С. 62.

объезжать поле сражения, прощаясь с убитыми боевыми товарищами: "И наеха место, идеже лежаху вкупе восемь князей белозерскихъ убиенныхъ, бе же сии мужествени и крепки зело, яко нарочитые и славнии удалци, и яко едина ради умре, и со множествомъ бояръ ихъ".⁶⁶ Далее перечисляются имена наиболее знатных, или проявивших особую отвагу, из числа погибших: "ихъ же имена суть сиа: князь Феодоръ Романовичъ Белозерский и сынъ его князь Иванъ, князь Феодоръ Семеновичъ..."⁶⁷

В.Н. Татищев, добросовестно пересказав летопись, внес только незначительные уточнения. Считая, что в текст летописца могли вкрасться небольшие неточности и описки, он лишь исправил определение Глеба как князя "каргопольского и цыдонского" на "каргопольского и кубенского".⁶⁸

Н.М. Карамзин, описывая Куликовскую битву, заметил, что большинство из упомянутых "Сказанием о Мамаевой побоище" белозерских князей не встречается в уже опубликованном к тому времени их родословии, помещенном в "Бархатной книге". Все это привело историографа к оценке "Сказания о Мамаевом побоище" как источника в высшей степени недостоверного и во многом баснословного: "Не говоря о сказочном слоге, заметим явную ложь... Там сказано, что... в Донском сражении убито *восемь* или даже *пятнадцать* князей белозерских, но... князь Федор Романович Белозерский, убитый на Дону вместе с сыном, не имел иных родственников, кроме брата, именем Василия, коего сыновья сделались, уже *гораздо после*, родоначальниками князей Андомских, Кемских, Белосельских и других". И далее, приводя пересказ Никоновской летописи, о том, что "явились мужественные князья Белозерские с полками своими, князь Федор *Симеонович*, князь *Симеон* Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский (Каргаломский?) и Цыдонский (?), князья *Андомские*", он делает вывод, что князья Кемские, Андомские... принадлежат к новейшим временам".⁶⁹

С.М. Соловьев в целом поддержал точку зрения Н.М. Карамзина на "Сказание о Мамаевом побоище" как на источник крайне недостоверный. По его мнению, значение Куликовской битвы было настолько велико, "что одним сказанием не могли ограничиться. О подобных событиях обыкновенно обращается в народе много разных подробностей, верных и неверных: подробности верные с те-

⁶⁶ Там же. С. 64.

⁶⁷ Там же. С. 65.

⁶⁸ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. V. М.; Л., 1965. С. 142, 287.

⁶⁹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 241 - 243. Прим. 65.

чением времени, переходя из уст в уста, искажаются, перемешиваются имена лиц, порядок событий; но так как важность события не уменьшается, то является потребность собрать все эти подробности и составить из них новое украшенное сказание; при переписывании его вносятся новые подробности. Это второго рода сказание отличается от первого преимущественно большими подробностями, вероятными, подозрительными, явно неверными".⁷⁰

Этот взгляд, подкрепленный авторитетом Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, привел к тому, что практически все дальнейшие исследователи, касаясь вопроса о генеалогии белозерских князей, полагали, что все упомянутые "Сказанием о Мамаевом побоище" лица из этого рода являются фигурами недостоверными. Единственное исключение из этого было сделано лишь для князя Федора Романовича и его сына Ивана, погибших на Куликовом поле. За это говорило и прямое указание родословцев, что "князя Федора и съ сыномъ со княземъ Иваномъ убили на Дону в Мамаев приходъ".

Пожалуй, лишь один Д.И. Иловайский пытался противостоять этой тенденции. Анализируя текст "Сказания...", он обратил внимание на то, что в эпизоде прихода белозерских князей в Москву первым упоминается Федор Семенович, а за ним Семен Михайлович. Очевидно, это были родственники, скорее всего, отец и сын. Поэтому он предположил, что упомянутый сказанием князь Федор Семенович Белозерский мог являться племянником убитого в 1380 г. Федора Романовича, т.е. внуком Михаила Глебовича.⁷¹ Но родословцам эти князья не были известны и поэтому его мнение, не подкрепленное источниками, не было поддержано другими исследователями.

Так, А.В. Экземплярский, специально разбирая генеалогию белозерских князей, полностью поддержал точку зрения Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, отметив, что рассказ Никоновской летописи о Куликовской битве "заключает в себе много нелепостей, как например, участие в этом походе каких-то баснословных князей Цыдонских и Каргапольских".⁷²

Впервые вопрос о степени достоверности упомянутых в "Сказании" белозерских князей был поставлен Л.А. Дмитриевым. По его мнению, в том, что в "Сказании" названы князья кемские, андомские, каргопольские, упоминается о смерти 8 белозерских князей,

⁷⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II (тт. 3-4). М., 1988. С. 617.

⁷¹ Иловайский Д.И. Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского. М., 1880. С. 19, 44.

⁷² Экземплярский А.В. Ук. соч. Т. II. С. 110. Прим. 326; С. 162. Прим. 484; С. 163. Прим. 487.

есть все основания видеть в этом отражение реальных фактов, по иным источникам нам неизвестным, а не ошибки или выдумки автора "Сказания" Все эти уделы - Кемский, Каргопольский (на взгляд Л.А. Дмитриева, искаженное название Каргаломского), Андомский - образуются в составе Белозерского княжения в годы с конца XIV - начала XV в. и уже в том же XV в. все они прекращают свое существование. Это были настолько мелкие, незначительные и кратковременно существовавшие уделы, что упоминание их как самостоятельных единиц в "Сказании" говорит о том, что оно было написано в начале XV в., когда эти уделы еще имели какое-то значение.⁷³ При этом он, очевидно, опирался на мнение П.Н. Петрова, полагавшего, что основатели мелких белозерских уделов - сыновья Василия Сугорского, являясь двоюродными братьями погибшего в 1380 г. Ивана Федоровича, по времени жили в эпоху Куликовской битвы.⁷⁴

Попытку выяснить время возникновения этих уделов предпринял Ю.К. Бегунов. Остановившись на эпизоде сбора войска в Москве, где упоминаются белозерские князья Федор Семенович, Семен Михайлович, Андрей Кемский, Глеб Каргопольский и Андомские князья, он предположил, что первым из них назван князь Федор Романович, который вместе с сыном Иваном, как известно по родословцам, действительно участвовал и пал в Куликовской битве. То, что он именуется Федором Семеновичем, по мнению исследователя, является ошибкой "Сказания"

Относительно следующего из названных в этом эпизоде лиц, князя Семена Михайловича, встретилось, правда, небольшое затруднение. Выяснилось, что его имя упоминают синодики в числе убитых от Мамаея.⁷⁵ Как известно, синодики являются достаточно достоверным источником, поскольку представляют собой поминальный список, составителю которого вряд ли был какой-то смысл вносить в свой список выдуманных лиц. По предположению Ю.К. Бегунова, здесь мы имеем дело с ошибкой, допущенной еще в конце XIV в. В русских летописях упоминается некий князь Семен Михайлович, убитый в битве с татарами на р. Пьяне в 1377 г.⁷⁶ В поминальные списки павших на Куликовом поле имя этого князя могло попасть ошибочно: точно также в списки погибших в 1380 г. по-

⁷³ Дмитриев Л.А. О датировке "Сказания о Мамаевом побоище" // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. X. М.; Л., 1954. С. 197 - 198.

⁷⁴ Петров П.Н. Ук. соч. Кн. I. С. 207.

⁷⁵ Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся. 2-е изд. Т. VI. М., 1788. С. 450 - 451.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 193.

падает имя московского боярина Дмитрия Монастырева, в действительности павшего в битве с татарами на р. Воже в 1378 г.⁷⁷

Что касается Андрея Кемского, то такого имени родословцы не знают, а в 1380 г. Кемского удела еще не существовало - он образовался не ранее 30-х годов XV в. Следующим назван Глеб Каргопольский. Но, по мнению Ю.К. Бегунова, в данном случае здесь описка, т.к. в Каргополе своих князей не было, а следует читать - Карголомский. Такой удел в Белозерском княжестве, действительно, был, но в 1380 г. его еще не было. О существовании Карголомского удела известно лишь с первой четверти XV в. В "Сказании" названы и Андомские (или Андожские) князья. Их удела в 1380 г. также не имелось, поскольку он возникает лишь в 20 - 30-е годы XV в.

Таким образом Ю.К. Бегунов делает вывод, что проверка имен, названных в "Сказании", приводит к убеждению, что этот памятник мог возникнуть не ранее середины XV в., поскольку в нем названы Кемские, Карголомские, Андомские князья, которых в эпоху, современную Куликовской битве еще не существовало. Тем самым, по его мнению, опровергается утверждение Л.А. Дмитриева, что эти уделы уже появились "в конце XIV - начале XV в." На взгляд Ю.К. Бегунова, то, что эти князья упомянуты памятником, может свидетельствовать лишь о том, что его автором мог быть выходец из Белоозера.⁷⁸ Некоторые уточнения в позицию Ю.К. Бегунова внес В.А. Кучкин, использовавший дополнительный актовый материал XIV - XV вв. из монастырских актов белозерских монастырей и опубликованные позднее родословцы. По его мнению, Кемский и Карголомский уделы сформировались все же в конце XIV в., но что же касается Андожского княжества, то оно образовалось около 20-х годов XV в. Поэтому, несмотря на некоторое удревнение истории мелких белозерских уделов, В.А. Кучкин, как и большинство других исследователей, по-прежнему считал, что сведения "Сказания" о белозерских князьях являются неверными. Ошибочны, по его мнению, и конкретные их имена.⁷⁹

В.С. Мингалев обратил внимание на то, что имена белозерских князей встречаются не только в "Сказании о Мамаевом побоище", но и в более ранней "Задонщине", где названы "князи белозерстии Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь". Но он не стал рассматривать данный факт в плане проблемы достоверности "Ска-

⁷⁷ Там же. С. 200.

⁷⁸ Бегунов Ю.К. Об исторической основе "Сказания о Мамаевом побоище" // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания "Слова". М.; Л., 1966. С. 493 - 495, 505 - 506.

⁷⁹ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 205 - 206.

зания".⁸⁰ По его мнению, это говорит лишь о том, что «в "Сказании" заметно выделяются белозерские мотивы повествования, местный белозерский патриотизм его создателя, что выдает белозерское происхождение памятника... Здесь, в Кирилло-Белозерском монастыре в 1470-1480 гг., рукою Ефросина был сделан известный в науке список "Задонщины", близкий к которому вариант был использован автором "Сказания"». ⁸¹ Но тем самым осталось невыясненным крайне важное обстоятельство - почему прекрасно знакомый с белозерскими реалиями составитель этого памятника упорно упоминал неизвестных нам по родословцам белозерских князей?

Л.А. Демин, занимавшийся историей древнего Белоозера, попытался отыскать компромисс между двумя взаимоисключающими утверждениями, о том, что в основе "Сказания" лежат все же достоверные факты, неизвестные нам по другим источникам, и тем, что целый ряд известий "Сказания" является не более чем выдумкой, сочиненной много десятилетий спустя после событий 1380 г., в угоду тому или иному заказчику.

Исходя из мысли, что в основе "Сказания" лежит достоверное летописное повествование, он полагал, что сведения его вполне достоверны, соответствуют летописным или дополняют их. Вместе с тем, в нем можно найти и исторические искажения. Они появились за счет того, что позднейший составитель, переписывая текст и встретив в нем незнакомые ему определения, исправил их по своему разумению. Так, вместо определения "князь каргаломский" он поместил "князь каргопольский", поскольку в XVI в. Каргополь являлся одним из крупнейших городов русского Севера. Встречающиеся в одной из редакций "Сказания" "князья вандомские" получились в результате неверного прочтения "князья Андожские и Вадбальские", которые, действительно, владели небольшими уделами на территории Белоозера. Вместе с тем, соглашаясь, что эти уделы возникли уже после сражения с Мамаем, он предлагает свое объяснение того, как они появились в тексте.

По его мнению, белозерский полк, как и другие княжеские полки того времени, состоял из княжеской дружины, т.е. воинов-профессионалов, и ополчения, которое набиралось по волостям. Эти отдельные волостные отряды, например, кемский, вадбольский и др., составляли подразделения в составе белозерского полка во главе

⁸⁰ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 10; *Мингалева В.С.* Летописная повесть - источник "Сказания о Мамаевом побоище" // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 24 (Вопросы источниковедения истории СССР). М., 1966. С. 69.

⁸¹ *Мингалева В.С.* "Сказание о Мамаевом побоище" и его источники. Автореферат кандидатской диссертации. М.; Вильнюс, 1971. С. 14.

либо с членами семьи Глебовичей, либо другими близкими к князю лицами, например, старшими дружинниками, волостными управляющими и т.п. "Упоминание в летописном источнике о каких-то неведомых нам князьях Кемском, Каргапольском, и Ваньдомских или Андомских, отражает по-видимому деление белозерского войска на более мелкие волостные подразделения, возглавляемые своими военачальниками. Их летописец мог ошибочно называть «князьями»".⁸²

Итак, мы видим, что в литературе были высказаны диаметрально противоположные точки зрения по поводу реальности белозерских князей, упоминаемых в "Сказании о Мамаевом побоище". В более широком плане эти разногласия можно свести к проблеме достоверности исторического источника, в какой степени могут быть признаны соответствующими действительности конкретные факты, о которых сообщает "Сказание"?⁸³

Вопрос о достоверности "Сказания о Мамаевом побоище"

Все это заставляет нас сделать достаточно большое отступление в сторону от главной темы данной главы и обратиться к вопросу о достоверности "Сказания о Мамаевом побоище". Разумеется, при этом мы осознаем, что эта проблема требует отдельного самостоятельного исследования, в котором были бы рассмотрены все, без исключения, ошибки и неточности, отмеченные исследователями в этом памятнике. Однако недостаток места, а главное то, что это увело бы нас далеко в сторону, побуждает ограничиться здесь всего лишь одним, хотя и весьма показательным аспектом этой темы - насколько достоверен в "Сказании" один из центральных эпизодов повествования - встреча великого князя Дмитрия Донского накануне битвы с Сергием Радонежским. На этом примере мы постараемся решить принципиальный вопрос - можно ли верить "Сказанию" или же оно представляет собой лишь собрание полуфантастических рассказов, не имеющих ничего общего с реальностью.

Различные сказания и повести о Куликовской битве создавались на протяжении длительного времени - начиная с конца XIV в. вплоть до XVII столетия. При этом возникает внешне кажущейся парадоксальной картина - чем дальше по времени от самой битвы создавался рассказ, тем больше в нем появлялось подробностей и деталей. Первые очень краткие рассказы о сражении превращают-

⁸² Демин Л.М. Древнее Белоозеро. М., 1993. С. 62 - 66.

⁸³ См.: Лурье Я.С. О путях доказательства при анализе источников (на материале древнерусских памятников) // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 61 - 68.

ся в многостраничные повествования, обрастающие все новыми и новыми подробностями.

Все это характерно и для рассказа о свидании накануне битвы Сергия Радонежского и Дмитрия Донского. Известие о нем отсутствует в наиболее ранних летописных сводах и появляется лишь в "Сказании о Мамаевом побоище", возникшем много позже описываемых событий. Оно сообщает, что Дмитрий Донской, готовясь к отражению нашествия, приказал своим полкам собираться в Коломну "на Успение святыя богородица", т.е. к 15 августа. К нему пришли рати из разных княжеств. Взяв с собой двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского и "вся князи русские" он отправился в Троицкий монастырь "на поклонъ къ отцу своему, преподобному старцу Сергию, благословения получитьи от святыя тоа обители". Это произошло в воскресенье 18 августа, в день святых Флора и Лавра. Отстояв службу, Дмитрий хотел было ехать, но Сергей попросил его задержаться и, пока готовили освящение воды, пригласил великого князя к столу. После трапезы игумен торжественно благословил великого князя и "все христолюбивое его вѣинство". В беседе наедине Сергей уверил Дмитрия, что тот обязательно вернется с победой, и повелел присоединиться к княжеской дружине двум инокам обители знаменитым впоследствии Пересвету и Ослябе, на которых возложил монашескую схиму. Возвратившись в Москву, великий князь вместе с Владимиром Андреевичем Серпуховским пришел к митрополиту Киприану и поведал о том, что троицкий игумен предсказал ему победу. Митрополит повелел князьям хранить до поры в тайне сказанное Сергием. Спустя несколько дней, в четверг 27 августа русские рати выступили в поход из Москвы.⁸⁴

Начиная с В.Н. Татищева рассказ о свидании Сергия Радонежского и Дмитрия Донского прочно вошел в литературу, посвященную Куликовской битве.⁸⁵ Н.М. Карамзин писал: "Димитрий выехал из обители с новою и еще сильнейшею надеждою на помощь небесную".⁸⁶ Ту же мысль повторил С.М. Соловьев.⁸⁷ Еще более образно по этому поводу в 1892 г. высказался В.О. Ключевский, в речи посвященной 500-летней годовщине со дня кончины Сергия: «Глаз исторического знания уже не в состоянии разглядеть хода этой под-

⁸⁴ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 30 - 31, 56 - 57, 82 - 83, 108 - 109.

⁸⁵ *Татищев В.Н.* История российская. Т. 5. М.; Л., 1965. С. 142 - 143.

⁸⁶ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. II. Т. 5. СПб., 1842. Стб. 36.

⁸⁷ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3 - 4. М., 1988. С. 275 - 276.

готовки великих борцов 1380 года; знаем только, что преподобный Сергей благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения, сказав: "Иди на безбожников смело, без колебания, и победишь"⁸⁸.

Но уже в XX в. факт посещения Дмитрием Донским Троицкого монастыря стал предметом сомнений. Толчком к этой резкой перемене взглядов в известной мере послужили известные работы А.А. Шахматова по истории русского летописания. Применительно к нашей теме, вопрос стал следующим образом: можно ли доверять сведениям поздней Никоновской летописи и "Сказания", описывающих подробности свидания Сергия Радонежского и Дмитрия, или же историку следует опираться только на данные более ранних летописей, где рассказ о нем отсутствует? В более широком плане он сводился к проблеме достоверности поздних летописных сводов по сравнению с более ранними.

Н.И. Костомаров считал, что "Сказание о Мамаевом побоище" "заключает множество явных выдумок, анахронизмов... вообще в своем составе никак не может считаться достоверным источником"⁸⁹. Еще более резко по этому поводу высказывался А.С. Орлов. Он полагал, что повествование в "Сказании" носит явные следы целенаправленной обработки в целях возвеличивания роли церкви, что привело к введению "нового персонажа - предсказателя и чудотворца радонежского игумена Сергия"⁹⁰. М.Н. Тихомиров относил этот рассказ к разделу "повествований легендарного характера". Ссылаясь на более ранние и поэтому заслуживающие большего доверия летописи, он выдвинул предположение, что "поездка Дмитрия к Сергию Радонежскому и разговор с ним о Мамае произошли до похода татар, когда только предполагалось, что они нападут на Русь"⁹¹. Аналогичной точки зрения придерживался Л.В. Черепнин: «Сильно разукрашен и эпизод с посещением великим князем Дмитрием Ивановичем Сергия Радонежского, хотя отрицать возможность такого визита и нет оснований. Внесение этого эпизода... вероятно, вызвано желанием приподнять роль Троице-Сергиева монастыря как церковного центра. Гораздо ближе к истине простой и лаконичный рассказ Ермолинской и Львовской лето-

⁸⁸ *Ключевский В.О.* Благодатный воспитатель русского народного духа // *Возбренный России воеводо.* М., 1994. С. 65.

⁸⁹ *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. СПб., 1912. С. 180.

⁹⁰ *Орлов А.С.* Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945. С. 73.

⁹¹ *Тихомиров М.Н.* Куликовская битва 1380 г. // *Повести о Куликовской битве.* М., 1959. С. 346 - 347.

писей, согласно которому Дмитрий Иванович, уже подходя к Дону, получил "грамоту" от Сергия Радонежского с повелением "битися с татары"». ⁹²

В 1985 г. вопрос о достоверности поездки Дмитрия Донского к Сергию Радонежскому затронул В.Л. Егоров. Предметом его интереса стали фигуры двух иноков Троицкого монастыря - братьев Пересвета и Осляби, отправившихся по приказу Сергия с великим князем на берега Дона. Как отмечалось литературоведами, в "Сказании о Мамаевом побоище" фигуры монахов-воинов занимают очень значительное место и вырастают до символа, олицетворяющего вклад духовенства в победу над угнетателями Руси. Но при всем этом Пересвет и Ослябя являлись реальными персонажами, жившими и действовавшими во второй половине XIV в. Происходя из брянских бояр, они были людьми, искушенными в ратном деле, которых лично знал великий князь. Если учесть, что собранное Дмитрием Донским войско по своим размерам превышало все предыдущие русские ополчения, становится понятной острая нужда великого князя в опытных военачальниках "полки умеюща рядити". Подобные люди все были наперечет и, понятно, что Дмитрий должен был в этих условиях вызвать Пересвета и Ослябю из Троицкого монастыря. Чтобы покинуть монастырь, его иноки должны были получить разрешение игумена, т.е. Сергия Радонежского.

Но нужно ли было великому князю для этого самому ездить в Троицкий монастырь? По мнению В.Л. Егорова, совершенно необязательно. Свою мысль он поясняет тем, что при переработке памятника в XVI в. его редакторы использовали реальный эпизод отправки из Троицкого монастыря на Куликово поле двух иноков, для того, чтобы выдвинуть на авансцену личность самого Сергия - настоятеля монастыря, давшего согласие на их участие в сражении. Аргументирует это он тем, что Пространная летописная повесть, более ранняя по времени, чем "Сказание", не знает о визите великого князя в Троицу, но зато в ней имеется известие, что когда войско стояло уже на Дону, Сергей прислал Дмитрию грамоту и благословение, "веля ему битися с тотары". ⁹³ Если бы ранее великий князь получил личное напутствие Сергия, такой поступок не имел бы смысла.

Отметил В.Л. Егоров и неувязки в хронологии. Как уже говорилось, сбор русской рати был назначен в Коломне 15 августа. Между тем поездка Дмитрия к Троице датируется 18 августа. По его мне-

⁹² Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV - XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 606.

⁹³ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 19.

нию, фантастично уже то, что высшее военное руководство бросило на произвол судьбы подготовку похода и сбор войска в самый ответственный момент. Но самым главным доводом в пользу утверждения о легендарности поездки Дмитрия 18 августа является еще одно наблюдение. Пространная летописная повесть сообщает, что русское войско во главе с Дмитрием вышло из Коломны 20 августа. О том, когда ополчение прибыло в этот пограничный город Московского княжества, источник умалчивает. Но в нем говорится о посещении до этого великим князем коломенского Успенского собора, где князя и "вся воя его" благословил епископ Герасим.⁹⁴ По другим известиям мы знаем, что на здешнем Девичьем поле накануне выхода Дмитрия из Коломны, т.е. 19 августа, проходил смотр войск. Отсюда становится понятным, что Дмитрий 18 августа практически одновременно находился сразу в двух местах, расстояние между которыми преодолеть существовавшими в XIV в. способами передвижения было просто невозможно.⁹⁵

Доводы В.Л. Егорова о легендарном характере свидания Дмитрия и Сергия Радонежского в Троице развил двумя годами позже В.А. Кучкин. Согласившись с тем, что крайне непонятным является то, что, назначив сбор войск в Коломне на 15 августа, Дмитрий не только не послал рати к Оке против Мама, но и, наоборот, увел их из столицы в противоположном направлении, на север к Троице, он привел и новые доводы в пользу утверждения о недостоверности этого события.

Прежде всего, отметил он, упоминаемого в рассказе митрополита Киприана в 1380 г. ни в Москве, ни вообще в Северо-Восточной Руси не было. В это время он пребывал в Киеве. Поставлен был им под сомнение и факт посылки Сергием Радонежским инок Пересвета. Действительно, он упомянут в летописном перечне убитых, но без добавления слова "чернец", что являлось обязательным для духовного лица. Поскольку Пересвет, судя по всему, был человеком светским, говорить о его связи с Троицким монастырем не приходится. Наконец, свидание не могло состояться в 1380 г., поскольку 18 августа в нем приходилось не на воскресенье, как утверждает "Сказание", а на субботу. Однако если В.Л. Егоров полностью отрицал сам факт свидания, то в отличие от него В.А. Кучкин попытался поставить вопрос по иному - происходило ли оно в действительности свидание, и если - да, то когда?

Обратившись непосредственно к "Житию" самого Сергия, В.А. Кучкин в наиболее ранней из сохранившихся полных редакций Жи-

⁹⁴ Там же. С. 18.

⁹⁵ Егоров В.Л. Пересвет и Ослябя // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 177 - 183.

тия, относящейся к 30-м годам XV в., выяснил, что описание встречи князя и игумена содержится в статье, носящей название "О побежении татаръ и иже на Дубенке о монастыри", которая имеет характер неясного припоминания о том, что к Сергию "некогда же прииде князь велики". Далее говорится, что Дмитрий сообщает игумену о приближении Мамае к Руси. В ответ Сергей призывает великого князя идти в поход против татар и предрекает ему победу. В свою очередь Дмитрий обещает в случае успеха поставить церковь в честь Успения Богородицы. После победы над татарами Дмитрий и Сергей по обету основывают монастырь на реке Дубенке.⁹⁶ Таково краткое содержание этого эпизода, но лишь в позднейших редакциях "Жития" он связывается с битвой на Дону.

Из летописей нам известно, что Успенский монастырь на реке Дубенке был действительно основан. Но это известие относится к 1 декабря 1379 г., т.е. за девять с лишним месяцев до сражения на Дону.⁹⁷ Отсюда В.А. Кучкин делает вывод, что если свидание Сергия Радонежского с Дмитрием и состоялось, то оно произошло до 1 декабря 1379 г., когда был освящен Успенский монастырь на Дубенке, т.е. гораздо раньше Куликовской битвы. Определяя возможное его время, он связал эту встречу с кануном сражения с татарами на р. Воже 11- 12 августа 1378 г. Битва эта, как известно, происходила в канун праздника Успения Богородицы (15 августа), окончилась победой русских полков, и понятно, что созданная по обету церковь должна была быть посвящена именно ему. Отсюда он сделал вывод, что свидание игумена Троицкого монастыря с великим князем состоялось накануне не Куликовской битвы, а сражения на р. Воже.⁹⁸ Позднее он попытался определить вероятное время этой встречи - в 20-х числах июня - начале июля 1378 г., тогда, когда примерно за полтора месяца до сражения в Москве стало известно о движении татар на Русь.⁹⁹

Впрочем, эта версия вскоре была оспорена. В 1990 г. Н.С. Борисов отметил в ней серьезный изъян, обратив внимание на опубликованную еще в середине XIX в. статью М.В. Толстого об Успенском Дубенском монастыре. Суть ее сводилась к тому, что Нико-

⁹⁶ Изложение этого эпизода в Житии Сергия см.: *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 369 - 370.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 137 - 138.

⁹⁸ *Кучкин В.А.* О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М., 1988. С. 100 - 116; *Он же.* Свидание перед походом на Дон или на Вожу? // Наука и религия. 1987. № 7. С. 50 - 53.

⁹⁹ *Кучкин В.А.* Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 87.

новская летопись, источник очень близкий к "Сказанию", дважды упоминает Дубенский монастырь - под 1379 г. и в тексте "Жития" Сергия, помещенного под 1392 г. В обоих случаях говорится об основании обители. Но есть и существенная разница. В известии 1379 г. сообщается, что игуменом нового монастыря был назначен Леонтий, а судя по тексту "Жития" - Савва, оба из учеников Сергия Радонежского.¹⁰⁰ Анализируя эти известия, М.В. Толстой пришел к выводу, что речь идет о двух совершенно разных монастырях - Дубенском Стромынском (в 30 верстах на юго-восток от Лавры) и Дубенском Шавыкинском, "на острове" (в 40 верстах к северо-западу от Лавры). Первый из них был основан до Куликовской битвы, второй - после, во исполнение обета, данного великим князем. Эти обители объединяло лишь то, что главные храмы в обоих монастырях были в честь Успения богородицы, да одинаковое, весьма распространенное, название двух речушек. Второй из Дубенских - Шавыкинский монастырь находился в лесной глуши и позднее запустел. Но следы его сохранялись еще в середине XIX в. и именно их обнаружил М.В. Толстой.¹⁰¹

Попытался Н.С. Борисов опровергнуть и другие аргументы В.А. Кучкина и В.Л. Егорова. Как яркий пример "ненадежности" отнесения свидания великого князя с Сергием именно к 1380 г. обычно относят упоминание в нем фигуры митрополита Киприана, отсутствовавшего в это время в Северо-Восточной Руси. Действительно, если поздняя Никоновская летопись датирует приезд Киприана в Москву 3 мая 1380 г., то целый ряд ранних летописных сводов, включая реконструированную М.Д. Приселковым Троицкую летопись, относят это событие к 1381 г., т.е. после Куликовской битвы. Однако в 1987 г. Ф.М. Шабульдо, на наш взгляд, достаточно убедительно показал, что Киприан все же летом 1380 г. находился в Москве.¹⁰²

Упоминание в летописном перечне погибших имени Александра Пересвета без добавления слова "чернец" легко объясняется тем, что летописец, вероятно, человек церковный, счел неуместным поместить указание на духовный сан монаха среди убитых воевод.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 44 - 45, 144 - 145.

¹⁰¹ Толстой М.В. Несколько слов об Успенском Дубенском монастыре // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1860. Кн. 1. Раздел 1. С. 45 - 50. На рубеже 1990-х годов С.З. Чернов провел раскопки на месте этой обители: Чернов С.З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV - XVII вв. М., 1995. С. 123 - 182.

¹⁰² Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 122 - 127.

Посылка же Сергием Радонежским грамоты на Дон вовсе не отрицает факта поездки великого князя к Троице, хотя бы потому, что эта поездка предшествовала отправке грамоты.

18 августа 1380 г. действительно приходилось не на воскресенье, а на субботу. Но, по мнению Н.С. Борисова, Дмитрий едва ли ездил в Троицкий монастырь "одним днем". Более естественно предположить, что он прибыл к Троице в субботу 18 августа, переночевал и на другой день, в воскресенье, отстояв обедню, отправился назад. При этом в подтверждение того, что свидание состоялось именно в середине августа, он специально обратил внимание на то, что перед отъездом из обители Пересвета и Осляби на подмогу великому князю, Сергей Радонежский возложил на них схиму. Схимой именуется монашеское одеяние, в которое облачались монахи, принявшие схиму - высшую монастырскую степень, знаменующую полное отречение от мирской жизни. Принятие схимы сопровождалось наречением нового имени. Обычно оно давалось по имени того святого, память которого праздновалась церковью в день совершения обряда или в один из соседних дней. "Вблизи" 18 августа можно найти и Андрея - это имя получил Ослябя (19 августа - святой воин-мученик Андрей Стратилат) и Александра, которое взял Пересвет (12 августа - епископ-мученик Александр Команский). Да и сами имена инокам-воинам Сергей, вероятно, дал со смыслом. По-гречески Александр - "защитник", Андрей - "мужественный".

Но не все доводы Н.С. Борисова убедительны. По его расчетам, Дмитрий покинул Троицу 19 августа. За 7-8 часов непрерывной скачки он мог достигнуть лишь Москвы. Пространная летописная повесть сообщает, что русская рать 20 августа вышла из Коломны. Достичь ее в этот день Дмитрий никак не мог и Н.С. Борисов в своей работе предположил, не приводя никаких аргументов, что русская рать, действительно, 20 августа двинулась на врага, но только не из Коломны, а из Москвы.¹⁰³ Очевидно, историк и сам чувствовал слабость своей позиции по этому пункту.

Поэтому В.А. Кучкин, продолжал настаивать на своей прежней позиции и выдвинул в ее защиту ряд новых доводов, самым существенным из которых явилось то, что Дубенский Шавыкинский монастырь, поставленный в честь Куликовской битвы, был посвящен Успению Богородицы - празднику, незадолго до которого произошло сражение на р. Воже. Разгром Мамай приходился на другой церковный праздник - Рождества богородицы (8 сентября). В селах, возникавших на Куликовом поле, ставились церкви в честь не Успения, а Рождества богородицы, напоминавшие о победе 1380 г.

¹⁰³ Борисов Н.С. И свеча бы не угасла... М., 1990. С. 224 - 230.

Поэтому монастырь в честь победы над Мамаем должен был иметь другое посвящение.¹⁰⁴

Подобная разногласия среди историков, не могущих решить вопрос - когда же все-таки состоялось свидание Сергия Радонежского с Дмитрием Донским? - открывает свет различным "новым" теориям. В качестве примера сошлемся на статью нижегородского автора Н.Д. Бурланкова, в которой он предпринял попытку доказать, что произведения Куликовского цикла описывают не битву на Дону, а относятся к сражению на р. Воже.¹⁰⁵ Отсюда один шаг до "сочинений" А.Т. Фоменко с соавторами, переписывающих не только русскую, но и всемирную историю, в которых целая глава посвящена Куликовской битве и где "доказывается", что она происходила чуть ли не под стенами Москвы.¹⁰⁶

У каждого исторического события есть три основные координаты - время, место, участники. Следует признать, что самым слабым звеном для Куликовской битвы является именно хронология. В этом легко убедиться, если сравнить, как датируют основные вехи похода Дмитрия на Дон разные произведения Куликовского цикла. "Задонщина" и Краткая летописная повесть, содержащаяся в Рогожском летописце, знают лишь одну точную дату - день самой битвы - субботу 8 сентября "на Рождество святая богородицы".¹⁰⁷ Пространная летописная повесть, содержащаяся в IV Новгородской летописи, сообщает, что русская рать вышла из Коломны 20 августа. Переправа через Оку состоялась "за неделю до Семена дни", приходящегося на 1 сентября, и происходила в "день недельный", т.е. воскресенье. Сам Дмитрий перебрался со "своим двором" через реку в понедельник. Легко установить, что это были 26 и 27 августа.¹⁰⁸

Количество дат, имеющих в "Сказании о Мамаевом побоище", больше. Различные редакции "Сказания" (Основная, Киприановская, Распространенная) фиксируют следующие события. Рассылка призыва Дмитрия к всеобщему ополчению. Грамота с ним была написана в Москве 5 августа. В воскресенье 18 августа, "на Флора и Лавра", состоялась поездка Дмитрия к Троице. Выход рати из Москвы датируется четвергом 27 августа, "на память святого отца

¹⁰⁴ Кучкин В.А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 86 - 87.

¹⁰⁵ Бурланков Н.Д. Куликовская битва или битва на Воже? // Российский исторический журнал (Балашов). 1998. № 4. С. 41 - 48.

¹⁰⁶ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. Т. 1. М., 1995. С. 245 - 282.

¹⁰⁷ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 11, 14.

¹⁰⁸ Там же. С. 18, 20.

Пимина Отходника". В Коломну Дмитрий пришел в субботу. На следующий день, т.е. в воскресенье, в Коломне состоялся смотр войск на Девичьем поле. Переправа через Оку происходила в воскресенье, а сам Дмитрий переправился в понедельник. Здесь возможны два варианта - или 6-7 сентября, если Дмитрий дошел левым берегом Оки до устья Лопасни (но тогда не остается времени на переход от Оки к Дону), или же переправа совершалась непосредственно у Коломны, в день выхода из города, т.е. 30 августа. Битва произошла в пятницу 8 сентября.¹⁰⁹ Имеются и разночтения. Так, Киприановская редакция помечает приход войск в Коломну субботой 28 августа (на память Моисея Мурина). Взяв еще один источник - так называемый Печатный вариант Основной редакции, увидим совершенно иные даты: Сергия Радонежского Дмитрий посетил 18 августа, из Москвы он вышел в четверг 21 августа, на Коломну пришел в среду 28 августа и вышел из нее в четверг 29 августа. Битва состоялась в воскресенье 8 сентября.¹¹⁰ Как видим, даты различных редакций "Сказания" разнятся между собой.

Составив небольшую табличку в виде календаря на август и начало сентября 1380 г. и сопоставив только что приведенные даты, мы приходим к выводу, что ни один из указанных дней недели не совпадает с реальным днем, на которое падало то или иное число.

Дни недели	Август - сентябрь 1380 г.						
Понедельник		6	13	20	27	3	10
Вторник		7	14	21	28	4	11
Среда	1	8	15	22	29	5	12
Четверг	2	9	16	23	30	6	13
Пятница	3	10	17	24	31	7	14
Суббота	4	11	18	25	1	8	15
Воскресенье	5	12	19	26	2	9	16

Все это, по идее, должно свидетельствовать о несоответствии реальности всех дат, приведенных "Сказанием" и еще одним доводом в пользу того, что оно является абсолютно ненадежным источником, и доверять ему нельзя. Но сделать столь категоричный вывод нам мешает одно обстоятельство. Можно еще понять, с какой целью, и по каким причинам составители "Сказания" включали в него тот или иной эпизод. Но остается совершенно непонятным, зачем им нужно было "фальсифицировать" даже не сами даты, а только дни недели, на которые они приходились. Какой смысл был в том, чтобы приурочивать дату битвы вместо субботы на пятницу

¹⁰⁹ Там же. С. 31, 34, 41, 57, 58, 81 - 83, 85, 89, 96.

¹¹⁰ Там же. С. 108, 109, 112, 119.

или воскресенье?

Л.В. Черепнин честно признавался, что не может дать разумное объяснение отмеченному нами выше факту.¹¹¹ Спустя полвека найти разгадку попытались филологи. В 1998 г. вышла статья В.Н. Рудакова, в которой он сделал попытку отказаться от представлений о реальности большинства описываемых в "Сказании" событий и предположил наличие в памятнике некоторых более глубоких сакральных смыслов. В частности, он обратил внимание на символичность числа 8 для русского православия, в его связи с датой Куликовской битвы 8 сентября, совпадающей с праздником Рождества Богородицы. Выступление засадного полка, решившего исход битвы, "Сказание" относит к 8-му часу по тогдашнему счету. Но тогда на Руси, по мнению В.Н. Рудакова, в походе, на ходу не умели точно определять время.¹¹² Поэтому, по его мнению, эта цифра не отражает реального времени вступления в бой русских резервов, а является аллегорическим отражением идеи божественного предзнаменования и заступничества "небесных сил". Именно 8-й час

¹¹¹ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV - XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 605.

¹¹² Подобное утверждение не выдерживает критики. Уже в XIV в. на Руси довольно точно измеряли время в *часах*. Так, под 1386 г. псковская летопись сообщает о пожаре: "Погоре весь Псков..., а загорелось маяя в 8, в 6 час дни, а до 9-го часа весь град погоре" (Псковские летописи. Вып. 2. С. 29). Время определяли обычно по длине отбрасываемой человеком солнечной тени, измеряемой в стопах. Это довольно легко можно было сделать и в походных условиях. При этом использовался не привычный для нас астрономический час, а так называемый "косой", т.е. переменный час, когда светлое время суток делилось на 12 часов. В зависимости от времени года он мог иметь различную продолжительность. Об этом свидетельствует, в частности, опубликованный Я.Н. Щаповым псковский календарь-месяцеслов, в котором, помимо прочих календарных данных, на каждый месяц даются сведения о длине отбрасываемой солнечной тени, измеряемой в стопах на каждый из 11 часов дня (от 28 стоп утром и вечером в феврале до 1,5 стоп около полудня в июне). И хотя в опубликованном им календаре таблицы длины солнечной тени соответствуют более южным широтам (Константинополя и Иерусалима), они могли использоваться и на Руси, с поправкой на известный коэффициент (Щапов Я.Н. Календарь в псковских рукописях XV - XVI вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXVII. Л., 1983. С. 157 - 183; Латышев И.Н., Свирлова А.К., Симонов Р.А. Анализ астрономических данных псковского календаря XIV в. // Там же. С. 184 - 187)

должен был стать счастливым для русских ратников.¹¹³ Эти идеи чуть позже развил Р.А. Симонов. Он обнаружил, что 8 сентября 1380 г. приходилось на субботу, однако в "Сказании" указана пятница. "Может быть, - задает он вопрос, - пятница обуславливала «счастье» 8-го часа?" Очевидно, автор "Сказания" должен был руководствоваться каким-то древнерусским произведением о "счастливых" часах. Подобные сочинения известны: одним из них является текст "Часы на семь дней: добры и средни и злы", сохранившийся в списке XV в.¹¹⁴ Из него следует, что 8 час был "добрым" в пятницу, субботу и воскресенье, но только в пятницу был "добрым" и 7 час. Если учесть, что в "Сказании" бой начался до 8 часа, то ни суббота, ни воскресенье для него не подходили, поэтому оставалась именно пятница.¹¹⁵ Но все эти построения остаются не более, чем гимнастикой для ума, если мы вспомним, что другая редакция "Сказания" приурочивает битву к воскресенью.

В чем же здесь дело? Самым разумным объяснением отмеченного противоречия может быть только то, что неправильная "привязка" основных этапов похода московской рати к той или иной дате содержалась уже в тех первоначальных источниках, которыми пользовались редакторы "Сказания", составляя в XVI в. сводный текст памятника. В его тексте мы находим следы того, что редакторы "Сказания" уже столкнулись с этой проблемой и пытались хоть как-то решить ее.

Об этом говорит тот факт, что Основная и Распространенная редакции "Сказания" датируют выход рати Дмитрия из Москвы четвергом 27 августа. В Коломну войско прибыло в субботу. Если 27 августа (выход из Москвы) приходилось на четверг, то надо полагать, что в Коломну рать должна была прибыть 29 августа. Но в тексте этих редакций имеется указание, что появление Дмитрия в Коломне пришлось на день памяти "святого отца Моисея Мурина".¹¹⁶ По святцам, этот праздник приходится на 28 августа, т.е. на следующий день после выхода рати из Москвы. Это хорошо знал

¹¹³ Рудаков В.Н. "Духъ южны" и "осьмый час" в "Сказании о Мамаевом побоище" // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М., 1998. С. 135 - 157.

¹¹⁴ Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. М., 1863. С. 382 - 384.

¹¹⁵ Симонов Р.А. "Ведовские" мотивы "Сказания о Мамаевом побоище" в свете исторической психологии // История городов Московского края. Тезисы докладов II региональной конференции по истории Московской области, посвященной 70-летию Московского педагогического университета. М., 2000. С. 11 - 14.

¹¹⁶ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 34.

составитель Киприановской редакции "Сказания" и поэтому обозначил датой прибытия в Коломну именно этот день. Но преодолеть расстояние в сотню верст между Москвой и Коломной войску всего за одни сутки в XIV в. не было никакой возможности и поэтому составители Основной и Распространенной редакций "Сказания", хорошо зная путь между этими двумя городами, полагали, что он был пройден, как минимум, за полных два дня. Составитель Киприановской редакции, не зная, как Дмитрию удалось добраться до Коломны всего за день, просто не стал указывать время отбытия Дмитрия из Москвы.¹¹⁷

Но, предположив, что "неправильные" даты появились уже в первоначальных материалах, послуживших основой для "Сказания", мы должны выяснить вопрос - каким образом это произошло и, действительно ли эти "неправильные" датировки не соответствуют реальности?

Нет сомнений в том, что летом 1380 г. все русские княжеские дворы с замиранием сердца следили за приготовлениями Москвы и Орды к предстоящей схватке и чем она закончится. В этот судьбоносный для всей Руси момент резко активизируется деятельность разведки. Подтверждение этому мы находим в тексте все того же "Сказания". Великий князь Дмитрий отправляет посольство Захария Тютчева и помимо этого несколько "сторож" для провеживания замыслов Мамай. Московской стороне удалось выяснить, что соединение сил Мамай со своими союзниками Ягайло и Олегом Рязанским планировалось на берегах Оки 1 сентября 1380 г. Необходимо было предупредить соединение сил врага и, согласно Пространной летописной повести, уже 27 августа Дмитрий переправился через Оку и появился на рязанском берегу реки.

Но разведка имела не только у москвичей. Активные разведывательные мероприятия проводила и Рязань. Однако рязанская сторона не сумела правильно использовать полученную информацию. Получив сведения о выходе Дмитрия из Коломны и его движении в сторону Серпухова, рязанские бояре, очевидно, посчитали, что москвичи со своими союзниками будут обороняться на рубеже Оки. Но, не доходя до Серпухова, Дмитрий резко повернул на юг и в районе устья Лопасни переправился через Оку. Рязанский князь Олег, узнав, что Дмитрий с огромной армией москвичей и своих союзников внезапно появился уже на рязанском берегу Оки, у самой границы его владений, схватился за голову и начал упрекать своих бояр, в том, что они проглядели врага. Бояре, потупив голову, молча стояли перед своим князем, но затем признались, что получили известия о выходе рати Дмитрия за 15 дней до этого. Ки-

¹¹⁷ Там же. С. 57.

приановская редакция "Сказания" сообщает подробности этого совещания: «И глаголаша ему бояре его и велможи его: "Мы убо, господине, слышахом о сем за 15 дней и устыдехомся тебе поведати. Глаголют убо в вотчине его мниха некоего, именем Сергия... и тот мних вооружи его и повеле ему поити противу Мамаа"». ¹¹⁸ Более ранняя Основная редакция "Сказания" уточняет важную деталь - источник этой информации: "Нам, княже, *поведали от Москвы* за 15 днии..." (Выделено нами. - К.А.) ¹¹⁹

Когда состоялось это совещание в Рязани? Источники по этому поводу молчат. Однако не будет большой ошибкой, если приурочить его к 1 сентября или очень близкой к этому числу дате. Выяснение времени военного совета у Олега Рязанского для нас интересно лишь одним обстоятельством - когда в Рязани узнали о поездке Дмитрия Донского к Сергию Радонежскому? Воспользовавшись нашим календарем, отсчитываем от 1 сентября 15 дней назад. Искомой датой оказывается 18 августа - именно тот день, который указан "Сказанием" как дата поездки Дмитрия в Троицу. Но из того факта, что именно 18 августа в Рязани узнали о свидании великого князя с Сергием Радонежским со всей очевидностью вытекает и другой факт - в этот день Дмитрия просто не могло быть в Троице, а, следовательно, сама поездка состоялась раньше.

Когда? У нас имеется свидетельство, что визит Дмитрия в Троицу состоялся в воскресенье. Предположив, что рязанский информатор в своем донесении указал только день недели, приходим к выводу, что данное событие следует датировать воскресеньем 12 августа. То, что это событие состоялось именно в этот день, подтверждается и тем, что святцы в этот день содержат имя Александр, которое взял Пересвет при принятии схимы. В Рязани известие о нем получили 18 августа. Очевидно, именно этой датой было помечено донесение о поездке в Троицу. Позднейший летописец, составлявший рассказ о Куликовской битве, который позднее лег в основу "Сказания", не учел этого момента и датировал поездку Дмитрия 18 августа - тем днем, в который сообщение поступило в Рязань.

Но данное предположение останется всего-навсего гипотезой, если мы не сумеем подобным образом объяснить другие "несостыковки" дат в "Сказании". Выход войск Дмитрия из Москвы Печатный вариант Основной редакции датирует четвергом 21 августа. ¹²⁰ Отыскивая по календарю ближайший четверг перед этой датой, получаем 16 августа, т.е. следующий день после праздника

¹¹⁸ Там же. С. 59.

¹¹⁹ Там же. С. 35.

¹²⁰ Там же. С. 109.

Успения Богородицы, на который был назначен сбор ополчения. Основная и Распространенная редакции "Сказания" это событие датируют также четвергом, но уже 27 августа¹²¹ (Киприановская редакция молчит по этому поводу). Но и здесь нет никакого противоречия. Именно в этот день великий князь переправился через Оку и появился у рязанских пределов. Прибытие Дмитрия в Коломну практически все редакции относят к субботе¹²² (по нашему расчету 18 августа), лишь Печатный вариант - к среде (очевидно, 22 августа). Это можно объяснить тем, что, судя по имеющимся данным "Сказания", не все части ополчения смогли вовремя прийти в Коломну. Приход именно этих отрядов мог зафиксировать рязанский информатор в Коломне. Из текста "Сказания" нам известно, что перед входом в Коломну Дмитрия встретили воеводы на р. Северке (суббота 18 августа), на следующий день (19 августа) происходил смотр войск на Девичьем поле, а в понедельник великий князь приказал "всем людем сниматися". С этим полностью согласуются известие Пространной летописной повести о выходе ополчения из этого города 20 августа, а также рассказ Распространенной редакции "Сказания" о том, новгородцы, посланные в помощь Дмитрию, не застали уже Дмитрия в Москве, а их вестники, направившиеся вслед за ушедшим Дмитрием догнали того в Коломне только в воскресенье перед заутреней.¹²³ Датировка же самой битвы пятницей и воскресеньем, показывает, что об исходе сражения рязанский князь узнал только 14 - 16 сентября.

Выяснение действительной хронологии похода Дмитрия на Дон подводит черту под сомнениями в реальности событий, описанных в "Сказании". Важным представляется вывод о том, что при его составлении широко использовались материалы, основанные на донесениях рязанской разведки. Позднейшие редакторы не поняли того, что в них указывались даты получения информации и, не проверив по календарю, напрямую соотнесли их с описываемыми в них событиями. То, что эти материалы имели рязанское происхождение доказывает и то, что различные редакции "Сказания" возникают именно на рубеже XV - XVI вв. и тесно связаны с Никоновской летописью, созданной в 1526 - 1530 гг.¹²⁴ Составители первого действительно общерусского летописного свода, столкнувшись с весьма отрывочным описанием похода 1380 г. в московских летописях, не могли не заинтересоваться более полными ря-

¹²¹ Там же. С. 31, 83.

¹²² Там же. С. 34, 57, 85.

¹²³ Там же. С. 88.

¹²⁴ О времени создания Никоновской летописи см.: Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI - XVII вв. М., 1980. С. 49 - 51.

занскими материалами, которые стали доступны им только после того, как Рязань на рубеже XV - XVI вв. потеряла свою независимость - сначала де-факто, а затем и де-юре.

Определив дату свидания Дмитрия Донского с Сергием Радонежским в Троицком монастыре - 12 августа 1380 г. - мы снимаем все имеющиеся сомнения в том, что эта поездка состоялась именно накануне Куликовской битвы. Снимаются все вопросы - как мог великий князь "бросить" собравшееся войско на произвол судьбы и отправиться в Троицу в тот момент, когда надо было выступать против Мамаея. Решается и "проблема" одновременного присутствия Дмитрия сразу в двух местах - великий князь после визита имел достаточно времени, чтобы доехать до Москвы и выступить из нее 16 августа. Свидание Дмитрия с Сергием волей случая происходило ровно через два года после битвы на Воже и вполне понятно, что великий старец, увидев в этом Божественное провидение, основывает после Куликовской битвы новый монастырь не в честь самого сражения, пришедшегося на праздник Рождества богородицы, а отмечает ее Успение, в канун которого произошла столь судьбоносная встреча.

Князья Каргопольские

Убедившись в том, что рассказ "Сказания" о свидании Дмитрия Донского с Сергием Радонежским не является позднейшей выдумкой, а отражает историческую реальность, мы с большей долей вероятности должны признать и факт существования в эпоху Куликовской битвы тех белозерских князей, которые упомянуты в памятнике. Очевидно, следует полагать, что это были представители еще одной, третьей ветви белозерских князей. Она не была записана в ростовский синодик белозерских князей, видимо потому, что к моменту его составления выделилась фактически в отдельный род со своим родовым прозванием.

Каким образом эта ветвь попала сначала в "Задонщину", а затем в "Сказание о Мамаевом побоище"? В этой связи следует обратить внимание на ряд наблюдений исследователей относительно авторства "Сказания". Еще в 1983 г. Н.А. Мещерский предположил, что «автором "Сказания", по всей вероятности, был какой-либо церковник, хорошо знавший устав православного богослужения, в памяти которого живы были все события современности».¹²⁵ Вскоре эту мысль развил Р.Г. Скрынников, отметивший, что «скорее всего, "Сказание" было составлено в стенах Троице-

¹²⁵ Мещерский Н.А. Из наблюдений над текстом "Сказания о Мамаевом побоище" // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXVII. Л., 1983. С. 410.

Сергиева монастыря учениками и преемниками Сергия» в XV в. При этом позднее оно подверглось литературной обработке и приобрело свою окончательную форму вне стен монастыря. Эта версия хорошо согласуется с гипотезой Б.М. Клосса, предположившего в 1997 г., что автором "Сказания" являлся Митрофан, сначала постриженник Троице-Сергиева монастыря, затем архимандрит московского Андронникова монастыря, а позже епископ коломенский (1507-1518 гг.) При этом, по Б.М. Клоссу, время создания памятника, вероятнее всего, приходится на 1513 - 1518 гг., когда Митрофан возглавлял епископскую кафедру.¹²⁶

Для нас здесь интересно то, что именно с Троице-Сергиевым монастырем были связаны многие из потомков белозерских князей, участвовавших в Куликовской битве. Так, в Троицком пергаменном синодике значатся: князья Андрей, Иона, Софроний Андомские, Давыд Кемский.¹²⁷ Во вкладной книге обители были записаны роды князей Карголоминых и Кемских.¹²⁸ Все это может свидетельствовать о том, что белозерские князья, упомянутые в "Сказании" - реально существовавшие лица.

Можно ли попытаться восстановить родословие этой ветви белозерских князей? При почти полном отсутствии источников эта задача кажется неразрешимой, но, тем не менее, определенные зацепки у исследователя есть. Одной из них стала упомянутая нами выше находка в 1969 г. на Городище под Новгородом обломка свинцовой печати, на одной стороне которой имеется изображение св. Василия Кесарийского в окружении двустрочной надписи: "[Печа]те великого [князя Василия] Дмитриеви[ча]", а на другой - шестистрочная надпись: "Печ[ать] Кост[янти]на Ив[ановича] и Ва[силья Д]мит[рие]вич[а]". В.Л. Янин, описавший эту печать, справедливо полагал, что на лицевой стороне буллы упоминается сын Дмитрия Донского - великий князь Василий Дмитриевич, а на оборотной - князь Константин Иванович Копорский.¹²⁹ С этим выводом

¹²⁶ *Скрынников Р.Г.* Где и когда было составлено "Сказание о Мамаевом побоище"? // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 205 - 210; *Клосс Б.М.* Об авторе и времени создания "Сказания о Мамаевом побоище" // In memoriam. Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 253 - 262.

¹²⁷ Там же. С. 260.

¹²⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 42, 66.

¹²⁹ *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 268. Прим. 98; *Он же.* Актовые печати древней Руси. Т. II. С. 236 - 237, 240. № 447а. Впрочем, позднее В.Л. Янин изменил свои взгляды. По его мнению, на оборотной стороне печати, вместо союза "и" и первого слога имени "Ва[сильи]" следует читать: "Ива[на]". "При ее первоначальной публикации, - писал ис-

исследователя следует всецело согласиться.

Однако, при анализе данной печати В.Л. Янин прошел мимо одного любопытного вопроса, ответ на который в то время получен быть не мог - сколько лиц упомянуто на печати? Дело заключается в том, что на оборотной стороне буллы, кроме имени Константина Ивановича Копорского, снова видим имя Василия Дмитриевича. Был ли это Василий I? Вряд ли. Во-первых, имя Василия I с опре-

торик, - было высказано предположение, что одним из этих лиц был служилый новгородский князь Константин Иванович Белозерский, упоминаемый в этом качестве в 1393 - 1396 гг. Отсутствие титула в надписи печати говорит о том, что такая атрибуция вряд ли справедлива" (*Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Ук. соч. Т. III. С. 76). Основываясь на этом, А.В. Кузьмин попытался отождествить указанных на печати лиц с московскими боярами начала XV в., которые могли быть наместниками в Новгороде: Константином Ивановичем Добрынским и Иваном Дмитриевичем Зерновым. (*Кузьмин А.В.* Московские наместники Новгорода Великого в конце XIV - начале XV в. (заметки по древнерусской генеалогии и сфрагистике) // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции.* Ч. 2. Новгород, 1999. С. 161 - 163). Однако, у нас нет никаких сведений источников о том, что указанные бояре были связаны с Новгородом и могли являться здесь великокняжескими наместниками. Нельзя согласиться и с интерпретацией печати, отрицающей то, что здесь помещено имя князя Константина Ивановича Белозерского, на основании того, что на ней не указан княжеский титул. В предыдущей главе мы отмечали, что князья, переходя на московскую службу в XIV в., как правило, утрачивали титул. Аналогичное явление было характерно в это время и для белозерских князей на новгородской службе. Оно прослеживается на материалах сфрагистики. Ниже мы будем говорить о печати с надписью: "Печать Романова Михайловича". В.Л. Янин, справедливо связывает ее с именем князя Романа Михайловича Белозерского (*Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 227 - 228; *Он же.* Новгород и Литва. С. 98 - 99; *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Ук. соч. Т. III. С. 73 - 74). Однако, княжеский титул здесь не указан. Поэтому верной представляется не вторая, а первая интерпретация В.Л. Яниным печати с именем князя Константина Ивановича Белозерского (Копорского). Очевидно, утрата белозерскими князьями княжеского титула на новгородской службе связана с их постепенным превращением в "слуг вольных". В этой связи любопытным представляется одно место из московско-тверского договора 1375 г., в котором упоминаются "бояре и слуги Новагорода Великого" (ДДГ. № 9. С. 27), из которого явствует, что "слуги вольные" служили не только князьям, но и Великому Новгороду. Не идет ли здесь речь именно о белозерских князьях?

делением "великий князь" уже имеется на лицевой стороне печати, а, во-вторых, даже если предположить, что он упомянут также и на оборотной стороне буллы, то его имя должно было бы стоять перед именем Константина Ивановича. Таким образом, судя по всему, здесь имеются имена трех лиц - на лицевой стороне: великого князя Василия I Дмитриевича, а на оборотной: князя Константина Ивановича Копорского и равного ему по статусу некоего Василия Дмитриевича.

Данная загадка смогла быть разрешена только после публикации С.В. Коневым в 1995 г. Ростовского соборного синодика, содержащего поминание белозерских князей. В нем мы, действительно, находим имя князя Василия Дмитриевича.¹³⁰ Он несомненно принадлежал к роду белозерских князей, но в составленное нами на основе синодика их родословие не вошел, поскольку в нем отсутствует его отец.

Определяя родословие загадочного Василия Дмитриевича из рода белозерских князей, вполне логично предположить, что он самым тесным образом был связан с Новгородом, поскольку именно здесь была обнаружена печать с его именем. Но в новгородских летописях о нем нет никаких упоминаний. Все же у нас остается надежда, что такие же тесные контакты с этим городом имел его отец Дмитрий и уж его имя встретится на страницах новгородского летописания.

Действительно, пролистывая новгородскую летопись, мы обнаруживаем имя его отца. Под 1311 г. она сообщает: "В лето 6819. Ходиша новгородци воиноу на Немецкую землю за море на Емь съ княземъ Дмитриемъ Романовичемъ..."¹³¹ Из этого известия становится понятным, что деда Василия Дмитриевича звали Роман. Двумя десятилетиями раньше он также упоминается новгородским летописцем, под 1293 г. сообщая: "Того же говенья посла великий князь Андреи князя Романа Глебовича... в мале новгородцовъ к городу свейскому..."¹³²

Судя по своему отчеству, Роман Глебович был не кем иным, как сыном родоначальника белозерских князей Глеба Васильковича. За это говорит и хронологический расчет времени жизни этих лиц. Таким образом выясняется, что в конце XIII - первой половине XIV в. службой с Новгородом была связана еще одна ветвь белозерских князей - Роман Глебович, его сын Дмитрий Романович и внук Василий Дмитриевич.

¹³⁰ Конев С.В. Ук. соч. С. 102.

¹³¹ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 93, 333.

¹³² Там же. С. 327 - 328.

В литературе, однако, достаточно давно и прочно утвердилось мнение, что упомянутые новгородской летописью князья Роман Глебович и его сын Дмитрий Романович, хотя и были отцом и сыном, но не являлись белозерскими князьями, а принадлежали к смоленскому княжескому дому: Роман Глебович считается князем брянским и смоленским, сыном Глеба Ростиславича, а его сын Дмитрий Романович отождествляется с одноименным брянским князем.¹³³ Эта точка зрения была высказана еще в 1895 г. исследователем Смоленской земли П.В. Голубовским и с тех пор никем не оспаривалась.¹³⁴

Между тем, здесь была допущена ошибка, основанная на том, что в условиях скудости летописных известий, исследователь отождествил живших в одно и то же время Романа Глебовича и Дмитрия Романовича Белозерских с носившими теми же имена и отчества Романом Глебовичем и Дмитрием Романовичем Смоленскими. В этом легко убедиться, если проследить летописные известия, связанные с последними.

Под 1285 г. говорится о походе князя Романа Брянского "ратью" к Смоленску,¹³⁵ а под 1300 г. находим известие о том, что в бою под Дорогобужем ранили князя Романа Глебовича, брата князя Александра Глебовича Смоленского.¹³⁶ Относительно Дмитрия Романовича летописец под 1334 г. сообщает, что князь Дмитрий Брянский с татарской ратью пришел к Смоленску на князя Ивана Александровича,¹³⁷ а под 1341 г. говорит о женитьбе московского князя Ивана Красного на дочери Дмитрия Брянского.¹³⁸

Положение князей, перешедших на службу к великим князьям, всегда было ниже статуса князей владетельных. Выше, говоря о белозерских князьях на службе в Новгороде, мы выяснили, что они были вынуждены пойти на этот шаг, будучи лишенными в результате политических интриг своих родовых владений. Между тем, судя по приведенным известиям, указанные князья на протяжении нескольких десятилетий самым активным образом были связаны с жизнью Смоленской земли, владели здесь своими уделами, и не имели никакого отношения к Новгороду. "Смешение" двух пар пол-

¹³³ Там же. См. указатель. С. 610, 633.

¹³⁴ Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 179, 187. В современной историографии тот же взгляд был высказан Д.Н. Александровым (*Александров Д.Н.* Смоленская земля в XIII - XIV вв. М., 1998. С. 67 - 68).

¹³⁵ ПСРЛ. Т. X. С. 166.

¹³⁶ Там же. С. 173.

¹³⁷ Там же. С. 206.

¹³⁸ Там же. С. 213.

ных тезок из белозерского и смоленского княжеских домов произошло впервые в Никоновской летописи, являющейся первым действительно общерусским сводом. Если же мы возьмем более ранние летописи, то увидим, что они никогда не смешивают эти две пары князей. Новгородский летописец прекрасно осведомлен о деятельности белозерских князей в Новгороде, но ему ничего не известно о деятельности их смоленских тезок, и наоборот, другие летописцы, знающие о деяниях смоленских князей, ничего не говорят о действиях белозерских князей в Новгороде. Если бы речь шла об одних и тех же лицах, новгородские и другие летописцы, безусловно бы, зафиксировали все эпизоды их жизни, как связанные с Новгородом, так и со Смоленской землей. Но этого мы не наблюдаем. Отсюда вытекает наш основной вывод: князя Роман Глебович и его сын Дмитрий Романович, чьи имена встречаются в новгородской летописи, не имеют ничего общего с одноименными им брянскими князьями.

Решив эту проблему, мы должны ответить еще на один вопрос - действительно ли Роман Глебович и Дмитрий Романович, упоминаемые новгородской летописью под 1293 и 1311 гг., принадлежали к белозерским князьям? С одной стороны, за это говорит схожая судьба этой линии с главной ветвью белозерских князей - так же как и последние, лишившись в конце XIII в. родовых владений, они вынуждены были служить сначала великому князю Андрею Александровичу, а затем Михаилу Тверскому. С другой стороны, их имена не вошли в Ростовский соборный синодик, нет их и в дошедших до нас родословцах.

Выше, говоря о генеалогии первых колен белозерских князей, мы отметили, что П.В. Долгоруков приписывал родоначальнику белозерских князей Глебу Васильковичу, кроме известных по родословцам Демьяна и Михаила, еще двоих сыновей: Василия и Романа Глебовичей.¹³⁹ А.В. Экземплярский, не обнаружив известий о них в летописи, сомневался в их существовании.¹⁴⁰ После того, как мы выяснили, что упоминаемый новгородской летописью под 1293 г. Роман Глебович не имеет ничего общего с Романом Глебовичем Брянским, выясняется, что прав все же был П.В. Долгоруков, использовавший в своей работе выписки из недошедших до нас родословцев, и то, что Роман Глебович был сыном Глеба Васильковича.

Другим сыном родоначальника белозерских князей П.В. Долгоруков называет Василия Глебовича. Реальность его существования позволяет подтвердить находка в последней четверти XX в. печат-

¹³⁹ Долгоруков П.В. Ук. соч. Ч. I. С. 217.

¹⁴⁰ Экземплярский А.В. Ук. соч. Т. II. С. 157.

ти, на одной стороне которой имеется конное изображение св. Георгия, а на другой - надпись о принадлежности: "Печать князя Васильева". Место находки буллы, к сожалению, осталось неизвестным, но сам принцип оформления печати тождествен тому, который применен при оформлении булл великокняжеских наместников в Новгороде, что позволило В.Л. Янину отнести данную печать к периоду новгородского княжения великого князя Юрия Даниловича Московского (1318-1322 гг.) Правда, сам В.Л. Янин полагал, что эта печать могла принадлежать князю Василию Сугорскому.¹⁴¹ Однако, ранее мы выяснили, что князь Василий Федорович Сугорский жил во второй половине XIV в., был убит в 1394 г. и тем самым не мог иметь ничего общего с владельцем печати, выпущенной в первой четверти XIV в. С учетом этого выясняется, что владельцем данной буллы вполне мог быть Василий Глебович, живший в конце XIII - первой четверти XIV в.

Находка печати Василия Глебовича дает основания полагать, что он самым тесным образом был связан с Новгородом и, очевидно, должен был получить в кормление от новгородских властей определенные владения. Где они располагались?

Выше, говоря о белозерских князьях на службе в Новгороде, мы отметили тот факт, что во второй половине XIV в. они имели владения в Копорье, от чего впоследствии эта ветвь их рода стала называться князьями Копорскими. Но с какого времени Копорье стало отдаваться новгородскими властями в держание князьям? Задавая аналогичный вопрос В.Л. Янин обратил внимание на известие новгородской летописи под 1333 г. о том, что приехавшему служить в Новгород сыну великого литовского князя Гедимина Наримонту (в крещении Глебу) новгородцы дали несколько городов, включая и половину города Копорья.¹⁴² Но при этом другая половина Копорья оставалась вне сферы власти Наримонта, она имела иной статус, и в ней, очевидно, должны были сидеть особые князья, находившиеся на новгородской службе.

Кто же владел этой половиной Копорья в начале XIV в.? Некоторые указания новгородской летописи позволяют думать, что этим городом в указанное время владел именно Василий Глебович. Под 1338 г. новгородский летописец сообщает о набеге немцев на Копорье. Он не принес им успеха: "вышедши копорьяне с Федоромъ Васильевичемъ, и биша я; и убиша ту Михея Копорьянена, мужа добра, а под Федоромъ конь раниша, нь самому не бысть пакости, выихале бо бяху в мале". Кем был упомянутый здесь Федор Васильевич? Судя по всему, в этом известии речь идет именно о вла-

¹⁴¹ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Ук. соч. Т. III. С. 73 - 74, 173. № 436и.

¹⁴² ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 346.

дельце второй половины Копорья. На эту мысль наводит продолжение данного летописного сообщения о том, что в это время "князь же Наримантъ бяше в Литве, и много посылаше по него, и не поеха, нь и сына своего выведе изъ Орехового, именемъ Александра, токмо намѣстникъ своих остави".¹⁴³ В этих условиях сопротивление врагу должен был возглавить именно владелец второй половины Копорья Федор Васильевич. Зная его отчество, а также о том, что в этот период служба носила наследственный характер, можно предположить, что он был сыном Василия Глебовича, который к тому времени уже умер. Таким образом выясняется, что, как и во второй половине XIV в., в начале этого столетия половиной Копорья владели все те же белозерские князья. Начало же их службы в этом городе мы относим к концу XIII в. и связываем его с событиями этого периода, когда в результате внутрисполитической борьбы сыновья князя Глеба Васильковича лишились своих родовых владений на Белоозере и должны были искать мест приложения своей деятельности за пределами Белозерского княжества. Любопытно в этой связи известие новгородской летописи о том, что в 1297 г. "поставиша новгородци городъ Копорью".¹⁴⁴ Очевидно, что возобновление копорских укреплений было связано с тем, что часть города была дана в держание сначала князю Василию Глебовичу. Затем это владение перешло к его сыну Федору Васильевичу.

Разбирая известие 1338 г. о набеге немцев на Копорье, следует обратить внимание на упоминаемый в нем факт участия в обороне города наряду с Федором Васильевичем некоего "Михея Копорьянина". Данная ситуация напоминает аналогичную, сложившуюся в бою под Псковом в 1394 г., когда в сражении были убиты князья Иван Константинович Копорский и Василий Федорович Сугорский. Это дает основания полагать, что в XIV в. половиной Копорья владели одновременно не один, а два представителя рода белозерских князей. Отсюда мы делаем предположение, что упоминаемый при описании событий 1338 г. "Михей Копорьянин" мог быть родным братом Федора Васильевича. Собственно полным именем Михея было: Михаил, поскольку первоначально в летописном тексте было написано: "Михаила", но буквы "а" и "л" оказались стертыми и он превратился в Михея.¹⁴⁵

С учетом сказанного родословие первых колен этой ветви белозерских князей мы можем представить следующим образом в виде небольшой таблички:

¹⁴³ Там же. С. 349.

¹⁴⁴ Там же. С. 328.

¹⁴⁵ Там же. С. 349. Прим. 11.

<u>I колено</u>	<i>№отца</i>
1. Глеб Василькович	
<u>II колено</u>	
2. Демьян Глебович	1
3. Михаил Глебович	1
4. Роман Глебович (уп. 1293)	1
5. Василий Глебович	1
<u>III колено</u>	
6. Дмитрий Романович (уп. 1311)	4
5. Федор Васильевич (уп. 1338)	5
6. Михаил (Михей) Васильевич (уб. 1338)	5
<u>IV колено</u>	
7. Василий Дмитриевич	6

Выяснив это обстоятельство, необходимо вновь вернуться к печенню белозерских князей, упоминаемых в "Сказании о Мамаевом побоище". Среди них видим следующих лиц: Федора Семеновича, Семена Михайловича, Андрея Кемского, Глеба Каргопольского и Цыдонского, не названных по именам Андомских князей.

Вопрос их "привязки" к основному родословию белозерских князей легче всего решается относительно последних. Анализируя составленное на основе Ростовского соборного синодика их родословное древо, видим, что в нем упоминается князь Андрей Андожский, живший приблизительно в первой четверти XV в. Его отцом и дядей были соответственно Юрий и Василий Ивановичи, сыновья уже неоднократно упоминавшегося нами князя Ивана Федоровича Копорского. Поскольку внук последнего упоминается с определением "Андожский", мы с большой долей вероятности можем отнести это определение и к Юрию и Василию Ивановичам. По хронологическому расчету поколений они жили как раз в эпоху Куликовской битвы, и, очевидно, именно они упоминаются "Сказанием" как неназванные по именам князя Андомские. Таким образом возникновение Андомского (или Андожского) удела Белозерского княжества мы должны датировать именно этим временем. Тем самым снимаются возражения Ю.К. Бегунова и В.А. Кучкина, относивших образование этого белозерского удела к 20-м годам XV в.¹⁴⁶

Относительно Кемского удела отметим, что в литературе было высказано суждение, что и он возникает не ранее XV в., хотя позднее в него В.А. Кучкиным было внесено уточнение, что он мог возникнуть и в конце XIV в. Однако, окончательно решить этот вопрос

¹⁴⁶ Бегунов Ю.К. Ук. соч. С. 493 - 495; Памятники Куликовского цикла. С. 205 - 206.

можно лишь при анализе всей совокупности источников, описывающих события 1380 г.¹⁴⁷

В свое время Л.А. Дмитриев отмечал, что до нашего времени дошло очень много списков "Сказания о Мамаевом побоище". Все они могут быть сгруппированы в отдельные редакции. Текст памятника, наиболее близкий к первоначальному авторскому тексту произведения, читается в основной редакции, которая сохранилась в нескольких десятках списков. Основная редакция, в свою очередь, разбивается на несколько вариантов. Именно один из таких вариантов, отличающихся тем, что в целом ряде случаев он сокращает текст "Сказания" за счет выпуска религиозно-риторических сравнений, отступлений автора, молитв великого князя, и был опубликован Л.А. Дмитриевым. Этот вариант был назван исследователем по одному из списков условно вариантом Михайловского, а всего для издания им было привлечено три списка этой группы.¹⁴⁸

К сожалению, для позднейших исследований и публикаций текста "Сказания" он не привлекался, хотя содержит довольно любопытные уточнения и, в частности, дает отчество князя Андрея Кемского. Прибытие белозерских князей к Дмитрию Донскому этот вариант описывает следующим образом: "И приидоша к Москве белоозерские князи: Феодор Семенович, да князь Семен, да князь *Андрей Иванович киевский*, да князь Глеб Каргапольский с вои своими вельми учрежено - доспехи на них и шеломы, яко вода колышет морскими волнами. По числу же с ними приидоша белозерские и каргопольския силы 30000".¹⁴⁹

Комментируя этот отрывок, Л.А. Дмитриев полагал, что надо читать не "киевский", а "кемский", как это указано в других вариантах Основной редакции "Сказания", а здесь перед нами явная опечатка.¹⁵⁰ Зная отчество Андрея Кемского, и обратившись к составленному на основе Ростовского соборного синодика родословию белозерских князей, легко определить, что единственно возможным его отцом мог быть только князь Иван Федорович Копорский, а сам Андрей Иванович, по хронологическому расчету, жил в эпоху Куликовской битвы.

Владелец Кемского удела не упомянут в ростовском синодике. Но выше мы видели, что в нем также не упомянут и Константин Иванович Копорский, несомненный сын Ивана Федоровича. Другое возражение Л.А. Дмитриева связано с тем, возникновение Кемского удела родословцы обычно соотносят с Семеном Васильевичем

¹⁴⁷ Памятники Куликовского цикла. С. 205 - 206.

¹⁴⁸ Русские повести XV - XVI вв. Л., 1958. С. 357.

¹⁴⁹ Там же. С. 21. Выделено нами.

¹⁵⁰ Там же. С. 359.

Кемским,¹⁵¹ чье имя фигурирует в ростовском синодике. Но никакого противоречия здесь нет. Судя по "Сказанию" на Куликовом поле погиб целый ряд белозерских князей, среди которых, очевидно, был и Андрей Кемский. В этой ситуации его удел оказывался выморочным и чуть позже мог достаться его двоюродному брату Семену Васильевичу, который и стал родоначальником всех последующих князей Кемских.

Загадочным остается происхождение упомянутого "Сказанием" первым из белозерских князей - князя Федора Семеновича. Ранее мы говорили о догадке Д.И. Иловайского, обратившего внимание на то, что следующим после Федора Семеновича "Сказание" называет Семена Михайловича. Данное обстоятельство позволило ему предположить, что в данном случае мы имеем дело с родственниками - отцом и сыном. Правда, историку не был известен ростовский синодик и, основываясь лишь на родословцах, он сделал неправильный вывод, что Федор Семенович был племянником убитого в 1380 г. князя Федора Романовича Белозерского.¹⁵²

Тем не менее, несмотря на явную ошибку, общий ход рассуждений историка следует признать верным. Подобно тому, как в битве с Мамаем участвовали отец и сын Федор Романович и Иван Федорович, в ней также могли принимать участие отец и сын Семен Михайлович и Федор Семенович. За это говорит сходство имен и отчеств.

Но являлся ли Семен Михайлович участником Куликовской битвы? Под 1377 г. русские летописи помещают статью "О побоище иже на Пьяне". Из нее становится известным, что летом этого года суздальский князь Дмитрий Константинович узнал о намечающемся походе татарского царевича Арапши на Нижний Новгород и послал с известием об этом гонца к своему зятю великому князю Дмитрию Ивановичу. Московский князь поспешил на помощь к тестю и пришел к Нижнему Новгороду "в силе велице", по выражению летописца. Но татар нигде не было, и не получая никаких известий о приближении врага, Дмитрий Иванович, немного постояв в Нижнем, возвратился в Москву. Тем не менее, все же было решено отправить в пограничье передовой отряд. Московский князь отрядил в него свои полки, "а князь Дмитрие Костянтинович посла сына своего князя Ивана, да князя Семена Михайловича, а с ними рати свои". Предстоящий поход казался воеводам легкой экскурсией. Летописец дает яркую картину беззаботности, царившей в русском войске: "они же оплошишася и в небрежении хожаху, доспехы своя въскладаше на телегы, а иные в сумы, а у иных и сулицы еще не

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Иловайский Д.И. Ук. соч. С. 19, 44.

насажены беху, а щиты и копыя не приготовлены, а ездеху и порты съ плеч спускавши, а мед пяху до пьяна и ловы деюще потеху себе творяху". Татары воспользовались практически полным отсутствием русской разведки и внезапно напали на воевод около реки Пьяны. В бою был убит князь Семен Михайлович, а сын суздальского князя Иван утонул в реке, когда во время бегства в полном вооружении попытался преодолеть водную преграду.¹⁵³

Из этого рассказа летописца видим, что князь Семен Михайлович погиб в 1377 г. и соответственно никоим образом не мог тремя годами позже принимать участие в Куликовской битве. Но каким же образом его имя всплывает в "Сказании о Мамаевом побоище"?

Мы уже говорили о том, что это произведение создавалось не по горячим следам событий 1380 г., а много позже. При этом его составитель пользовался различными источниками, послужившими основой для его повествования. Одним из таких источников являлись списки погибших. Указание на это находим в Пространной летописной повести. После краткого перечисления погибших автор повести замечает: "...и инии мнози, их же имена не суть писана въ книгах сих. Сии же писана быша князи токмо, и воеводы, и нарочитых и старейших боляръ имена, а прочьих боляръ и слугъ оставих имена и не писах ихъ множества ради именъ, яко число превосходить ми: мнози бо на той брани побъени быша".¹⁵⁴

Известно, что списки погибших содержались в синодиках, одним из которых являлся синодик московского Успенского собора. Именно в нем, очевидно, и была допущена в конце XIV в. ошибка: имя Семена Михайловича, в реальности погибшего в битве с татарами на реке Пьяне в 1377 г., оказалось в перечне убитых от Мамаю.¹⁵⁵ При этом данная неточность не была единственной: точно также в список погибших в 1380 г. попало имя Дмитрия Монастырева, в действительности павшего в битве на реке Воже в 1378 г.¹⁵⁶ Поэтому составитель "Сказания", обнаружив в синодике имя князя Семена Михайловича и твердо зная, что он был отцом князя Федора Семеновича, поместил его сразу же после сына в эпизоде прихода белозерских князей в Москву.

Некоторое сомнение в том, что Семен Михайлович, действительно, принадлежал к роду белозерских князей, может возникнуть при анализе летописного известия 1377 г.,¹⁵⁷ из которого явствует, что он служил суздальскому князю Дмитрию Константиновичу. Од-

¹⁵³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 193.

¹⁵⁴ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 22.

¹⁵⁵ Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Т. VI. С. 450 - 451.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 200.

¹⁵⁷ Там же. С. 193.

нако мы знаем, что Семен Михайлович был не единственным из белозерских князей, кто во второй половине XIV в. служил представителям суздальского княжеского дома. Ранее мы уже упоминали эпизод 1363 г., когда Дмитрий Константинович Суздальский задумал силой оспорить у Москвы великокняжеский титул и захватил Владимир. Но попытка эта не удалась и Дмитрий Константинович ровно через неделю вынужден был с позором ретироваться. Вместе с суздальским князем летописец называет и князя Ивана Белозерца, который "пришель бо бе из Мурутовы орды с 30-ю татарин-новъ".¹⁵⁸ Им был, как мы выяснили, князь Иван Федорович Белозерский (позднее Копорский).

Таким образом, у нас выстраивается следующая цепочка из трех поколений данной ветви белозерских князей: Федор Семенович (уб. 1380), его отец Семен Михайлович (уб. 1377) и дед Михаил. Определяя, кто из белозерских князей, носивших имя Михаил, мог быть дедом Федора Семеновича, мы сразу же должны исключить Михаила Глебовича Белозерского. Этот князь, скончавшийся в 1293 г., едва ли мог иметь сына, убитого в 1378 г., и внука, павшего в сражении против Мамаю. Искомую кандидатуру следует искать поколением ниже. Единственно возможным оказывается Михаил (Михей) Васильевич, погибший в бою против немцев под Копорьем в 1338 г.¹⁵⁹

Михаил (Михей) и его брат Федор в первой половине XIV в., как мы помним, держали половину Копорья. Но во второй половине XIV в. их здесь сменяют представители другой ветви рода - Иван Федорович и его сын Константин. Где же в это время находились потомки Михаила Васильевича?

Ответить на этот вопрос позволяет одно место из второй духовной грамоты великого князя Василия I, составленной в 1417 г. В ней он отдает следующее распоряжение: "Да свои же примысль даю ей (своей жене княгине Софье Витовтовне. - К.А.) на Белеозере слободка, што была княжа Васильева Семеновича".¹⁶⁰ Кем был упоминаемый здесь князь Василий Семенович? Очевидно, белозерским князем, поскольку его владения находились в этом районе. Определяя его происхождение, видим, что в белозерском княжеском доме нам известны два князя Семена. Но первый из них, князь Семен Васильевич Кемский, живший на рубеже XIV - XV вв., никак не мог быть отцом уже скончавшегося к 1417 г. князя Василия Семеновича. Поэтому единственно возможной фигурой отца последнего мог быть только князь Семен Михайлович, погибший в

¹⁵⁸ Там же. С. 182.

¹⁵⁹ Там же. Т. III. М., 2000. С. 349.

¹⁶⁰ ДДГ. № 21. С. 58.

1377 г. Таким образом, выясняется, что Василий Семенович являлся еще одним внуком Михаила (Михея) Васильевича и владел землями на Белоозере. Все это позволяет говорить о том, что во второй половине XIV в. этой ветви белозерских князей удалось возвратить себе родовые владения на Белоозере. Где же они находились?

В предыдущей главе мы обращали внимание на изображение "Родословного древа российских государей", написанное на сводах паперти соборной церкви Преображения Господня в московском Новоспасском монастыре. Среди лиц, изображенных в нем, имеется портрет некоего князя "Феодора Каргопольского". Определяя, кем мог быть этот князь, укажем, что среди белозерских князей XIV в. известны три Федора: Федор Михайлович, Федор Романович и Федор Семенович. Фигура первого из них, жившего в первой четверти XIV в., должна быть исключена, поскольку портрет "Феодора Каргопольского" помещен между изображениями "Иоанна Дмитровского" (им был, как мы выяснили, князь Иван Федорович Галицкий) и "Василия Михайловича" (которым являлся князь Василий Михайлович Кашинский). Они жили во второй половине XIV в., а, следовательно и "Феодор Каргопольский" должен был действовать в это же время.¹⁶¹ Из числа возможных лиц должен быть исключен и князь Федор Романович Белозерский. Он, хотя и жил в указанное время, но в источниках упоминается с определением "Белозерский". Таким образом, единственно возможным лицом, с которым можно отождествить князя "Феодора Каргопольского" остается князь Федор Семенович.

Данная идентификация подтверждается выяснением родственных связей последнего из упомянутых "Сказанием" белозерских князей - князя Глеба Каргопольского и Цыдонского. Исследователей смущало определение "каргопольский", применительно к этому князю. В литературе считается, что Каргополь никогда не входил в состав Белозерского княжества. Но история этого северного города представляет собой своеобразное "белое пятно" в отечественной историографии. О времени его основания никаких источников не сохранилось. Первым, кто пытался выяснить этот вопрос, был известный поэт XVIII в. Г.Р. Державин, когда в бытность свою правителем Олонецкого наместничества, объезжал вверенную ему территорию. Ему удалось обнаружить в местных архивах какие-то неясные следы местного летописания. В своей "Поденной записке,

¹⁶¹ И.С. [Снегирев И.М.] Родословное древо государей российских, изображенное на своде паперти соборной церкви Новоспасского ставропигиального монастыря. М., 1837. С. 434 - 435 (Отд. отт. из Журнала Министерства внутренних дел).

учиненной во время обозрения губернии..." 1785 г. он писал: "Начало построения города сего древность от нас скрыла, что же оный из числа старинных городов доказывает сие найденная в монастырских бумагах рукопись, в коей показуется, что жители сих мест... нападали на белозерские селения... все на ходу пожигали и опустошали, и сие дотоле продолжалось, доколе князь Вячеслав, собрав войска, отразил нападение чуди и, победа, гнал оную до берегов Белого моря. На обратном пути... нашед поле, удобное для отдохновения... назвал князь оное каргиным полем и учредил на оном свой стол... россияне сделали на поле том острог, знаки коего и доныне видны".¹⁶² Следы этой рукописи прослеживались еще в 1863 г. Но позднее она исчезла, будучи проданной на распродаже имущества ее владельца.¹⁶³

В литературе Каргополь относят к числу древнейших поселений на севере России, хотя прямых указаний на время его основания в летописях нет. Считается, что первое достоверное известие о нем в общерусских сводах встречается под 1447 г., когда сюда во время феодальной войны бежали князь Дмитрий Шемяка и князь Иван Можайский, захватившие с собой мать Василия Темного - великую княгиню Софью Витовтовну.¹⁶⁴ Древность Каргополя подтверждают и археологические разведки, в результате которых здесь были обнаружены слои XIV - XV вв.¹⁶⁵ Вместе с тем, остается неясной его государственная принадлежность. На исторических картах территория Каргополя и его округа обычно помечается как новгородская. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что в литературе все же осторожно было высказано мнение о том, что "предполагается, что первоначально Каргополь зависел от Белозерского княжества, затем в XIV - XV вв. перешел под власть Новгорода".¹⁶⁶ Но оно не получило поддержки.

Поэтому Л.А. Дмитриев, зная из родословцев о существовании Карголомского удела Белозерского княжества, предлагал читать в определении титула князя Глеба вместо "каргопольский" -

¹⁶² Цит. по: *Гемп К.П.* Каргополь. Архангельск, 1968. С. 17 - 18.

¹⁶³ *Докучаев-Басков Ф.К.* Каргополь. 1146 - 1996. Архангельск, 1996. С. 5.

¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. XXVIII. М.; Л., 1963. С. 109, 277. См. также: *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 2. СПб., 1865. С. 509.

¹⁶⁵ *Суворов А.В.* Археологические исследования сезона 1995 г. на соборной площади города Каргополя // Каргополь. Историческое и культурное наследие. Сб. трудов. Каргополь, 1996. С. 40 - 49; *Едовин А.Г.* Средневековые коллекции Каргополя // Исторический город и сохранение традиционной культуры. М.; Каргополь, 1999. С. 121.

¹⁶⁶ *Гунн Г.П.* Каргополье - Онега. 2-е изд. М., 1989. С. 16.

"карголомский".¹⁶⁷ Но согласиться с этим нельзя, хотя бы потому, что опубликованный исследователем текст "Сказания" по варианту Михайловского прямо указывает на принадлежность Каргополя к Белозерскому княжеству, когда сообщает, что вместе с белозерскими князьями к Дмитрию Донскому "приидоша белозерские и каргопольския силы".¹⁶⁸ Более того, в начале данной главы мы упомянули известие о том, что в 1378 г. на озеро Лаче был сослан некий поп, действовавший в интересах сына последнего московского тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова и захваченный перед сражением с татарами на р. Воже.¹⁶⁹ Устюжский летописный свод уточняет, что узник был сослан именно в Каргополь.¹⁷⁰

Эти свидетельства источников позволяют говорить о том, что в XIV в. Каргополь входил в состав Белозерского княжества и определение Глеба князем каргопольским соответствует действительности. К сожалению, источники не указывают его отчества. Но, судя по времени жизни, а также тому, что он носил тот же титул князя каргопольского, что и Федор Семенович, князя Глеба можно признать его братом и, соответственно, сыном князя Семена Михайловича.

"Сказание" именует Глеба князем "каргопольским и цыдонским". Но выше мы видели, что позднейшие переписчики памятника в определениях князей допускали описки. Вероятно, определение "цыдонский" является одной из них. В.А. Кучкин выяснил, что в ряде списков "Сказания" оно фиксируется как "ундонский".¹⁷¹ Это позволяет выяснить, что Глеб был удельным князем каргопольским, а центр его владений располагался в сохранившемся до сих пор старинном селе Ундоозеро к северо-западу от Каргополя.¹⁷²

Выявление еще одной ветви белозерского княжеского дома - князей Каргопольских позволяет нам составить полное родословие

¹⁶⁷ Русские повести XV - XVI вв. С. 359. Любопытно отметить, что каргопольский краевед начала XX в. П. Пятунин полагал обратное - по его мнению, в XIV в. Каргополь был известен под именем Карголома и составлял удел князей Карголомских (*Пятунин П.* Каргопольщина в прошлом и настоящем. Географические, исторические и этнографические очерки. Каргополь, 1924. С. 20.)

¹⁶⁸ Русские повести XV - XVI вв. С. 21. Выделено нами.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 135 - 136.

¹⁷⁰ Там же. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 76 ("посла его князь великий в заточенье на Лачь озеро в Каргополе, а мех з зелием сожгоша").

¹⁷¹ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. См. указатель имен.

¹⁷² См.: *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909. Приложение: Погосты, станы и волости Поморского края в XVII в. С. 17, карта.

белозерских князей XIV в., которое представляется нам в следующем виде:

<u>I колено</u>		
1.	Глеб Василькович	
<u>II колено</u>		
2.	Михаил Глебович	1
3.	Демьян Глебович	1
4.	Роман Глебович	1
5.	Василий Глебович	1
<u>III колено</u>		
6.	Роман Михайлович	2
7.	Федор Михайлович	2
8.	Дмитрий Романович	4
9.	Федор Васильевич	5
10.	Михаил (Михей) Васильевич	5
<u>IV колено</u>		
11.	Федор Романович	6
12.	Василий Федорович	7
13.	Иван Федорович	7
14.	Василий Дмитриевич	8
15.	Семен Михайлович	10
<u>V колено</u>		
16.	Иван Федорович	11
17.	Юрий Васильевич	12
18.	Афанасий Васильевич	12
19.	Семен Васильевич	12
20.	Юрий Иванович	13
21.	Василий Иванович	13
22.	Константин Иванович	13
23.	Андрей Иванович	13
24.	Федор Семенович	15
25.	Глеб Семенович	15
26.	Василий Семенович	15
<u>VI колено</u>		
27.	Андрей Юрьевич	17
28.	Андрей Юрьевич	20
29.	Юрий Васильевич	21
<u>VII колено</u>		
30.	Владимир Андреевич	27?

Приобретение Белоозера московскими князьями

Прежде чем решить вопрос о времени и способе приобретения Белоозера московскими князьями, мы должны выяснить - какой статус имело Белозерское княжество во времена Ивана Калиты?

Мы видели, что в последней четверти XIII в. сыновья Глеба Васильковича Белозерского теряют свои родовые владения и переходят на службу у великого князя Андрея Александровича в Новгороде и Пскове. Между тем, в литературе существует мнение, что в начале XIV в. самостоятельность Белозерского княжества была восстановлена. Это утверждение основано на летописном известии под 1339 г. о князе Романе Михайловиче. По мнению В.А. Кучкина, упоминаемое летописцем прозвище князя "Белозерский", а также сам факт его поездки в Орду позволяет говорить о том, что перед нами вполне суверенный правитель, который ведет самостоятельную политику по отношению к Орде.¹⁷³ На взгляд историка, возобновление Белозерского княжества в XIV в. связано с тем, что князь Федор Михайлович женился в 1302 г. в Орде,¹⁷⁴ подкрепив свои отчинные права с ордынской помощью.¹⁷⁵

Но так ли это было на самом деле, как полагает В.А. Кучкин? Мы видели, что и сын, и внук Федора Михайловича по-прежнему оставались лишенными своих белозерских владений и поэтому связывать с его фигурой восстановление самостоятельного существования Белозерского княжества было бы весьма неосмотрительно. Для того, чтобы решить вопрос - каким образом это произошло, мы должны возвратиться к событиям начала XIV в.

Великий князь Андрей Александрович скончался в июле 1304 г. и был похоронен в своем стольном городе Городце. Ряд летописей, говоря о кончине Андрея, сообщают важное дополнение: "а бояре его ехаша во Тверь".¹⁷⁶ Очевидно, среди них был и Федор Михайлович Белозерский. Думать так позволяет известие о его втором браке на дочери некоего Дмитрия Жидимирича в 1314 г.¹⁷⁷ А.В. Экземплярский, указывая на отчество тестя белозерского князя и не зная, кем он был, осторожно предположил, что он, возможно, был новгородским боярином.¹⁷⁸ Однако, имя Дмитрия Жидимирича встречается в источниках. Он принадлежал к роду тверских бояр XIV в. Бибиковых.¹⁷⁹ Их родословие сообщает: "Приехал во Тверь к великому князю Михаилу Тверскому из Синие Орды татарин служить, а имя ему Жидимер, а сказывается он, что был сро-

¹⁷³ Кучкин В.А. Формирование. С. 305.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 527.

¹⁷⁵ Кучкин В.А. Формирование. С. 120.

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 393.

¹⁷⁷ Там же. Т. I. Стб. 529.

¹⁷⁸ Экземплярский А.В. Ук. соч. Т. II. С. 161.

¹⁷⁹ Кузьмин А.В. Генеалогия ростовских князей XIII - середины XIV в. // История и культура Ростовской земли. 1999. Ростов, 2000. С. 115 - 116.

дичь Синия Орды царем, а Жидимера сын Дмитрий..."¹⁸⁰ Таким образом выясняется, что в начале XIV в. князь Федор Михайлович Белозерский был самым тесным образом связан с Тверью.

Следующее по времени известие о белозерских князьях встречается под 1339 г., когда упоминается брат Федора - Роман Михайлович Белозерский. В этом году он ездил в Орду с князьями Александром Михайловичем Тверским и Василием Давыдовичем Ярославским. Рогожский летописец поместил лишь краткое сообщение об этой поездке: "Тако же пошли въ Орду князь Василеи Давыдович Ярославский, князь Романчюкь Белозерский".¹⁸¹ Но другие летописи добавляют любопытные подробности.

Весной 1339 г. в Орду прибыл московский великий князь Иван Калита, где от хана Узбека, по выражению летописца, "честь велию приемшу". Подобное радушие татар, судя по всему, объяснялось огромными суммами серебра, которое Калита раздавал в Орде. Очевидно, "думую" Калиты хан приказал послать за тверским князем, а также Василием Ярославским "и по иных князей". Получив ханский вызов и зная, что в Орде находился его злейший противник, Александр Михайлович Тверской не спешил ехать к хану, а послал вместо себя сына Федора, чтобы тот узнал о положении дел. Известия от него пришли самые неутешительные: следуя наущениям Калиты, Узбек затаил гнев на тверского князя. Между тем, выбор у Александра Михайловича был невелик - или ехать в Орду на верную смерть или снова бежать из родного города, но при этом подвергнуть Тверь опасности татарского нашествия.

Тем временем Калита успел возвратиться на Русь и только тогда Александр Михайлович решился ехать, очевидно надеясь на то, что в отсутствие московского князя сумеет оправдаться. Вместе с ним отправились Василий Ярославский и Роман Белозерский. А.И. Копанев видел в спутниках тверского князя участников анти-московской коалиции. Поводом для такого утверждения послужило то, что Калита, узнав о поездке ярославского князя, распорядился послать отряд из 500 человек, чтобы перехватить Василия. Но последний сумел отбиться и прибыл в Орду. Туда же приехал и тверской князь. В ханской ставке его уже ожидали. Почти два месяца он пробыл в Орде, а 28 октября с сыном был казнен.¹⁸²

После 1339 г., т.е. поездки к хану, никаких упоминаний о Ромane Михайловиче нет. Это дало основание исследователям полагать, что и белозерский князь мог поплатиться жизнью, как поплатились

¹⁸⁰ Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. X. М., 1851. С. 202.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 52.

¹⁸² Там же. Т. X. С. 208 - 211.

Александр Михайлович Тверской и его сын Федор. "Не погиб ли он вместе с тверским князем?" - спрашивал А.И. Копанев.¹⁸³ Зная, что брат Романа - Федор Михайлович вторым браком был женат на представительнице тверского боярского рода, предположение о близости Романа к тверскому князю может выглядеть довольно убедительно, как и последующий логический вывод А.И. Копанева о том, что московский князь, одержав победу над своими врагами, постарался закрепить ее браком своей дочери с молодым княжичем еще недавно враждебного княжества. И, действительно, мы видим, что сын Романа Федор был женат на дочери Калиты.

Правда, позднейшие историки отметили, что недостаток исторических свидетельств не дает оснований для каких-либо категорических утверждений о возможной гибели Романа в Орде. Поскольку ездивший с ним Василий Ярославский прожил после этой поездки еще несколько лет (он был двоюродным братом Романа по женской линии), можно полагать, что Роман Михайлович все же избежал участи тверских князей. Впрочем, не исключена вероятность и того, что Роман Белозерский был настолько малозаметной фигурой, что просто мог не привлечь внимания летописца.¹⁸⁴

Но в действительности дело обстоит иначе. В предисловии мы говорили, что при скудости имеющейся источниковой базы, всего лишь один новый факт может перечеркнуть все, казавшиеся логически оправданными, прежние умозаключения. Именно это мы видим и в случае поездки белозерского князя в Орду в 1339 г.

В 1970 - 1980-е годы в Новгороде было найдено несколько печатей, содержащих на одной стороне конное изображение св. Георгия, а на другой надпись о своей принадлежности: "Печать Романа Михайловича". По весьма обоснованному предположению В.Л. Янина, ее следует связать с князем Романом Михайловичем Белозерским, который при великом князе Юрии Даниловиче Московском был связан службой с Новгородом.¹⁸⁵

Таким образом выясняется, что Роман Михайлович Белозерский по своим служебным интересам теснейшим образом контактировал не с Тверью, как можно было бы думать, а с ее злейшей соперни-

¹⁸³ Копанев А.И. Ук. соч. С. 25.

¹⁸⁴ Демин Л.М. Древнее Белоозеро. М., 1993. С. 56.

¹⁸⁵ О крайне прочной связи князя Романа Михайловича с Москвой может свидетельствовать и то, что оборотная сторона его печати с изображением скачущего всадника с копьем была оттиснута той же матрицей, что и печать князя Афанасия Даниловича, бывшего наместником своего брата Юрия в Новгороде. (Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 227 - 228; Он же. Новгород и Литва. С. 98 - 99; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Ук. соч. Т. III. С. 73 - 74, 173 - 174; № 436к, 441а).

цей Москвой. Более того, эта связь белозерских князей с Москвой возникла еще до того, как Калита получил великое княжение в 1328 г. - во времена старшего брата Калиты Юрия, а следовательно вхождение Белоозера в сферу московского влияния следует отнести к промежутку между 1314 г., когда Федор Михайлович Белозерский женился вторым браком на дочери тверского боярина, и 1325 г., в котором Юрий Московский погиб в Орде. Очевидно, эту датировку можно сузить. Видимо, после гибели в Орде осенью 1318 г. тверского князя Михаила часть белозерских князей, среди которых был и Роман Михайлович, переходят на службу к новому великому князю, которым стал Юрий Данилович Московский.

Этот вывод подтверждается другой находкой, сделанной приблизительно в то же время. Выше мы говорили о находке печати, на одной стороне которой имеется аналогичное конное изображение св. Георгия, а на другой надпись: "Печать князя Васильева". Принцип оформления буллы позволил В.Л. Янину отнести данную печать к периоду новгородского княжения великого князя Юрия Даниловича Московского (1318-1322 гг.)¹⁸⁶. Оказалось, что она принадлежала родному дяде Романа Михайловича - князю Василию Глебовичу.

После выяснения данных обстоятельств становятся более понятными некоторые детали поездки тверского князя в Орду в 1339 г. Вероятно, выждав, когда Калита возвратится из Орды, Александр Михайлович пригласил ехать с собой к хану Василию Ярославского, женатого на дочери Калиты Евдокии, и его сородича Романа Белозерского, служившего московскому князю. Брат последнего, как мы помним, занимал достаточно видное место при тверском дворе. Именно на их заступничество, вероятно, и надеялся тверской князь. Разумеется, это не могло понравиться Калите и он отправил ратников перехватить по дороге своего ярославского зятя и ехавшего с ним Романа Михайловича. Возможно, Калита опасался того, что зная изнутри о различных, иногда нелицеприятных, сторонах жизни московского двора, князь ненароком могли сообщить хану довольно любопытные подробности о его московском любимце. Но Александру Михайловичу так и не удалось противопоставить московскому серебру в Орде достойной замены. Вмешательство же приехавших с ним двух князей лишь отложило неизбежную развязку: Александр Михайлович был казнен не сразу по своем прибытии к хану, а лишь после долгих споров в Орде.

При анализе известия о поездке белозерского князя в Орду в 1339 г. и факта его службы московским князьям еще в первой половине 20-х годов XIV в. при Юрии Даниловиче для нас представ-

¹⁸⁶ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Ук. соч. Т. III. С. 73 - 74, 173. № 436и.

ляется важным другой вывод: "куплю" Белоозера, очевидно, следует отнести к тому времени, когда белозерские князья переходят на московскую службу, т.е. к промежутку между 1318 и 1322 гг.

Всякая сделка (а "купля" Белоозера таковой именно и являлась) предусматривает, как минимум, две стороны - продавца и покупателя. Кто из белозерских князей мог "продать" Белоозеро? В.Л. Янин, поставив этот вопрос, по сути выбирал всего лишь из двух известных по родословцам белозерских князей, живших в первой трети XIV в. Ему надо было найти современника Калиты. Поскольку Федор в последний раз упомянут летописью под 1314 г., т.е. задолго до вокняжения в Москве Ивана Калиты, оставалась возможной лишь фигура его брата Романа Михайловича, как раз являвшегося современником московского князя.¹⁸⁷ Отодвинув же время "купли" Белоозера на более раннее время - к 1318 - 1325 гг., мы нарушаем логичность выводов В.Л. Янина.

Напомним, что в предыдущих двух главах мы выяснили, что под "куплей" Мещеры и Галича следует понимать передачу тестем своему зятю приданого. Все это должно было сопровождаться заключением брака московского князя на представительнице белозерского княжеского дома. Попытаемся определить, кто же из известных нам белозерских князей, живших в первой трети XIV в., мог стать тестем московского князя? Роман Михайлович Белозерский родился до 1293 г. (его отец умер в указанном году). Следует полагать, что его рождение произошло незадолго до этой даты, поскольку его сын Федор Романович участвует в Куликовской битве 1380 г. Понятно, что к первой половине 20-х годов XIV в. у него не могло быть достаточно взрослой дочери, которую можно было бы выдать замуж. Относительно его брата Федора мы знаем о двух браках последнего в 1302 и 1314 гг. От первого брака к указанному нами времени у Федора Михайловича вполне могла иметься взрослая дочь.

Но кто же в данном случае "купил" Белоозеро? До сих пор, говоря о приобретении Галича, Белоозера и Углича, мы подразумевали под "покупателем" Ивана Калиту. Но применительно к Белоозеру он быть им не может. Первым браком московский князь был женат на Елене. Время заключения этого союза не известно, но произошло это, конечно же, раньше 1318 г., поскольку двумя годами раньше у Калиты родился Семен, будущий Гордый.¹⁸⁸

Здесь мы вступаем в определенное противоречие с указанием

¹⁸⁷ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 224; *Он же*. Новгород и Литва. С. 97.

¹⁸⁸ О времени рождения Семена Гордого см.: *Экземплярский А.В.* Ук. соч. Т. I. СПб., 1889. С. 80. Прим. 209.

духовной грамоты 1389 г. Дмитрия Донского, в которой он называет Белоозеро "куплею же деда своего".¹⁸⁹ Но никакого разногласия здесь нет - Дмитрий Донской нигде в своем завещании не говорит именно о Калите, а упоминает лишь "деда своего". Под этим определением мог пониматься как сам Калита, так и его братья. Для Дмитрия все они были дедами. Таким образом, нам следует искать одного из братьев Калиты, который во время великого княжения Юрия Даниловича Московского в 1318 - 1322 гг. женился на дочери одного из белозерских князей.

Кандидатура самого Юрия в данном случае также исключается: нам известно, что он был женат дважды - с 1297 г. на неизвестной по имени ростовской княжне, а затем сестре хана Узбека Кончаке (в крещении Агафьи), погибшей в 1318 г. в Твери. Из числа возможных отпадает и фигура их брата Александра Даниловича, умершего в 1308 г. Таким образом из известных по летописям сыновей Даниила Александровича Московского остаются лишь братья Калиты - Борис (ум. 1320 г.) и Афанасий (ум. 1322 г.) Даниловичи.¹⁹⁰ Один из них, действительно, мог в промежуток времени между 1318 и 1322 гг. жениться на белозерской княжне и в качестве приданого за ней получить земли на Белоозере. Однако, ситуация затрудняется тем, что летописи не дают известий о браках Бориса и Афанасия Даниловичей и мы точно не знаем, были ли они жена-ты.

Тем не менее, у нас все же есть возможность выяснить имя белозерской княжны. Обратившись к уже знакомому нам череповецкому синодику белозерских князей, видим, что после перечисления мужских имен в нем далее следует список из пяти женских, начинающийся именами "княгини Анны, Феодосьи". А.И. Копанев установил, что упомянутая второй Феодосия есть никто иная, как жена Федора Романовича Белоозерского, погибшего на Куликовом поле в 1380 г., и младшая дочь Ивана Калиты. Но кем была названная первой "княгиня Анна"? Поскольку ее имя названо впереди Феодосии, следует полагать, что по времени она жила раньше последней. Можно осторожно предположить, что ею была как раз та самая белозерская княжна, которая между 1318 и 1322 гг. вышла замуж за одного из московских князей.

Данное предположение получает серьезное подтверждение в тот момент, когда мы находим имя Анны в духовных и договорных грамотах московских князей XIV в. Впервые она упоминается в договорной грамоте 1348 г. Семена Гордого с братьями: "Или что мя благословила которыми волостями тетка моя, княгини Анна, Заяч-

¹⁸⁹ ДДГ. № 12. С. 34.

¹⁹⁰ См.: *Экземплярский А.В.* Ук. соч. Т. I. С. 69; Т. II. С. 635 - 637.

ковым..."¹⁹¹ Второй раз ее имя встречается в завещании Семена Гордого 1353 г., где читаем: "...Заячков, что мя благословила тетка моя, княгини Анна, и Гордошевичи..."¹⁹²

Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев, отмечая сам факт наличия у Семена Гордого "тетки Анны", не решались прокомментировать это место из его духовной грамоты.¹⁹³ Лишь только М.Д. Хмыровым было высказано предположение, что Анна являлась женой брата Калиты князя Афанасия Даниловича.

Сведений о последнем сохранилось немного. В 10-х годах XIV в. он являлся наместником своего старшего брата Юрия в Великом Новгороде. Здесь он упоминается начиная с 1316 г.: "тои же зимы, пред великим заговениемъ, приеха князь Юрьи в Новѣгород на стол с братомъ Афанасьемъ; и ради быша новгородци своему хотению... Поиде князь великий Юрьи из Новагорода, позван в Орду от цесаря, марта 15, в субботу Лазореву, оставив в Новегороде брата своего Афанасья..." В отсутствие Юрия начался военный конфликт новгородцев с великим князем Михаилом Тверским, вылившийся в новоторжское разорение. Борьбу новгородцев с Михаилом возглавил Афанасий Данилович. В 1318 г. "уби цесарь в Орде князя Тферьского Михаила, а великое княжение дасть Юрью... и присла князь Юрьи в Новгород брата Афанасья". Правление его здесь продолжалось до 1322 г., когда "преставися князь Афанасии, брат Юрьев, постригъся в черньци, и положиша и у святого Спаса на Городищи".¹⁹⁴ Данные летописей о пребывании Афанасия в Новгороде подтверждаются материалами сфрагистики - здесь были обнаружены печати, на одной из сторон которых - изображение св. Георгия на коне, а на другой - надпись: "Афанасия князя печать".¹⁹⁵

М.Д. Хмыров обратил внимание на известия новгородских летописей. Под 6835 (1326) г. Первая Новгородская летопись сообщала: "Того же лета постави церковь святой Богородицы Рожество архиепископ Моисии, в Десятине".¹⁹⁶ Но при более детальном изучении материалов новгородского летописания выясняется, что владыка не являлся храмоздателем, а лишь освятил храм. Вторая Новгородская летопись годом раньше, под 6834 (1325) г. по-

¹⁹¹ ДДГ. № 2. С. 12.

¹⁹² Там же. № 3. С. 13.

¹⁹³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 321. Прим. 365; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II (Тт. 3-4). М., 1988. С. 446.

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 94 - 96, 335 - 339, 457.

¹⁹⁵ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Ук. соч. Т. III. С. 75 - 76.

¹⁹⁶ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 98.

мещает известие о смерти прежнего новгородского архиепископа Давыда и поставлении Моисея. Далее под этим годом были записаны и другие события, так или иначе связанные с деятельностью нового владыки, взятые без разбора из последующих лет. Наше внимание привлекает первое из подобных известий: "Того лета постави княгиня Анна святую Богородицу на Торгу".¹⁹⁷ Это указание и позволило М.Д. Хмырову соотнести княгиню Анну, поставившую храм в Новгороде, с женой правившего здесь князя Афанасия Даниловича.¹⁹⁸ Очевидно, после смерти супруга она по-прежнему оставалась в Новгороде, занимаясь делами благочестия, и в память о покойном муже поставила церковь. Являясь женой брата Калиты,

¹⁹⁷ Там же. Т. III. СПб., 1841. С. 131. Прим. В. Сравнивая показания двух новгородских летописей, следует отметить разницу в определении местоположения церкви Богородицы: первая из них дает указание: "в Десятине", вторая: "на Торгу". И хотя в Новгороде существовали две разные церкви во имя Богородицы - одна из них, действительно, располагалась на Торгу, а другая - в Десятинном монастыре, речь в этих летописях в известии под 1325/26 г. идет об одном и том же храме в Десятинном монастыре. В этом легко убедиться, если посмотреть известия новгородских летописей о церкви Богородицы на Торгу. Последняя возникла гораздо раньше - в XII в. Под 1133 г. Первая Новгородская летопись сообщает: "И церкви сърубиша 2 деревянные на Търговищи: святую Богородицу и святого Георгия, при князе Всеволоде" (ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 23, 207). Спустя три года, в 1136 г., церковь Богородицы на Торгу была выстроена в камне: "В то же лето заложи в Новегороде князь Всеволод со архиепископомъ Нифонтомъ церковь камену святыа Богородица на торговищи" (Там же. С. 23, 208). Таким образом, княгиня Анна никак не могла заложить церковь, построенную несколькими десятилетиями раньше. То, что Вторая новгородская летопись помещает церковь Богородицы на Торгу, объясняется тем, что ее список, составленный на рубеже XVI - XVII вв., дошел до нас в весьма неисправном виде - его переписчик исказил первоначальный текст множеством ошибок, что было отмечено уже первыми издателями этого памятника. В нашем случае переписчик просто соотнес заложенный Анной храм с более знакомой ему церковью Богородицы на Торгу. Тем не менее, здесь для нас важно то, что, несмотря на обилие искажений, в основе памятника лежит текст, который дает массу новых любопытных подробностей и деталей по сравнению с Первой новгородской летописью (в данном примере - уточнение, что церковь Богородицы создавалась на средства Анны), которые мы игнорировать не имеем права.

¹⁹⁸ *Хмыров М.Д.* Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. Ч. I. СПб., 1871. № 377.

Анна соответственно приходилась и теткой Семену Гордому.

Мнение М.Д. Хмырова достаточно прочно утвердилось в литературе,¹⁹⁹ но позднее было подвергнуто критике со стороны В.А. Кучкина, посвятившего особую статью выяснению вопроса о происхождении тетки Семена Гордого. Историка смутило известие Четвертой Новгородской летописи, сообщающей под 1327 г., что не названная по имени "княгиня Святославля" поставила "церковь святою Богородицу" в Рождественском монастыре на Десятине.²⁰⁰ Данным определением, на взгляд В.А. Кучкина, исключается всякая возможность того, что эта княгиня была вдовой князя Афанасия Даниловича. Пытаясь выяснить, кем являлась упомянутая летописью "княгиня Святославля", он предположил, что речь должна идти о вдове великого князя тверского Святослава Ярославича, которую, возможно, также звали Анной.²⁰¹

Но если новгородская княгиня Анна не имеет отношения к московскому княжескому дому, то кем тогда была тетка Семена Гордого Анна? По мнению В.А. Кучкина в ней следует видеть "не упоминаемую источниками дочь первого московского князя Даниила Александровича, родную сестру Ивана Калиты, бывшую замужем за одним из рязанских князей".²⁰²

Однако, утверждение это не выдерживает критики. Предположение, что "княгиня Святославля" могла быть вдовой тверского князя Святослава Ярославича, крайне маловероятно по хронологическим соображениям. Известно, что Святослав Ярославич княжил в Твери в начале последней четверти XIII в. Летопись не сохранила известия о его кончине, но уже в середине 80-х годов XIII в. на тверском столе сидит его брат и преемник князь Михаил Ярославич.²⁰³ Реальность того, что его вдова (о существовании которой нет никаких данных ни в летописях, ни в родословцах) могла через четыре с лишним десятилетия после смерти мужа поставить церковь, оказывается чрезвычайно ничтожной.

В.А. Кучкин, анализируя состав волостей, которые упоминаются в духовных и договорных грамотах московских князей в одном контексте с княгиней Анной, приходит к выводу, что речь должна идти о рязанских владениях. Возможно это и так, но в XIV в. эти земли входили в состав Можайского княжества. Это хорошо видно на

¹⁹⁹ *Экземплярский А.В.* Ук. соч. Т. I. С. 84. Прим. 213; Т. II. С. 637. Прим. 2044.

²⁰⁰ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. I. Пг., 1915. С. 260.

²⁰¹ *Кучкин В.А.* Княгиня Анна - тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) М., 1993. С. 5 - 6.

²⁰² Там же. С. 9.

²⁰³ См.: *Экземплярский А.В.* Ук. соч. Т. II. С. 455 - 457.

примере волости Гордошевичи. По завещанию 1389 г. Дмитрий Донской отдавал своему сыну Андрею, помимо Белоозера, и Можайск "с отъездными волостями". "А се волости отъездные: Верей, Рудь, *Гордошевичи*..." - читаем в документе.²⁰⁴ В этой связи важно одно место из "Истории" В.Н. Татищева, использовавшего недошедший до нас список Никоновской летописи. Под 1322 г., говоря о смерти Афанасия Даниловича, он делает важное для нас уточнение: "Того ж лета преставися князь Афонасей Данилович Можайский в Великом Новеграде".²⁰⁵ Таким образом, тетка Семена Гордого Анна являлась, как справедливо полагал М.Д. Хмыров, женой князя Афанасия Даниловича.

Нам остается лишь объяснить непонятное на первый взгляд известие Четвертой Новгородской летописи, что храм в Новгороде поставила некая "княгиня Святославля". Очевидно, брак с Афанасием был для Анны не первым, а первоначально она была замужем за князем, носившим имя Святослав. Определяя, кем из русских князей, носивших это имя, мог быть первым мужем Анны, среди владельцев Можайского удела мы, действительно, находим Святослава. Речь идет о князе можайском и брянском Святославе Глебовиче, сыне Глеба Ростиславича смоленского. В 1310 г. он был убит своим племянником Василием Александровичем.²⁰⁶ От первого брака Анна имела дочь, носившую то же имя, и вышедшую впоследствии за князя Александра Михайловича Тверского.²⁰⁷ С учетом сказанного, становится понятным, почему новгородский летописец именовал ее не вдовой князя Афанасия, а назвал "княгиней Святославлей" - по ее первому браку, от которого она имела дочь. Отсюда со всей очевидностью вытекает и то, что ее второй брак являлся достаточно недолгим и был заключен сравнительно незадолго до смерти Афанасия Даниловича. Очевидно, вместе с рукой невесты Афанасий получил и определенные земельные владения на Белоозере, которые его внук Дмитрий Донской в 1389 г. назовет "куплями деда своего".

²⁰⁴ ДДГ. № 12. С. 34.

²⁰⁵ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. V. М.; Л., 1965. С. 80.

²⁰⁶ ПСРЛ. Т. X. С. 177.

²⁰⁷ *Муравьева Л.Л.* Летописание Северо-Восточной Руси XIII - XV вв. М., 1983. С. 253. Факт родства Анны с Александром Михайловичем Тверским, по нашему предположению, происходившей из белозерского княжеского дома, хорошо объясняет то обстоятельство, что последний, отправляясь в 1339 г. в Орду, пригласил с собой князя Романа Михайловича Белозерского. Находясь через Анну в родстве одновременно с московскими и тверскими князьями, тот мог выступить посредником между Александром и Иваном Калитой.

Но тот факт, что Анна в первом браке была замужем за князем Святославом Глебовичем (ум. 1310 г.) и имела от него дочь, делает невозможным предположение, что она являлась дочерью князя Федора Михайловича Белозерского, первый брак которого был заключен, как мы помним, в 1302 г. Но вместе с тем данное утверждение приводит нас к довольно категоричному выводу, что ни Федор Михайлович, ни его брат Роман - не мог быть отцом Анны, жены Афанасия Даниловича.

Дочерью какого из белозерских князей являлась Анна? Очевидно, им был один из князей каргопольской ветви белозерского княжеского дома. Думать так нас заставляют два наблюдения. Касаясь в предыдущей главе "Родословного древа российских государей", нарисованного на сводах паперти соборной церкви московского Новоспасского монастыря, мы установили, что изображенные на нем Иоанн Дмитровский, Василий Михайлович и Петр Дмитриевич были связаны родственными связями с московским княжеским домом. (Петр Дмитриевич - сын Дмитрия Донского, сидевший на уделе в Дмитрове. Василий Михайлович - кашинский князь, внук Семёна Гордого от его дочери Василисы. Иоанн Дмитровский - князь Иван Федорович Галичский, на дочери которого женился князь Андрей, младший сын Калиты.) Очевидно, и Федор Каргопольский, который отождествляется с князем Федором Семеновичем, также находился в родственных отношениях с московскими князьями.

Зная родословие каргопольской ветви белозерских князей, мы можем установить, что отцом Анны, вышедшей замуж за князя Афанасия Даниловича, был не кто иной, как прадед Федора Семеновича - князь Василий Глебович. Отсюда становится понятным, с чем был связан его переход в первой четверти XIV в. на московскую службу вместе с племянником Романом Михайловичем. С рукой Анны Афанасий Данилович получил в приданое и владения в Каргополе. Тем самым объясняется показание Устюжской летописи о том, что в Каргополь был сослан поп, действовавший в интересах сына последнего московского тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова и захваченный перед сражением с татарами на р. Воже в 1378 г.²⁰⁸ Как мы уже говорили, политических противников обычно ссылали не на вновь присоединенные территории, а на земли, которые принадлежали князьям достаточно давно. Именно таковым и был Каргополь, который ко временам Дмитрия Донского был московским владением уже несколько десятилетий.

География московских владений на Белоозере

Нам остается рассмотреть вопрос о географии московских вла-

²⁰⁸ ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 76.

дений на Белоозере. Духовная грамота Дмитрия Донского 1389 г. указывала, что Белоозеро отходило его сыну Андрею "со всеми волостями".²⁰⁹ Тем не менее, как выяснил В.А. Кучкин, московский князь распоряжался далеко не всеми землями Белозерского княжества. Частью из них по-прежнему владели потомки белозерских князей. Об этом прямо говорится в летописных сводах 1493 и 1495 гг., в которых указывается, что князя Андрею его отцом были даны "на Белеозере два города со всеми пошлинами, а неколи бысть Белозерское княжение великое".²¹⁰

В этом известии наше внимание привлекает запись о "Белозерском княжении великом". Как известно, белозерские князья никогда не являлись великими князьями владимирскими и поэтому не могли именоваться этим титулом. Но почему же так определяет Белоозерское княжение летописец конца XV в.? Так же как и в случае с Галичем, термин "княжение великое" по отношению к Белоозеру, означает не все княжество в целом, а лишь владения старшего "великого" князя по отношению к местным удельным князьям.²¹¹ Очевидно, московские князья к 1389 г. приобрели ту часть Белоозера, с которой был связан статус главного удела Белозерской земли. Местные, собственно белозерские князья, по-прежнему сидевшие в своих родовых владениях, вынуждены были подчиняться московскому князю, подобно тому, как они подчинялись своему старшему сородичу. При этом любопытно отметить, что таким образом они подчинялись не только Дмитрию Донскому, но и его сыну Андрею, который в целом ряде источников в первой трети XV в., также как и отец, именуется "великим князем".²¹² Вместе с тем, они даже в XV в. все еще сохраняли в своих владениях остатки княжеских прав, заключавшиеся в праве суда и сбора дани в своих землях.²¹³

Из летописных сводов 1493 и 1495 гг. видим, что Дмитрий Донской владел не всей территорией Белоозера, а лишь двумя белозерскими городками. По мнению В.А. Кучкина, данная запись летописца, хотя и противоречит показанию духовной грамоты Дмитрия, в которой говорится о передаче Белоозера "со всеми волостями", заслуживает доверия, ибо ее автор знал, что в конце XIV в. сущес-

²⁰⁹ ДДГ. № 12. С. 34.

²¹⁰ ПСРЛ. Т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 256 - 257, 335.

²¹¹ Кучкин В.А. Формирование. С. 308.

²¹² Лурье Я.С. Вопрос о великокняжеском титуле в начале феодальной войны XV в. // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 147 - 152.

²¹³ АСЭИ. Т. II. № 114. С. 71; № 210. С. 136; № 225. С. 147; Т. III. № 475. С. 459.

твовали не один, а два белозерских городка.²¹⁴

Где же они располагались? Обратившись к "Списку русских городов" конца XIV в., видим, что в нем, действительно, упоминаются "на Белеозере два городка". По мнению М.Н. Тихомирова, одним из них было старое Белоозеро, располагавшееся при выходе р. Шексны из Белого озера, а другим являлось "новое" Белоозеро, в 17 км от старого, на месте современного города Белозерска.²¹⁵ В историографии еще с XIX в. сложилось мнение, что перенос старого Белоозера на новое место был связан с эпидемиями 1352 и 1363 - 1364 гг.²¹⁶ Производившая на месте старого Белоозера многолетние (с 1949 по 1965 г.) археологические раскопки Л.А. Голубева описывала последние этапы существования города следующим образом. Вторая половина XIV в. стала временем упадка Белоозера. Страшные эпидемии чумы и неоднократные нападения новгородцев опустошили город. Часть оставшегося в живых населения в конце XIV в. переселилась на новое место, где в это время возникает современный Белозерск. Старый город запустел, а в начале XV в. полностью прекратил свое существование.²¹⁷ Примерно тех же взглядов придерживался и В.А. Кучкин, полагавший, что перенос города был связан с моровым поветрием 1352 г., когда все население старого города вымерло. Сосуществование двух белозерских городков, на его взгляд, продолжалось до 1398 г.²¹⁸ Действительно, под этим годом при описании событий московско-новгородской войны за Подвинье ряд летописей помещает известие, что новгородцы "старый городок Белозерский пожгоша, а из нового городка вышедши князи Белозерскийи и воеводы князя великого", которые дали новгородцам окуп в 60 рублей, с тем, чтобы они ушли прочь.²¹⁹

Таким образом в литературе довольно прочно утвердилось мнение, что в конце XIV в. московским князьям принадлежали два города - Старое и Новое Белоозеро. Но оно может быть оспорено.

²¹⁴ Кучкин В.А. Формирование. С. 308.

²¹⁵ Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 252.

²¹⁶ Экземплярский А.В. Ук. соч. Т. II. С. 152; Копанев А.И. История земле- владения. С. 14; Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV - XV вв. М., 1959. С. 79 - 81.

²¹⁷ Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X - XIII вв. М., 1873. С. 58, 196.

²¹⁸ Кучкин В.А. Города Северо-Восточной Руси в XIII - XV вв. (число и политико-географическое размещение) // История СССР. 1990. № 6. С. 77.

²¹⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 392.

Еще в 1951 г. Л.А. Голубева выяснила, что раскопки на старом Белоозере так и не выявили каких-либо остатков укреплений.²²⁰ Если это так, то говорить о том, что оно представляло собой город, не приходится. Между тем, летописные известия говорят именно о двух белозерских *городках*. Возникал парадокс - или ошиблись археологи, либо на Белоозере существовал другой, неизвестный нам город. Но последнее представить было невозможно и поэтому еще в 1959 г. А.М. Сахаров посчитал, что "Л.А. Голубева не привела никаких существенных доказательств, отвергающих подлинность летописных известий о наличии укреплений в Белоозере".²²¹ Но лишь только недавно выяснилось, кто же был все таки прав в этой полемике. Это было сделано С.Д. Захаровым. Обратившись к итогам работ Белозерской экспедиции 1949 - 1965 гг., он обратил внимание на то, что в ходе раскопок было выявлено чрезвычайно малое количество материалов XIV в. Привлечение новых археологических методов определения дат, появившихся лишь в последнее время, позволило ему пересмотреть датировку основных этапов развития города. Оказалось, что расцвет старого Белоозера необходимо относить ко второй половине XII - началу XIII в., т.е. к домонгольскому периоду. Во второй половине XIII в. город начинает приходить в упадок - прослеживается значительное сокращение застроенной площади. Размеры поселения XIV в. не идут ни в какое сравнение с территорией, которую город занимал во второй половине XII в.

Проанализировав летописные известия о эпидемиях 1352 и 1363 - 1364 гг.,²²² он пришел к выводу, что их данные не позволяют связывать моровые поветрия и перенос города. Более того, начатые в 1989 г. архитектурно-археологические исследования современного Белозерска показали наличие довольно мощного культурного слоя домонгольского времени. Следовательно, город Белозерск возник не в середине XIV в., как это считалось в литературе, а значительно раньше.

Подтверждение своим наблюдениям С.Д. Захаров нашел в правой грамоте, датируемой 1490 - 1492 гг. и составленной по судебному делу о принадлежности д. Крохинской, стоявшей на месте старого Белоозера, между Ферапонтовым монастырем и Белозерском. В текст грамоты включены еще три документа, подтверждавшие права монастыря на это владение.²²³ В ходе разбирательства сторонами были заслушаны свидетели из числа "старожиль-

²²⁰ Голубева Л.А. Древнее Белоозеро // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 41. М., 1951. С. 40.

²²¹ Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV - XV вв. С. 80.

²²² ПСРЛ. Т. X. М., 1965. С. 224; Т. XI. С. 3.

²²³ АСЭИ. Т. II. М., 1958. С. 311 - 314.

цев". Из их показаний выяснилось, что при князе Андрее Дмитриевиче (1389 - 1432 гг.) деревня Крохинская принадлежала сыну боярскому Гавриле Лаптеву, который жил даже не в самой д. Крохинской, а в соседнем селе Великом. Он умер бездетным и его владения, как выморочные, князь Андрей Дмитриевич взял "за себя". Далее была прослежена владельческая судьба имения и выяснилось, что в Ферапонтов монастырь д. Крохинская была дана сыном князя Андрея - Иваном Андреевичем в 1434/35 г. Все это позволило исследователю утверждать, что, по данным археологии, старое Белоозеро XIV в. должно быть названо скорее рядовым поселением, нежели городом.²²⁴ Отсюда мы можем сделать вывод, что оно не могло быть отдано в 1389 г. Дмитрием Донским своему сыну Андрею.

Данный факт вступает в прямое противоречие с показанием "Списка городов русских" и летописных сводов 1493 и 1495 гг. о наличии на Белоозере двух городков. В этих источниках названия городков не раскрываются. Это сделано лишь в позднейшей Устюжской летописи, которая под 1389 г. сообщает, что Дмитрий Донской "третьему сыну своему князю Андрею дать город Можаяск, а на Белоозере два города: Каргалом да Каргополь, а прежде того было Белозерское княжение".²²⁵ Местонахождение Каргополя известно. Где же находился Карголом? А.И. Копанев выяснил, что к востоку от современного Белозерска по актам XV - XVI вв. известна волость Карголома.²²⁶ Очевидно, где-то в этом районе, на южном берегу оз. Белого, и лежал город Карголом, давший название одноименной волости. Имя его упоминается составителем Никоновской летописи, помещающим под 1487 г. известие о том, что "князь великий Иванъ Васильевичъ всеа Руси царя Махметъ-Аминя изъ своей руки посадилъ на царство въ Казани, а коромолныхъ князей и улановъ смертию казнилъ и иныхъ коромолниковъ; а царя Алегамъ съ царицею послалъ князь великий въ заточение на Вологду, а мать его и братию его и сестры послалъ князь великий въ заточение на Белоозеро в Карголомъ".²²⁷

Но гораздо больший интерес для нас представляет другое известие, помещенное под следующим 1488 г.: "Того же лета повелениемъ великого князя Ивана Васильевича поставиша градъ новъ

²²⁴ Захаров С.Д. Письменные и археологические данные о Белоозере XIV в. // Тверской археологический сборник. [Вып. 1.] Тверь, 1994. С. 164 - 168; Он же. Новые данные о Белоозере XIV в. // Белозерье. Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 16 - 23.

²²⁵ ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 37.

²²⁶ Копанев А.И. Ук. соч. С. 7. Прим. 1.

²²⁷ ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1901. С. 219.

на Белоозере въ Карголоме, а от старого города за 10 версть".²²⁸ Аналогичное сообщение имеется в Софийской первой летописи.²²⁹ Софийская вторая летопись о том же событии говорит: "Того же лета городъ Белоозеро zaloжили".²³⁰ Таким образом оказывается, что современный Белозерск (так называться он стал лишь при Екатерине II с 1777 г., а до этого именовался Белоозеро) получил статус города только в 1488 г. с закладкой укреплений. До этого данную роль играл располагавшийся в 10 верстах от него Карголом.

Однако, в летописях XIV - XV вв. его название не встречается - летописцы этого времени предпочитают говорить не конкретно о нем, а о двух безымянных "городках на Белоозере" - старом и новом. Именно это мы видим в "Списке городов русских" конца XIV в. и летописном известии 1398 г. о московско-новгородской войне: "И поидоша на князя великаго волости на Белоозеро, и взяша белозерьскыи волости на щить, повоевавъ, и пожгоша, и старыи городокъ Белозерьскыи пожгоша, а из нового городка вышедши князи белозерьскыи и воеводы князя великаго и добиша чоломъ воеводам новгородчымъ и всемъ воемъ. И взяша у них окупа 60 рублевъ..."²³¹ Действительно, если мы обратимся к летописным известиям о Белоозере за XIV - XV вв., то увидим, что понятие "Белоозеро" в этот период употребляется в значении "территория, княжество", но не как "город".

Замечание летописца в известии 1488 г. о том, что Карголом был "старым городом" позволяет соотнести его с сожженным новгородцами "старым" городком. Другим - "новым городком" являлся Каргополь. Это предположение подтверждается тем, что известие 1398 г. застаёт здесь не только местных князей, но и великокняжеских воевод, а именно с Каргополем, как мы видели выше, летописец связывает первые следы московского влияния в этом крае.

С учетом сказанного ранее, мы можем говорить о том, что центром Белозерского княжества в домонгольский период являлось Старое Белоозеро. Но затем, судя по археологическим данным, оно приходит в упадок. Вероятно, это было связано с политической борьбой конца XIII в. и утратой белозерскими князьями своего самостоятельного статуса. Позднее роль центра края начинает играть Карголом. Это подтверждается тем, что именно здесь сформировалась территория, которой местный княжеский род владел сообща.²³² Ее границы позднее определил С.З. Чернов, выяснив-

²²⁸ Там же.

²²⁹ Там же. Т. VI. СПб., 1853. С. 37.

²³⁰ Там же. С. 238.

²³¹ Там же. Т. III. С. 392.

²³² Кучкин В.А. Формирование. С. 314, также приложенная карта.

ший размеры области, подсудной белозерским наместникам.²³³

Начало проникновения московских князей на Белоозеро относится к первой четверти XIV в., когда брат Калиты князь Афанасий Данилович, женившись на дочери князя Василия Глебовича Анне, вместе с ее рукой в качестве приданого получил земли в Каргополе. Этот брак также привел к тому, что тесть Афанасия Даниловича - Василий Глебович и его племянник Роман Михайлович начинают служить московским князьям.

Жена Афанасия Даниловича пережила своего мужа, скончавшегося в 1322 г., и после его смерти по-прежнему значилась номинальной владелицей каргопольских земель, хотя фактически ими распоряжались московские князья в лице Ивана Калиты и его старшего сына Семена Гордого. К сожалению, у нас нет сведений - когда она умерла. Можно лишь полагать, что она скончалась после смерти Ивана Калиты, но до 1348 г., поскольку в составленном в этом году договоре Семена Гордого с братьями о ней говорится как об умершей.²³⁴ Детей у Анны от брака с Афанасием, очевидно, не было, и, по тогдашним правилам, ее приданое после кончины Анны должно было возвратиться в род белозерских князей. Судя по составленному нами родословию каргопольской ветви белозерских князей, первым в очереди на получение выморочного удела Анны стоял ее племянник князь Семен Михайлович (братья Анны - Федор и Михаил, как мы выяснили, упоминаются лишь в 1338 г., причем последний в этом году был убит).

По меткому замечанию Ф. Энгельса, "для рыцаря или барона, как и для самого владетельного князя, женитьба - политический акт, случай для увеличения своего могущества при помощи новых союзов; решающую роль должны играть интересы дома..."²³⁵ Не являлись исключением из этого правила московские князья. Обязанные возвратить выморочный удел Анны в род белозерских князей, они, судя по всему, предпочли отдать его не ближайшему по очереди - племяннику Анны князю Семену Михайловичу, а более далекому, но зато верному - сыну служившего Москве Роману Михайловича - князю Федору Романовичу. Юридически это было оформлено в виде брака сводной сестры Семена Гордого Феодосии с Федором Романовичем, заключенного, возможно, еще при жизни Анны. Последний вместе с невестой в качестве приданого

²³³ Чернов С.З. Из истории Киснемы последней четверти XIV - начала XV в. // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып. II. Вологда, 1997. С. 9 - 26.

²³⁴ "Или что мя благословила которыми волостями тетка моя княгини Анна" (ДДГ. № 2. С. 12).

²³⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М., 1961. С. 80 - 81.

получал те земли, которые московские князья и так должны были отдать в белозерский княжеский дом. При этом москвичи продолжали сохранять фактический контроль над этими владениями, поскольку Федор Романович, получивший их "из руки" Семена Гордого, если и распоряжался ими, то, судя по всему, лишь сохраняя остатки прежних суверенных прав.

Несомненно, что первый претендент из рода белозерских князей в очереди на выморочное имущество Анны - князь Семен Михайлович был крайне раздосадован подобной операцией и, очевидно, именно этим обстоятельством объясняется то, что он в итоге оказался на службе у суздальских князей, которые в середине XIV в. пытались оспаривать великокняжеский стол у Москвы.

Князь Федор Романович Белозерский погиб вместе с сыном Иваном на Куликовом поле. С их смертью эта ветвь белозерских князей пресекалась в мужском колене, а единственной ее представительницей оставалась вдова Федора Романовича Феодосия. В ее руках сосредоточились владения двоякого рода: в Каргополе, которые являлись ее приданым и представляли ее личную собственность, и владения мужа в Карголоме, составлявшие часть родового достояния всего клана белозерских князей. Проследим их дальнейшую судьбу.

Русское земельное законодательство вплоть до XVIII в. четко разделяло два вида земельных владений: родовые и благоприобретенные. Если последними их владелец мог распоряжаться свободно, то относительно родовых существовали известные ограничения, направленные на сохранение их в роде. Поэтому из владений в Карголоме Феодосии в качестве "прожитка" досталась лишь их часть. Впоследствии они достались московским князьям. Их перечень содержит духовная грамота 1389 г. Дмитрия Донского: "А что ми дала княгини Федосья Суду на Белеозере, да Колашну, и Слободку, и что благословила княгиню мою Городком до Волочкомъ, та места ведает княгиня Федосья до своего живота, а по ее животе то княгини моей".²³⁶ Что же касается каргопольских владений, то они представляли собой приданое Феодосии. Поскольку ее муж и сын погибли, владения Феодосии оказывались выморочными и после ее смерти должны были отойти "в ее род", т.е. к все тем же московским князьям. Судя по тому, что из сообщения летописца о московско-новгородской войне 1398 г. в Каргополе оказываются воеводы "великого князя", эти земли достались старшему сыну Дмитрия Донского - Василию I. Именно с этого времени расходятся исторические судьбы Каргополя, ставшего владением великокняжеской ветви московского княжеского дома, и затем обра-

²³⁶ ДДГ. № 12. С. 35.

зовавшего самостоятельный Каргопольский уезд, и Белоозера, доставшегося, в лице князя Андрея Дмитриевича, можайской линии московских князей.

Выяснение способа приобретения московскими князьями владений на Белоозере позволяет затронуть еще один любопытный историко-географический вопрос. Речь идет о так называемых "Печорских актах" - грамоте 1294 - 1304 гг. великого князя Андрея Александровича о порядке обеспечения великокняжеских ватаг в их походах на море;²³⁷ грамоте 1328 - 1339 гг. великого князя Ивана Даниловича Калиты о пожаловании печорским сокольникам Жиле с товарищами льготных прав,²³⁸ грамоте 1329 г. великого князя Ивана Даниловича Калиты и Великого Новгорода о поручении Печорской стороны в ведение Михаила с ватагой для морского промысла;²³⁹ грамоте 1363 - 1389 г. великого князя Дмитрия Ивановича Донского о пожаловании Андрея Фрязина Печорою в кормление.²⁴⁰ К этим актам примыкает свидетельство "Предисловия летописца княжения Тферскаго", в котором его автор, перечисляя владения тверского князя Александра Михайловича, сообщает, что тот владел "землею Рускою... даже до моря Печерскаго".²⁴¹

Таким образом выясняется, что Печорой с конца XIII в. по вторую половину XIV в. последовательно владели великие князья - сначала Андрей Александрович Городецкий, затем Александр Михайлович Тверской, которого сменил Иван Калита, а позднее владельцем Печоры стал Дмитрий Донской. Хотя эти акты вошли в научный оборот достаточно давно, в литературе до сих пор не было высказано мнения по поводу того, каким образом данным князьям досталась Печора.

Между тем, выше нами было показано, что на рубеже XIII - XIV вв. белозерские князья переходят на службу к великому князю Андрею Александровичу, затем служат Михаилу Тверскому, а позднее - московским князьям. Судя по всему, печорские владения были связаны с Каргополом - именно сюда с Печоры шел громадный поток пушнины, который здесь обрабатывался и далее направлялся в различные места. Любопытно, что вплоть до XIX в. осно-

²³⁷ АСЭИ. Т. III. М., 1964. № 1; ГВНП. № 83; О датировке см.: Янин В.Л. Новгородские акты XII - XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 151 - 152.

²³⁸ АСЭИ. Т. III. № 2; ГВНП. № 84; См. Янин В.Л. Новгородские акты. С. 164 - 165.

²³⁹ АСЭИ. Т. III. № 3; ГВНП. № 85; См.: Янин В.Л. Новгородские акты. С. 163.

²⁴⁰ АСЭИ. Т. III. № 4; ГВНП. № 87; См.: Янин В.Л. Новгородские акты. С. 172.

²⁴¹ ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 465.

вным промыслом в Каргополе являлась выделка беличьих мехов - еще в 70-х годах XIX в. тут выделялось до 2 млн. шкурок белок. Упоминание в указанных грамотах Новгорода говорит о том, что в XIII - XIV вв. Каргополь представлял собой "сместное" владение Новгорода и указанных князей, подобно тому, как тот же статус имели Вологда, Волок и другие подобные земли.²⁴²

²⁴² О совместном владении Каргополем властями Новгорода и белозерскими князьями может свидетельствовать помещенное в псковских летописях известие о том, что русские князья, посланные ханом Узбеком захватить скрывшегося от него князя Александра Тверского, "подъяша... всю область Новгородскую от Белоозера и от Заволочия" (Псковские летописи. Вып. 1. С. 16; Вып. 2. С. 91). Неизвестный пскович, живший в начале второй четверти XIV в., включил Белоозеро, как и Заволочье в состав новгородских владений. Очевидно, он имел в виду, что ряд пограничных новгородско-белозерских владений имели статус "сместного" владения. Но при этом нельзя думать, как В.А. Кучкин о том, что это указание свидетельствует о захвате новгородцами части территории Белозерского княжества (Кучкин В.А. Формирование. С. 304 - 305).

Глава IV. Углич

Вопрос о времени присоединения Углича к Москве

Духовная грамота 1389 г. Дмитрия Донского последним среди "купель своего деда" упоминает Углич, который был выделен четвертому сыну московского князя Петру.¹

Данные об этом городе за XIV в. крайне скудны и относятся к тому времени, когда он уже являлся московским владением. Под 1386 г. сообщается об участии угличской рати в походе Дмитрия Донского на Новгород.² Шестью годами раньше угличане принимали участие в Куликовской битве.³

Но больший интерес для нас представляют два летописных известия начала 70-х годов XIV в., из которых явствует, что претензии на Углич в это время предъявляла Тверь. Одно из них под 1371 г. сообщает, что тверской князь Михаил Александрович, боровшийся с Дмитрием Донским, сжег Углич. Как справедливо отметил В.А. Кучкин, данное обстоятельство позволяет говорить о распространении власти Москвы на этот город.⁴ Новую попытку отобрать Углич у Дмитрия тверской князь предпринял в 1375 г.,⁵ но после поражения в последовавшей затем московско-тверской войне был вынужден окончательно отказаться от своих претензий на Углич. Собственно этими четырьмя известиями и исчерпываются все сведения общерусских летописей об Угличе за XIV в.

Когда же этот город перешел под власть Москвы? Некоторый свет на историю Углича в интересующий нас период могли бы пролить местные летописи. Но с ними дело обстоит не так просто.

А.Н. Насонов, обнаруживший в Ермолинской летописи чисто угличские известия, полагал, что в Угличе, как и в других крупных русских городах, также велось самостоятельное летописание.⁶ Действительно, угличский историк XIX в. Ф.Х. Киссель сообщал о

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М.; Л., 1950. № 12. С. 34. (Далее: ДДГ).

² Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб., 1848. С. 93. (Далее: ПСРЛ).

³ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 13, 48, 102.

⁴ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 96; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X - XIV вв. М., 1984. С. 283.

⁵ ПСРЛ. Т. IV. С. 70.

⁶ Насонов А.Н. История русского летописания XI - начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969. С. 328 - 334, 389.

наличии в его распоряжении до 5 местных летописей и различных списков с них, которые восходят древностью до времен убийства царевича Дмитрия, т.е. до конца XVI в.⁷ Н.Д. Русинов, изучавший угличское летописание, полагал, что местная летопись была составлена в начале XVI в. при сыне Ивана III Дмитрие, княжившем в Угличе, который заказал монаху Переславского Троицкого монастыря Даниилу составить угличскую летопись. Мы не знаем, сохранилась ли она впоследствии. Во всяком случае, следующим этапом угличского летописания стал местный летописец, составленный вскоре после Смутного времени. Уже в XVIII в. этот источник подвергся коренной переработке. Результаты этой работы дошли до нас в целом ряде списков XVIII - XIX вв., которые распадаются на два вида - так называемые Супоневскую и Серебренниковскую летописи.⁸ Первая из них - Супоневская⁹ представляет из себя компилятивный труд автора XVIII в., использовавшего данные каких-то общерусских летописей, жития местных святых и "Повесть о разорении града Углича" в Смутное время. Но применительно к задачам нашего исследования она мало что может дать, поскольку, говоря об истории Углича с древнейших времен, она, как и общерусские летописи, молчит о судьбах города в XIV в.

Несколько более древняя, но относящаяся все к тому же XVIII в. - Серебренниковская летопись, была составлена жителем Углича Григорием Дмитриевичем Серебренниковым. Хотя в ней излагаются те же сведения, что и в Супоневской, но относительно подробнее и детальнее, за счет того, что было использовано больше источников, поименованных в ней: жития Даниила Переславского и угличских святых, местные "старособранные летописания", "летописец московский времен Федора Ивановича", "землемерописцовые книги" и т.д. В отличие от Супоневской летописи Серебренниковская содержит данные о князьях, правивших Угличем в XIV в.¹⁰

⁷ *Киссель Ф.Х.* История города Углича. Ярославль, 1844. С. 258 (Имеется также репринтное переиздание этой работы: Углич, 1994).

⁸ *Русинов Н.Д.* К истории угличского летописания // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. Вып. 72. Т. 2. Горький, 1964. С. 719 - 741.

⁹ Супоневская летопись была опубликована дважды на рубеже XIX - XX вв.: *Титов А.А.* Угличская летопись. М., 1890 (Отд. отт.: Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Вып. 1. М., 1890. С. 15 - 142); Угличский летописец. Углич, 1911.

¹⁰ Угличский летописец. Ярославль, 1996. Еще в XIX в. часть местных угличских летописей была скуплена у угличан любителями старины, такими как историк М.П. Погодин, и вывезена из Углича (*Русинов Н.Д.* Собрание памятников древнерусской письменности Угличского государст-

Но относиться к этому источнику надо очень осторожно, поскольку он считается буквально напичканным фактическими и хронологическими ошибками. По сути он представляет собой не летопись в привычном нам понимании этого термина, а произведение историографической мысли XVIII в. Тем не менее, несмотря на ошибки в хронологии, из нее все же можно извлечь определенные сведения по истории Углича за XIV в.

Под 1343 г. Серебренниковская летопись сообщает, что после смерти великого князя Андрея Александровича, владевшего Угличем, московский великий князь Семен Гордый "на Углическое княжение в то же лето посаждает сродника своего из княжеского рода, из невластодержавных и менших князей, - именем Константин, по реклу Улемца", который княжил здесь 12 лет.¹¹ Это достаточно редкое прозвище носил князь Константин Федорович Улемец, сын князя Федора Ростиславича Ярославского и Смоленского, умершего в 1299 г. Никаких сведений о нем в летописи не сохранилось. Кроме того, что он был вместе с отцом и братом Давыдом впоследствии канонизирован, мы не знаем - где он княжил, был ли женат и имел ли детей.

После него великим князем Иваном Красным (последний, по летописцу, ошибочно назван сыном Семена Гордого, хотя в действительности был его братом) в 1356 г. на угличский стол был посажен следующий князь, также по имени Константин, который княжил здесь вплоть до своей кончины в 1385 г. "Сей Константин, - добавляет летописец, - бысть от местных княжений владетель прежде черноземских людей".¹² Таким образом, видим, что и местные угличские летописи, относящие начало московского влияния в Угличе к 40-м годам XIV в., также ничего не говорят о том, каким способом, а главное - когда, этот город был присоединен к Москве?

венного архива Ярославской области // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. X. М.; Л., 1954. С. 497 - 499). Так, другой, несколько более полный список Серебренниковской летописи хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 178 /Музейное собрание/ № 934). Часть архива Серебренниковых была приобретена в 50-е годы XX в. М.Н. Тихомировым и передана им в Новосибирскую библиотеку (*Кощеев В.Б.* Архив Серебренниковых в собрании М.Н. Тихомирова // Книга в Сибири XVII - начала XVIII в. Новосибирск, 1980. С. 172 - 185). Подробности о собирательской деятельности Серебренниковых см.: "Угощайте меня как можно более Угличем..." (историк М.П. Погодин и угличский купец-собиратель И.П. Серебренников)// Ярославская старина. 2000. Вып. 5. С. 67 - 77 (публикация Я.Е. Смирнова).

¹¹ Угличский летописец. Ярославль, 1996. С. 37.

¹² Там же. С. 38.

Некоторый свет на это проливает наблюдение Л.И. Ивиной, отметившей, что неподалеку от города, на месте нынешнего села Прилуки на левом берегу Волги, в XIV в. возникает Рождественский монастырь. Об истории обители за первый век ее существования известен лишь один факт - в 30-е годы XIV в. в ее стенах принял иночество Павел Обнорский, *уроженец Москвы*, ставший позднее учеником Сергия Радонежского.¹³ Данный факт, хотя и весьма косвенно, все же подтверждает сообщение духовной грамоты 1389 г. Дмитрия Донского, о том, что начало московского проникновения в Углич, действительно, следует относить ко временам Ивана Калиты.

Каким же образом Углич попал под власть Москвы? Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны решить другую проблему - являлся ли в XIV в. Углич самостоятельным городом, имевшим собственных князей, или же был частью другого княжества? Для этого мы должны обратиться к "Списку русских городов дальних и ближних".

О принципах составления "Списка русских городов"

В целом ряде русских летописей (I и IV Новгородской, Воскресенской, Уваровской и др.¹⁴) встречается список, начинающийся словами: "А се имена всем градом руским далным и ближним", получивший в историографии название "Списка русских городов дальних и ближних". Он представляет собой перечень из более чем 350 городов, разбитых на 8 групп: болгарские, польские, киевские, волынские, литовские, смоленские, рязанские, залесские.

Впервые его детально рассмотрел М.Н. Тихомиров. Датировав его 1387 - 1392 гг., он полагал, что этот источник мог происходить из новгородских торговых кругов, по своим контактам тесно связанными с различными городами в русских землях и Великом княжестве Литовском. Основанием для этого вывода послужило то, что наиболее ранний из дошедших до нас вариантов "Списка" сохранился именно в новгородской летописи.¹⁵

Однако это мнение не нашло поддержки среди историков. Б.А.

¹³ *Ивина Л.И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1985. С. 36. Выделено нами.

¹⁴ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 475 - 477; Т. IV. Ч. I. Вып. 3. Л., 1929. С. 623 - 624; Т. VII. СПб., 1856. С. 240 - 241; Т. XXIII. СПб., 1910. Прил. 1. С. 163 - 164.

¹⁵ *Тихомиров М.Н.* "Список русских городов дальних и ближних" // Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 214 - 259. Впоследствии эта статья была переиздана: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 83 - 137, 357 - 361.

Рыбаков, обнаружив, что целая группа упомянутых в "Списке" городов именуется как "залесские", полагал, что автора этого источника следует искать "где-то на Киевщине или на Волыни, для которого и Москва и Новгород всегда были Залесской землей".¹⁶ Л.В. Черепнин, возражая им обоим, высказал предположение, что автором "Списка" мог быть один из гостей-сурожан, хорошо знакомых по своим торговым делам с географией русских и литовских земель.¹⁷ Действительно, купцы из крымского города Сурожа (ныне Судак) вели огромную по размаху торговлю между Крымом, Русью, Литвой и Ордой, отлично знали все торговые пути Восточной Европы, забираясь в самые глухие ее уголки.

Таким образом видим, что в литературе сразу по выходе статьи М.Н. Тихомирова было высказано несколько предположений об авторстве и целях создания "Списка". Но ни одну из этих версий нельзя признать убедительной. Решить задачу - кто же являлся автором "Списка" и с какой целью он был составлен, можно лишь только тогда, когда будут выяснены принципы, которыми руководствовался его составитель при перечислении городов.

Это осознал уже М.Н. Тихомиров. Признавая, что нам «неизвестен сам принцип, по которому города помещены в "Списке"», он все же высказал предположение, что основой документа могли послужить дорожники и различного рода "хождения". Возможно также, что были использованы недошедшие до нас чертежи, подобно тому, как более поздняя "Книга Большому Чертежу" являлась своего рода пояснением к карте.¹⁸ Против этого решительно возражал Б.А. Рыбаков: "Общим является... беспорядочное описание городов: в списке рядом стоят города, отстоящие друг от друга на многие сотни километров; переход от одного района к другому бывает совершенно неожиданным. Очевидно, географический порядок не был особенно важен для составителей; мы должны отбросить предположение о том, что эти списки могли быть дорожниками, так как города здесь не следуют друг за другом в порядке каких бы то ни было путей".¹⁹

Другой вопрос, который задавали исследователи, заключался в том - какой смысл был в составлении столь подробного "Списка

¹⁶ Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология. 1953. № 17. С. 32; Он же. Русские карты Московии XV - начала XVI в. М., 1974. С. 14.

¹⁷ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV - XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 439 - 444.

¹⁸ Тихомиров М.Н. "Список русских городов дальних и ближних" // Исторические записки. Т. 40. С. 219, 238.

¹⁹ Рыбаков Б.А. Русские карты. С. 13.

русских городов", располагавшихся не только на территории собственно русских княжеств, но и Литвы, Польши, Молдавии и даже Болгарии? Е.П. Наумов, датировав этот документ 1394 - 1396 гг., обратил внимание на то, что именно на этот период приходится попытки раздробить единую русскую митрополию. Поэтому он предположил, что инициатором создания такого свода сведений о русских городах мог стать митрополит Киприан, претендовавший на расширение сферы церковного влияния киевской (а к тому времени фактически уже московской) митрополии.²⁰ С этим предположением можно было бы согласиться, если бы не одно обстоятельство - несмотря на то, что в "Списке" перечислены более 350 городов XIV в., включая и самые мелкие, назвать его исчерпывающим нельзя - в нем напрочь отсутствуют города Тверского княжения, одного из главных русских княжеств этого времени.

А.В. Подосинов, также, как и Б.А. Рыбаков, обратил внимание на то, что целая группа городов именуется "залесскими". При этом он выяснил, что термин "залесский" в сохранившихся источниках до XIV в. встречается всего лишь один раз - в уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1136 г.²¹ Вместе с тем, отыскивая принцип, на котором был построен "Список", он не согласился с Б.А. Рыбаковым, что в построении текста документа нет никакой системы. Обнаружив, что в центре документа помещен раздел о смоленских городах, он считал, что перечисление городов все же имеет определенный порядок - оно идет от городов наиболее удаленных от Смоленска к расположенным ближе к нему. Поэтому он предположил, что "Список" был составлен жителем Смоленска. Таким образом, составитель "Списка", находившийся в Смоленске, описывал русские города как бы по направлению к себе.²² Но следует признать, что данная версия является не более, чем игрой ума. В частности, А.А. Юшко отметила, что среди смоленских городов, перечисленных в "Списке", обнаруживается значительное число пропусков. Кроме того, по ее мнению, необъяснимым для смолянина является факт помещения Козельска и Оболенска как среди городов смоленских, так и среди литовских.²³

Важным шагом в решении данного вопроса стали выводы В.Л.

²⁰ *Наумов Е.П.* К истории летописного "Списка русских городов дальних и ближних" // *Летописи и хроники.* 1973. М., 1974. С. 150 - 163.

²¹ Грамота издана: *Древнерусские княжеские уставы XI - XV вв.* М., 1976. С. 140 - 146.

²² *Подосинов А.В.* О принципах построения и месте создания "Списка русских городов дальних и ближних" // *Восточная Европа в древности и средневековье.* М., 1978. С. 40 - 48.

²³ *Юшко А.А.* Московская земля IX - XIV вв. М., 1991. С. 142. Прим. 167.

Янина, указавшего, что различные варианты "Списка", хотя и незначительно, но все же отличаются между собой - на протяжении XIV - первой половины XV в. происходила определенная корректировка данных этого документа. В течение этого времени границы между Литвой и Русью менялись, что отразилось в отнесении тех или иных городов к различным их группам. Все это позволило историку датировать создание "Списка" временем между 1375 и 1381 гг.²⁴

Интересные наблюдения сделал В.А. Кучкин. Он выяснил, что помимо тверских, в "Список" не попал и ряд других городов, которые уже существовали в XIV в. - Углич (на это уже обращал внимание М.Н. Тихомиров)²⁵, Устюжна, Чухлома, Шерна.²⁶ Действительно, этот перечень городов, существовавших в XIV в., но не вошедших в "Список", можно расширить. Таков, к примеру, подмосковный Перемышль на р. Моче (к западу от нынешнего Подольска), впервые упоминаемый летописью в 1370 г.²⁷ и который, по идее, должен был бы фиксироваться "Списком", даже с учетом разногласий историков по поводу времени составления этого источника. Более того, обратившись к духовным и договорным грамотам московских князей XIV в., видим, что в них упоминаются и другие городки, располагавшиеся в их владениях: Радонеж, Вышгород на Яхроме, Тушков, Хатунь, Кашира. Часть из них могла возникнуть лишь в самом конце XIV в., как, например, Кашира, но большинство из них все же существовало к моменту составления перечня. Таким образом, можно прийти к выводу, что "Список" содержит названия далеко не всех русских городов, имевшихся в последней четверти XIV в.

Что же служило для составителя "Списка" критерием для помещения в свой перечень того или иного русского города? Здесь перед исследователями встает задача выяснить - что же следует понимать под самим понятием "город". Следует учитывать, что на протяжении столетий это понятие изменялось, наполнялось новым содержанием. Историками русского средневековья при определении этого термина подчеркивалась необходимость выяснения наличия у того или иного населенного пункта укреплений, торгово-промышленного населения, его административного значения и т.п.

²⁴ Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII - XV вв. М., 1998. С. 61 - 70.

²⁵ Тихомиров М.Н. Ук. соч. С. 218.

²⁶ Кучкин В.А. Города Северо-Восточной Руси в XIII - XV вв. (число и политико-географическое размещение) // История СССР. 1990. № 6. С. 72 - 85.

²⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 186.

факторов, которые позволили бы отнести конкретное селение к разряду городов. Но при этом необходимо осознавать тот простой факт, что подобная классификация представляет по сути лишь попытку упорядочения наших знаний о прошедшем времени, является плодом мысли современного историка, а у людей средневековья имелись свои критерии для определения понятия "город".

Историками было давно подмечено особое внимание автора "Списка" к городским укреплениям, выделение из числа прочих каменных крепостей (к примеру, при названии Москвы сделана помета "камен", отмечающая наличие каменного кремля, построенного в 1367 - 1368 гг.). Но, как показали исследования археолога А.А. Юшко, наличие укреплений характерно как для входящих в состав "Списка" городов, так и для не включенных в него.

Укреплениями мог располагать и город в привычном для нас понимании этого термина, и небольшой укрепленный феодальный замок, не имевший никакого другого значения (торгового, ремесленного), кроме как военного. Поэтому другим критерием могло бы стать наличие у поселения торгово-ремесленного населения, жившего на посадах. Но археологические раскопки показали, что наличие или отсутствие посада характерно как для включенных, так и не включенных в "Список" городов.

Что же касается административной роли русских городов, выясняется, что в эту эпоху практически каждый из них (как вошедший, так и не вошедший в перечень) имел определенное административное значение. К примеру, включенные в "Список" Дмитров, Звенигород, Можайск были административными центрами, равно как не упомянутые перечнем Радонеж, Перемышль, Шерна-городок.²⁸ Все это заставляет искать иные объяснения тех принципов, на основании которых тот или иной пункт был включен в "Список".

Прежде всего обращает на себя внимание обилие перечисленных в нем городов. При этом целый ряд из них упоминается только в "Списке" и не встречается в летописях. Все это позволяет думать, что в распоряжении составителя перечня имелся некий исходный документ, в котором перечислялись эти города, а сам "Список" является лишь выдержкой из этого источника.

Очевидно также, что непонятный для нас хаотический принцип перечисления в нем городов имел свой вполне определенный смысл и понятно, что тот исходный документ, копией которого является "Список", должен был быть составлен с определенной целью.

Судя по всему, он преследовал задачи фискального обложения. Думать так позволяет тот общеизвестный факт, что в указанное

²⁸ Юшко А.А. Ук. соч. С. 61 - 135.

время княжества Северо-Восточной Руси должны были платить дань в Орду. Очевидно также, что ордынский "выход" носил регулярный характер и требовал составления определенных росписей, где указывались бы раскладки сумм, которые должен был платить каждый из князей. Действительно, если мы наложим данные "Списка" на политико-административную карту того времени, то увидим, что основным критерием перечисления городов является их принадлежность к тому или иному княжеству или уделу. После перечисления владений одного князя начинается описание городов другого. Применительно к территории собственно Московского княжества сначала идет описание владений великого князя Дмитрия Ивановича Донского, а затем его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского и т.д.

Таким образом, можно предположить, что основой для "Списка" послужил перечень русских городов, которые были обязаны платить дань Орде, из которого были исключены указания раскладки сумм.

О существовании подобных документов, носивших название "дефтери", мы знаем из договорных грамот московских князей XV в. В них постоянно встречается условие о том, что удельный князь не должен был "знать" Орды и платить ордынскую дань только через великого князя: "А Орда знати и ведати мне, великому князю. А тебе Орды не знати. А имати ми выход оу тебя по старым дефтерем, по крестному целованью. А коли яз, князь велики, выхода в Орду не дам, и мне и у тебя не взяти".²⁹

Дефтери хранились в великокняжеской казне. О их важности свидетельствует тот факт, что в перемирной грамоте 1447 г. между Василием Темным с Иваном Андреевичем Можайским и Михаилом Андреевичем Белозерским особая статья предусматривала возвращение захваченных во время феодальной войны документов в великокняжескую казну: "А что есмя поимали во князя великого казне грамоты dokonчалные, и ярлыки, и дефтери, и иные какие грамоты, и нам те грамоты все отдати по целованию".³⁰

Впервые термин "дефтери" в составе духовных и договорных грамот московских князей зафиксирован в докончании Василия Темного с галичскими князьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным 1434 г.: "А оу вас ми имати въ выход по *старымъ девтеремъ*, по крестному целованию".³¹

В связи с этим встает вопрос - насколько далеко шла "старина" дефтерей? Из договорной грамоты 1428 г. Василия Темного с кня-

²⁹ ДДГ. № 67. С. 218.

³⁰ Там же. № 46. С. 141.

³¹ Там же. № 34. С. 88. Выделено нами.

зем Юрием Дмитриевичем Галицким видим, что раскладка сбора дани с владений удельных князей московского дома была установлена во времена Дмитрия Донского: "А дань и ямъ давати мне съ своею отчины изъ Галича с волостями по давному, какъ еси давалъ отцу моему, великому князю".³² Действительно, в духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г. мы видим раскладку сумм ордынской дани, которую выплачивала вдова Дмитрия Евдокия с тех своих волостей, которые находились в уделах ее сыновей. Так, с Коломны Василий I должен был платить в Орду 342 руб. В счет этой суммы княгиня давала ему с коломенской волости Песочны 47 руб., с Канева 22 руб. Со звенигородского удела Юрия сумма ордынского выхода составляла 272 руб. С принадлежавших княгине четырех звенигородских волостей Евдокия должна была отдавать 113 руб. и т.д.³³ Подобные раскладки сумм ордынского выхода видим и в докончании Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским 1389 г.: "А ординская тягость, так же и проторъ, дати мне брату своему старейшему и отцю, и сыну моему, князю Василию, съ своего оудела и со княгинина оудела Оульянина, съ твоею трети, в пять тысячъ руб. триста рублевъ и дватцать руб. А прибудет ли, оубудет ли, ино по розочту".³⁴ Эти же суммы, следовавшие с удела Владимира Андреевича Серпуховского, фигурируют в договорных грамотах серпуховского князя с Василием I 1390 и 1401/02 гг., духовной грамоте Владимира Андреевича начала XV в.³⁵ Из двух последних документов узнаем, что помимо ордынского выхода в 5 или 7 тысяч рублей, следовавших с Московского княжества, отдельно собиралась дань и с других великих княжеств, в частности Нижегородского, с которого шло полторы тысячи рублей: "новгородской выход, в полторы тысячи рублев".³⁶

Когда же были установлены эти размеры платежей в Орду? Судя по тому, что в первом московско-серпуховском соглашении 1366 г. упоминаются еще прежние размеры ордынской дани: "А ординская тягость и проторъ дати ти мне, брату своему старейшему, съ своего оудела *по давнымъ сверткомъ*"³⁷, можно полагать, что это произошло в промежутке между 1366 и 1389 гг.

Русские летописи сообщают, что на исходе 1374 г. состоялся княжеский съезд "великъ в Переяславли". И хотя летописец гово-

³² Там же. № 24. С. 64.

³³ Там же. № 12. С. 35 - 36.

³⁴ Там же. № 11. С. 31.

³⁵ Там же. № 13. С. 38; № 16. С. 44; № 17. С. 49.

³⁶ Там же. № 17. С. 49.

³⁷ Там же. № 5. С. 20.

рит, что "отъвсюду съехашася князи и бояре"³⁸, в этот город приехали далеко не все русские князья. Как выяснил В.А. Кучкин, отсутствовали представители тверского княжеского дома, находившиеся в тот момент в крайне враждебных отношениях с Москвой. Несомненно, что этот съезд стал важной политической вехой в истории Северо-Восточной Руси. Правда, оценить всю значимость этого события мешает то обстоятельство, что летописец ни слова не говорит о повестке заседаний этого съезда, а фиксирует лишь рождение во время съезда у Дмитрия Донского сына Юрия. По предположению В.А. Кучкина, главным вопросом в Переславле была проблема отношений с Ордой, которые все более обострялись.³⁹ Тремя годами раньше московский князь, боровшийся с Михаилом Александровичем Тверским, пытавшимся с помощью Орды получить стол великого Владимирского княжения, вынужден был пообещать Мамаю "великы посулы".⁴⁰

Однако, летом 1374 г. московский князь, по-видимому, отказался от реализации тех денежных "великих посулов", которые он обещал Мамаю в 1371 г. Рогожский летописец под 1374 г. поместил сообщение, что "князю великому Дмитрию Московскому бышеть розмирие съ тотары и съ Мамаемъ".⁴¹ Очевидно, на Переславском съезде 1374 г. обсуждались размеры платежей ордынского выхода с русских княжеств. Можно предположить, что именно тогда и была составлена роспись сумм дани, причитавшихся к уплате с каждого из князей. Поскольку тверские князья в Переславле не присутствовали, в него не вошла раскладка дани с тверских городов. Именно этот источник и послужил основой для летописного "Списка русских городов дальних и ближних", в котором были изъятые конкретные суммы платежей в Орду и также, как и в исходном документе отсутствует перечисление городов Тверского княжества. Таким образом, составление "Списка" можно датировать 1374 - 1375 гг., т.е. в промежуток между проведением Переславского съезда в самом конце 1374 г. и первыми месяцами 1375 г. - временем, необходимым для окончательного составления и редактирования исходного документа.

Тот факт, что этот документ, определявший размеры ордынского "выхода", и который стал основой для "Списка", был составлен именно при Дмитрии Донском, подтверждается другими источниками. Пространная летописная повесть о Куликовской битве рас-

³⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 108; Т. XVIII. С. 115.

³⁹ Кучкин В.А. Сподвижник Дмитрия Донского // Вопросы истории. 1979. № 8. С. 111.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 96.

⁴¹ Там же. Стб. 106.

сказывает о том, что летом 1380 г., еще до похода на Русь, "нача Мамай слати къ князю Дмитрию выхода просити, како было при Чанибеке цари, а не по своему dokonчанию. Христоролюбивый же князь, не хотя кровопролитья, и хоте ему выход дати по крестьяньской силе и по своему dokonчанию, како с ним dokonчалъ. Он же не въсхоте..."⁴²

Невыясненным остается для нас вопрос - почему кроме собственно русских городов в "Список" были включены и другие, находившиеся за пределами Северо-Восточной Руси - литовские, болгарские и т.д.? В первой главе нашего исследования было показано, что подобные платежи шли татарским ханам также и с захваченных Великим княжеством Литовским других русских земель. Вместе с тем, возникает определенное недоумение - "Список" перечисляет и собственно литовские города, такие, как Вильно, с которых дань в Орду никогда не собиралась. Ответ на это дает упоминавшийся нами в первой главе ярлык 1506-1507 гг. крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду, в котором читаем: "Ино первые цари, дяды наши, и царь отецъ нашъ пожаловалъ которыми ярлыки, а потомъ и мы которымъ ярлыкомъ пожаловали, милуючи, Жикгимонта брата нашего, въ Литовской земли столецъ ему дали есмо".⁴³ Из этого документа вытекает, что литовские государи признавали над собой верховенство хана. Но зависимость эта была чисто формальной, которую Литва пыталась использовать в своих планах. В том же ярлыке читаем: "ино мы, повышая брата нашего,... Псковъ и Великий Новгородъ пожаловали дали есмо, и Резань и Переясловль въ головахъ, люди, тмы, городы и села, и дани и выходы, и зъ землями и зъ водами и съ потоками, к Литовскому столцу придали есмо".⁴⁴ Понятно, что говорить в начале XVI в. о "пожаловании" крымским ханом своего литовского данника Новгородом, уже присоединенном к Москве, Псковом и Рязанью, до юридической ликвидации самостоятельности которых оставались считанные годы и которыми фактически распоряжалась все та же Москва, можно было только на бумаге. Таким образом становится понятным - почему в "Список" была включена территория Литвы.

Что же касается записанных в перечень городов дунайской Болгарии, то известно, что после окончания походов Батыя сюда вторглись возвращавшиеся из Венгрии и Далмации татарские вой-

⁴² Сказания и повести о Куликовской битве. С. 18; ПСРЛ. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000. Стб. 110.

⁴³ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные Археографической комиссией. Т. 2 (1506-1544). СПб., 1848. № 6. С. 5.

⁴⁴ Там же.

ска. Занятая внутренней борьбой Болгария не смогла организовать отпор татарам и была вынуждена платить хану дань. Впрочем, зависимость Болгарии от татар в первые годы после нашествия носила временный характер, поскольку страна в этот период подвергается различным нашествиям со стороны как византийских, так и венгерских войск. Но уже с 70-х годов XIII в. татарские набеги на болгарские земли становятся обычным явлением. После опустошительного татарского нашествия 1285 г. болгарский царь Георгий Тертерий был вынужден признать зависимость от Ногая, которому в заложники послал сына. И на этот раз господство татар в Болгарии носило временный характер - сын Тертерия Федор-Святослав в начале XIV в. смог освободиться от власти татар и на протяжении почти всей первой четверти XIV в. правил самостоятельно. И хотя утверждение Федора-Святослава на болгарском престоле положило конец татарскому игу в Болгарии, оно не могло приостановить процесса феодального дробления страны.

В середине XIV в. страна фактически распадается на три отдельных царства. Черноморское побережье от устья Дуная до Варны еще с начала XIV в. составляло вполне независимое владение. Тырновский царь Иван-Александр (1331-1371) еще при своей жизни около 1363 г. сам раздробил свои владения на две части, выделив старшему сыну Ивану Страцимиру область Видина, а другого сына, Ивана Шишмана, сделал своим соправителем.⁴⁵ Разумеется, в подобных условиях не могла возобновиться зависимость отдельных болгарских царств от татар, тем более, что некоторые из болгарских феодалов сами старались установить непосредственные отношения с Ордой. Именно на этом последнем этапе полусамостоятельного существования болгарских царств застает их "Список городов русских дальних и ближних".

Таким образом видим, что этот источник являлся своего рода экстрактом, выжимкой из некоего документа, составленного около 1375 г. и определявшего размеры и порядок уплаты ордынской дани.

И хотя этот вывод представляется чрезвычайно важным, поскольку позволяет определить размеры территории, обязанной платить дань татарам, для целей нашего исследования главным является то, что в "Списке" не упоминается Углич, хотя известно, что этот город существовал еще в домонгольскую эпоху. Этот факт, а также выяснение принципа, на основе которого в "Список" включались города, позволяет говорить о том, что в XIV в. Углич не был самостоятельным городом, а являлся лишь частью другого княжества. Какого? Для выяснения этого вопроса мы должны обратиться

⁴⁵ История Болгарии. Т. I. М., 1954. С. 143 - 149.

к истории Углича в XIII - XIV вв.

Угличские князья XIII - XIV вв.

Угличские князья вели свое происхождение от старшего сына великого князя Всеволода Большое Гнездо Константина, которому отец в 1207 г. отдал Ростов "и инехъ 5 городовъ да ему къ Ростову".⁴⁶ Летописец не называет поименно эти пять городов и среди историков существовали разногласия по поводу того, какие именно города подразумевались в этом сообщении. Окончательно этот вопрос был решен при выяснении размеров территории, которую в конце XIV в. занимала Ростовская епархия. Поскольку церковное деление является всегда более архаичным, нежели современное ему административное, оказалось, что территория, подведомственная ростовскому архиепископу в конце XIV в., полностью совпадает с территорией Ростовского удела князя Константина Всеволодовича начала XIII в. Считается, что в нее, помимо Ростова, входили Белоозеро, Устюг, Ярославль, Молога и Углич.⁴⁷

В современной историографии родословие угличских князей представляется следующим образом. Младший сын Константина Всеволодовича Владимир (в крещении Дмитрий) получил Углич и стал первым собственно угличским князем. Он скончался в 1249 г.,⁴⁸ оставив двух сыновей - Андрея (ум. 1261)⁴⁹ и Романа (ум. 1285),⁵⁰ которые последовательно были угличскими князьями. Князь Роман Владимирович, позднее канонизированный, потомства не оставил, Углич стал выморочным владением и перешел к ближайшим его родичам - князьям ростовским, которыми в это время являлись Дмитрий и Константин Борисовичи. В конце XIII в. на угличском столе сел сын Константина Борисовича Ростовского Александр. Известие о его вокняжении летописец поместил под 1293 г.: "седе... Олександръ Костянтиновичъ на Оуглече поле".⁵¹

Эта схема перехода угличского стола во второй половине XIII в. от одного князя к другому довольно прочно утвердилась в литературе.⁵² Тем не менее, в отношении ее исследователи все же испы-

⁴⁶ ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 434.

⁴⁷ См.: Кучкин В.А. Формирование. С. 98 - 100, 264.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 472.

⁴⁹ Там же. Т. XXV. С. 144.

⁵⁰ Там же. С. 156. По Лаврентьевской летописи Роман скончался в 1283 г. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 526).

⁵¹ Там же. Т. I. Стб. 527.

⁵² Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 125 - 132; Кучкин В.А. Формирование. С. 120 - 121, 282 - 283.

тывали определенные сомнения. Виною тому - проблема так называемых "лишних" угличских князей. В этом легко убедиться, если познакомиться с местными угличскими летописями, которые использовал в своем очерке об Угличе Ф.Х. Киссель.⁵³ Укажем на то, что угличским именуется среди прочих великий князь Андрей Александрович. Впрочем, исследователи всегда критически относились к указанному труду, полагая, что учитель провинциальной гимназии, не являвшийся профессиональным историком, вряд ли мог в своей работе дать что-либо ценное кроме баснословных преданий и легенд, не имеющих ничего общего с реальностью.

Но та же проблема встает и после знакомства с общерусскими летописями, в частности с Никоновской. Под 1255 г. она помещает следующее известие: "По велице дни светлыя недели, преставися князь *Константинъ Углечский*, сын Ярославль, внукъ Всеволожь, правнукъ Юрья Долгорукаго, праправнукъ Владимира Маномаха, преправнукъ Всеволожь, пращуръ Ярославль, прапращуръ великого Владимира, и понесоша тело его въ Володимеръ. И срете его брать его князь Александръ Ярославичъ съ отцемъ своимъ митрополитомъ Кириломъ, и со всемъ священнымъ съборомъ, и со всеми боары своими и со множествомъ народа; и положиша его въ церкви пречистыя Богородици въ Володимери".⁵⁴ Кем был указанный князь Константин Угличский? Приведенная летописцем подробная генеалогическая справка и указание, что он являлся братом Александра Невского, не оставляют и тени сомнения о том, что речь идет о знакомом уже нам князе Константине Ярославиче Галичском, основателе династии галичских князей. Это подтверждает сообщение Тверской летописи под 1254 г.: "Преставися *Константинъ Ярославичъ Галицкий*, и положень въ церкви святыя Богородица".⁵⁵ Но почему же галичский князь Константин именуется угличским? Пытаясь ответить на этот вопрос, А.В. Экземплярский осторожно предположил, что возможно одновременно существовал и другой князь с этими же именем и отчеством. Основанием для подобного утверждения ему послужила все та же Тверская

⁵³ Киссель Ф.Х. Ук. соч.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. X. СПб., 1885. С. 140. Аналогично у В.Н. Татищева: "По Велице дни светлыя недели преставися князь *Константин углецкий*, сын Ярославль, внук Всеволож, и понесоша тело его в Володимер. И стрете его брат его князь Александр Ярославич с митрополитом Кирилом, и со всем священным собором, и со всеми бояры своими со множеством народа, и положиша его в церкви пречистыя Богородицы владимирския" (*Татищев В.Н. История Российская*. Т. V. М.; Л., 1965. С. 41). Выделено нами.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. XV. М., 1965. Стб. 398. Выделено нами.

летопись, где под 1255 г. говорится: "Преставися Константинъ Ярославичъ".⁵⁶ По мнению историка, Никоновская летопись смешала этих двух лиц. Но изучать дальше этот вопрос он не стал.⁵⁷

Спустя два десятилетия, под 1278 г. Никоновская летопись поместила известие: "Того же лета преставися благоверный князь Андрей Ярославич и жена его Устинья".⁵⁸ На полях против этого известия имелась помета: "Андрей Ярославич углиц." Н.М. Карамзин, читая это сообщение и опираясь на известные ему родословцы, писал: "Сей Андрей назван Ярославичем в Никоновской летописи: но он был сын Владимира Константиновича Угличьского, брата Василькова".⁵⁹ Правда при этом, как отметил А.В. Экземплярский, историограф забывает, что князь Андрей Владимирович скончался в 1261 г. и "таким образом, Андрей Ярославич и жена его Устинья, умершие в 1278 г., остаются сами по себе, а Андрей Владимирович - сам по себе". Задав вопрос - кем являлся этот Андрей Ярославич? - исследователь отметил, что в это время нам известен только один Андрей Ярославич, сын Ярослава Всеволодовича. Но по той же Никоновской летописи он скончался гораздо раньше - в 1264 г.⁶⁰ Этот вопрос также остался открытым.

В главе о Белоозере мы уже обращали внимание на известие новгородского летописца о походе новгородцев с князем Дмитрием Романовичем в 1311 г. на землю племени емь в современной южной Финляндии.⁶¹ Нами было выяснено, что он принадлежал к роду белозерских князей. Однако Н.С. Борисов обратил внимание на то, что в "Записках" Екатерины II, которая использовала недошедшие до нас летописи, Дмитрий Романович именуется "угличским".⁶² Историк предположил, что в данном случае его отцом должен был являться князь Роман Владимирович Угличский, умерший в 1285 г. Но он, как известно, был бездетным и таким образом этот вопрос также не был решен.⁶³

Исследователям эти летописные известия были знакомы давно, но они проходили мимо них, полагая, что поздней Никоновской ле-

⁵⁶ Там же. Стб. 400.

⁵⁷ Экземплярский А.В. Ук. соч. Т. II. С. 208. Прим. 594.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. X. С. 156; См. также: Татищев В.Н. Ук. соч. Т. V. С. 54.

⁵⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 252. Прим. 182.

⁶⁰ Экземплярский А.В. Ук. соч. Т. II. С. 128. Прим. 374.

⁶¹ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 93, 333 - 334.

⁶² Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. Труды исторические. СПб., 1906. С. 61.

⁶³ Борисов Н.С. Политика московских князей. Конец XIII - первая половина XIV в. М., 1999. С. 133. Прим. 161.

тописи, составленной спустя более чем 200 лет после событий XIII в. доверять особо не следует, а нужно опираться только на ранние летописные своды. Но и в ранних летописях, к примеру Лаврентьевской, мы также находим "лишних" угличских князей. Так под 1288 г. она сообщает: "седе Андрей Александрович на Ярославле, а *Олександр Федорович на Оугличе поле*". Спустя шесть лет, под 1294 г. она говорит о кончине последнего.⁶⁴

Таким образом видим, что приблизительно за полвека у нас наряду с шестью "достоверными" угличскими князьями оказывается такое же количество "лишних". В данной работе мы не ставим перед собой задачи найти решение этой проблемы. Это должно стать предметом особого исследования. Укажем лишь на то, что в качестве возможного пути выяснения данного противоречия должно стать предположение, что до того, как в последней четверти XIII в. Углич стал собственностью ростовских князей, он являлся частью одного из других русских княжеств. Некоторые указания источников позволяют думать, что таким центром, к которому "тянул" Углич, могла быть Вологда. Об этом, в частности, говорит то, что Дмитрий Донской в своем завещании 1389 г. вместе с Угличем благословляет своего сына Петра двумя вологодскими волостями - Тошною и Сямою.⁶⁵

С конца XIII в. название Углича почти на 80 лет исчезает из русских летописей. А как раз именно на этот период и приходится "купля" Углича. Отсутствие четких указаний источников на то, каким образом был присоединен Углич, породило среди исследователей различные догадки. В частности, историки пытались выяснить - кто из угличских и ростовских князей мог "продать" Углич.

Местный угличский историк XIX в. Ф.Х. Киссель, обнаружив у Н.М. Карамзина запись о том, что в 1375 г. в походе Дмитрия Донского на Тверь участвовал среди прочих русских князей и Александр Константинович Ростовский,⁶⁶ отождествил его с одноименным князем, княжившим в Угличе с конца XIII в. Попытался он даже выяснить вопрос - "сколько денег взял угличский князь за свое княжество?" У В.Н. Татищева, использовавшего недошедшие до нас летописи, он нашел любопытные подробности о продаже местными князьями в 1474 г. половины Ростова: "Тоя же зимы князи ростовские, князь Володимер Андреевич со всеми детьми и братаничи, продали отчины своей половину города Ростова со всем, и взяша за него два села великого князя да денег 5000 рублей". Отсюда он сделал вывод: "как Углич всегда стоит

⁶⁴ ПСРЛ. Изд. 2-е. Т. I. Вып. 3. Стб. 526, 527.

⁶⁵ ДДГ. № 12. С. 34.

⁶⁶ Карамзин Н.М. Ук. соч. Т. V. М., 1993. С. 25.

половины Ростова, то можно наверно заключить, что Угличское княжество было продано за пять, или более тысяч рублей".⁶⁷

Правда довольно скоро ошибка Ф.Х. Кисселя была обнаружена. Угличский князь Александр Константинович, родившийся в 1286 г.,⁶⁸ просто физически не мог дожить до времен Дмитрия Донского. В походе 1375 г. на Тверь принимал участие другой Александр Константинович, сын князя Константина Васильевича Ростовского.⁶⁹

П.Н. Петров, обратившись к местной угличской летописи, обнаружил, что в середине XIV в. она упоминает некоего князя Константина, правившего здесь уже на правах московского наместника. Считая так же как и Ф.Х. Киссель, что Углич был "продан" Александром Константиновичем, П.Н. Петров высказал догадку, что Калита прислал править Угличем своего брата Константина Даниловича.⁷⁰ Логику ученого можно понять. В предыдущей главе было показано, что старший сын Даниила Московского Юрий, получив Новгород, не стал там княжить сам, а посадил в качестве наместника своего брата Афанасия. Обнаружив в угличской летописи имя некоего князя Константина, П.Н. Петров предположил, что речь идет о неизвестном по другим источникам брате Калиты. Но если сведения об Афанасии Даниловиче все же встречаются в летописях, то существование Константина Даниловича ничем не подтверждается и поэтому его следует признать не более, чем выдумкой.

Угличский князь Александр Константинович, которого Ф.Х. Киссель и П.Н. Петров считали последним самостоятельным владельцем Углича, упоминается в летописях всего три раза: в них говорится о его рождении в 1286 г., вокняжении в Угличе в 1293 г. и его женитьбе в 1302 г.⁷¹ А.В. Экземплярский, занимаясь генеалогией угличских и ростовских князей, обнаружил в летописи под 1320 г. известие о смерти князя Юрия Александровича Ростовского.⁷² Судя по отчеству, он был сыном Александра Константиновича. Поскольку его отец женился в 1302 г., к моменту смерти в 1320 г. Юрий Александрович был очень юн - ему было только лет 17-18 и едва ли он был даже женат.⁷³ Очевидно, он то и был последним

⁶⁷ *Татищев В.Н.* Ук. соч. Т. VI. М.; Л., 1966. С. 44; *Киссель Ф.Х.* История города Углича. Ярославль, 1844. С. 97 - 99.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 526.

⁶⁹ Там же. Т. XXV. С. 190.

⁷⁰ *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. Кн. I. М., 1991. С. 248.

⁷¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 526 - 528.

⁷² Там же. Стб. 530.

⁷³ *Экземплярский А.В.* Ук. соч. Т. II. С. 37. Прим. 132.

угличским князем из ростовского княжеского дома. Поскольку Юрий, судя по всему, умер бездетным, Углич, по мнению А.В. Экземплярского, становился выморочным и должен был перейти к другим князьям из ростовского княжеского дома. "Но так как мы ни откуда не видим, чтобы он был после 1320 г. за князьями ростовскими, то - спрашивается - кто же владел им? Вопрос этот так и должен пока остаться вопросом", - заключал свои рассуждения ученый.⁷⁴

Ответ на него попытался дать К. Ярославский. По его мнению, после смерти князя Юрия Александровича Углич перешел во владение ростовских князей Федора (ум. 1331) и Константина (ум. 1365) Васильевичей. Поскольку из "Жития Сергия Радонежского" известно, что в первой половине 30-х годов XIV в. в Ростове распоряжался уже Иван Калита, а из местной угличской летописи было известно, что первым наместником в Угличе был некий князь Константин, К. Ярославский предположил, что ростовские князья "Андрей Федорович (ум. 1409) и Константин Васильевич с согласия великого князя Ивана Красного послали в Углич наместника князя Константина".⁷⁵ Но данное предположение является не более, чем гипотезой.

Приведенный выше перечень угличских князей XIII - XIV вв. важен для нас тем, что, начиная с последней четверти XIII в. мы видим на угличском столе князей ростовского дома, а сам Углич является лишь частью Ростовского княжества. Поэтому для выяснения вопроса - когда и каким образом Углич был "куплен" московскими князьями, мы должны прежде решить другой вопрос - когда в Ростове появляются первые московские владения? Для этого мы должны обратиться к истории непосредственно самого Ростова.

Ростов и московские князья

История Ростовского княжества XIV – XV вв. и его вхождение в состав московских владений уже давно являются предметом внимания нескольких поколений историков. В частности, одним из последних дань этой тематике отдал В.А. Кучкин, посвятивший этому вопросу специальную статью и раздел в своей монографии.⁷⁶ Тем не менее, несмотря на основательность проработки этой темы,

⁷⁴ Там же. С. 133.

⁷⁵ *Ярославский К.* Князья Угличские. Ярославль, 1892. С. 6 - 7.

⁷⁶ *Кучкин В.А.* Земельные приобретения московских князей в Ростовском княжестве в XIV в. // *Восточная Европа в древности и средневековье.* М., 1978. С. 185 – 192; *Он же.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1984. С. 264 – 282. Раздел монографии представляет собой слегка переработанный текст статьи.

многое для нас в вопросе – когда и каким образом появились первые владения московских князей в Ростове? – остается неясным и представляет собой своеобразное «белое пятно». Главной причиной этого является характер источниковой базы, в первую очередь летописных известий. Поражает зачастую их крайний лаконизм – многие сообщения летописца представляют собой не развернутый рассказ о том или ином событии, а скорее выглядят, если так можно выразиться, записями-конспектами, своего рода «опорными точками», по которым хорошо знавшие реалии своего времени современники могли легко восстановить весь ход событий. Но помимо этого, имеется и другая трудность – даже таких крайне лаконичных известий крайне мало. Достаточно сказать, что в русских летописях за весь XIV в. относительно Ростова имеется всего лишь 50 известий, значительная часть которых говорит о смене церковных иерархов. Если к этому добавить десяток известий о Ростове в духовных и договорных грамотах московских князей, актах феодального землевладения, да позднейшие родословные росписи князей, представляющие собой сухой перечень почти исключительно одних мужских имен, то собственно эти и исчерпывается тот круг источников, которым мы можем оперировать, говоря о Ростовском княжестве XIV - XV вв.

Если вкратце суммировать наши знания о Ростове этого времени, картина представляется следующим образом. На рубеже 20-30-х годов XIV в. Ростовское княжество было поделено между двумя сыновьями князя Василия Константиновича Ростовского. Старшему из них Федору Васильевичу досталась Сретенская половина Ростова, а младшему Константину – Борисоглебская, и с той поры «род князей Ростовских пошел надвое».⁷⁷ Известно, что полтора столетия спустя Борисоглебская половина была продана московскому великому князю Ивану III правнуками ее первоначального владельца Константина – князем Владимиром Андреевичем и Иваном Ивановичем Долгим. Под 1474 г. летописи сообщают: «тое же зимы продаша великому князю Ивану Васильевичю князи Ростовьские свою отчину, половину Ростова со всем, князь Володимер Андреевич и брат его князь Иван Иванович и с всеми своими детми и з братаничи; князь же великий, купив у них, даст матери своей ту половину, великой княгине Марьи».⁷⁸ Что же касается Сретенской половины Ростова, то считается, что она стала владением московских князей значительно раньше. В середине XX в. А.Н. Насонову удалось найти летописец, в котором после известия о продаже части Ростова в 1474 г. пояснялось, что «первая же

⁷⁷ ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 228.

⁷⁸ Там же. Т. XXIV. С. 194. См также: ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 180.

половина Ростова к Москве соединится при великом князе Иване Даниловиче»,⁷⁹ т.е. при Иване Калите. В.А. Кучкин предположил, что это произошло около 1332 г. и связано с событиями, последовавшими за смертью в 1331 г. первого владельца Сретенской половины князя Федора Васильевича. Из «Жития Сергия Радонежского» многим известен эпизод, повествующий о переселении родителей будущего святого из Ростова в московские пределы. Этот литературный памятник прямо указывает на появление московских владений в Ростове во время княжения Ивана Калиты, которому «купно же достася и княжение Ростовское к Москве».⁸⁰ Об этом же свидетельствует и прямое указание духовной грамоты 1339 г. самого Калиты, где фиксируется наличие его владений в Ростове: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское».⁸¹

Однако, тщательный анализ всей совокупности имеющихся летописных известий заставляет предположить, что первые московские владения в Ростовском княжестве появились не при Иване Калите, а еще раньше - при его старшем брате князе Юрии Даниловиче.

В частности, обращают на себя неоднократные упоминания о пребывании Юрия в Ростове. Так, под 1315 г. летопись сообщает: «Поиде великий князь Юрий Данилович из Новгорода с новгородци, позван в Орду от царя, а в Новгороде остави брата своего князя Афонасия; и прииде в Ростов, а оттоле поиде в Орду месяца марта в 15, в субботу Лазареву».⁸² Аналогичное известие летописец помещает пятью годами позже, под 1320 г.: «приеха из Орды великий князь Юрие Данилович в Ростов, а оттоле иде к Новгороду».⁸³

Предыдущие исследователи не обращали внимания на эти известия, полагая, что ничего необычного в них нет, поскольку Ростов для Юрия, судя по всему, являлся лишь транзитным пунктом на пути из Орды в Новгород и обратно.

Однако привлечение еще одного летописного известия ставит под сомнение это возможное утверждение. 10 - 20-е годы XIV в. ознаменовались для Руси острым соперничеством тверских и московских князей за великокняжеский стол. Эти события были неод-

⁷⁹Насонов А.Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. Вып. 4. М., 1955. С. 259.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 128; См.: Кучкин В.А. Земельные приобретения. С. 188 – 189.

⁸¹ ДДГ. С. 10.

⁸² ПСРЛ. Т. V. СПб., 1851. С. 206; См. также: Там же. Т. IV. СПб., 1848. С. 48; Т. VII. СПб., 1856. С. 186.

⁸³ Там же. Т. V. С. 215 – 216; См. также: Там же. Т. IV. С. 49.

нократно описаны. Не останавливаясь на всех перипетиях этой борьбы, осветим лишь ее отдельные эпизоды.

Юрий Московский, уехав в Орду весной 1315 г., пробыл там два года. За это время он сумел приобрести влияние на молодого хана Узбека и, более того, женился на его сестре Кончаке, принявшей при крещении имя Агафии. Получив от своего шурина ярлык на великое княжение, Юрий, зная, что предстоит тяжелая борьба с Михаилом Тверским, появился на Руси с сильным татарским отрядом. Однако, удача отвернулась от Юрия. 22 декабря 1317 г. в 40 верстах от Твери при селе Бортеневе произошел бой между князьями, Юрий был разбит, бежал, а тверичи захватили массу пленных, среди которых была и сестра хана. Кончака была отвезена в Тверь, где вскоре умерла при неясных обстоятельствах. Летописцы по-разному передают подробности ее смерти. Некоторые из них прямо говорят, что она была «зелием уморена бысть», другие подчеркивают, что «княгиню Юриеву не убиша», третьи просто передают ходившие слухи. Как бы то ни было, победа Михаила в конечном счете обернулась для него поражением. Он был вынужден заключить с Юрием мир, а затем по приказу хана должен был отправиться в Орду на суд со своим противником. Понимая, чем в Орде ему грозит смерть сестры хана, Михаил всячески оттягивал свою поездку туда, послав вместо себя 12-летнего сына Константина, очевидно, как заложника. Лишь в августе 1318 г. он отправился к хану, к которому прибыл в начале сентября. Узбек приказал его судить, Михаил оправдывался, его судили вторично, но в итоге 22 ноября 1318 г., ровно через 11 месяцев после злосчастной битвы, он был казнен по приказу хана. Юрий взял труп своего врага, привез его в Москву и лишь летом 1319 г. после долгих переговоров и унижений со стороны тверичей останки их князя были отданы им и, почти через год после его гибели, 6 сентября 1319 г. захоронены в тверской церкви св. Спаса, а Юрий получил тело Кончаки.

Во всей этой истории для нас наиболее интересным представляется вопрос - где же нашла свой последний приют Кончака? Летописцы по-разному говорят о времени ее погребения - по одним известиям выходит, что она была захоронена сразу после смерти, по другим, ее тело Юрий получил в обмен на труп Михаила Тверского. Поскольку стольным городом Юрия была Москва, логично было бы предположить, что Кончака была захоронена в ней. Но в действительности, она была погребена в Ростове. «Везоша ея со Твери в Ростов, и положиша ю в церкви святыя Богородицы в Ростове» - отметил летописец.⁸⁴

⁸⁴ Там же. Т. VII. С. 188.

«И отчего тело Кончаки отвезли в Ростов?» – задавал недоуменный вопрос историк Тверского княжества В.С. Борзаковский.⁸⁵ Ответ на него может быть лишь один – в Ростове находились владения самого князя Юрия Даниловича и именно в них он был волен похоронить свою супругу.

Но каким образом Юрию достались земли в Ростове? Во время описываемых событий Юрию Даниловичу было уже около 40 лет и Кончака была его второй женой. Первой же супругой московского князя была неизвестная нам по имени княжна из ростовского дома. Об этом сохранилось свидетельство летописца под 1297 г.: «женися князь Юрьи Даниловичъ в Ростове».⁸⁶

Встречающееся в русских летописях выражение «жениться в Ростове, Твери, Рязани и т.п.» означала не что иное, как жениться на дочери князя ростовского, тверского, рязанского и т.д. По весьма обоснованному предположению А.В. Экземплярского, тестем Юрия мог быть только ростовский князь Константин Борисович, дед Федора и Константина Васильевичей, поделивших Ростов на две половины. В конце XIII в. источники просто не знают другого ростовского князя (все равно – из живых или умерших), на дочери которого мог бы жениться Юрий.⁸⁷

Таким образом, очевидно, именно подобным образом – в качестве приданого Юрий получил владения в Ростовском княжестве. Сделав это предположение, мы можем правильно объяснить и несколько других летописных известий о Ростове этого времени, остававшихся до сих пор не совсем ясными для нас.

Вторая половина 10-х годов XIV в. стала для Ростова, пожалуй, самым тяжелым временем в этом столетии. С пугающей периодичностью, чуть ли не каждые два года, его грабили татары. Под 1315 г. IV Новгородская летопись сообщает: «Той же осени прииде из Орды князь Михайло (Тверской. – К.А.), а с ним послове, Таитемир, Мархожа, Индый; сии же в Ростове быша и много зла подеяша». Под 1316 г. она же помещает известие: «Прииде из Орды князь Василей Костянтинович (Ростовский. – К.А.), а с ним послы Сабанчий, Казанчий, и много зла сътвориша в Ростове».⁸⁸ А.В. Экземплярский высказывал по этому поводу недоумение – что же заставило ростовского князя приводить в свою отчину татар, чьими стараниями она была разорена?⁸⁹ Под 1318 г. видим аналогичное

⁸⁵ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. Тверь, 1994. С. 328. Прим. 473.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. VII. С. 181.

⁸⁷ Экземплярский А.В. Ук. соч. Т. II. С. 34. Прим. 127.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. IV. С. 48.

⁸⁹ Экземплярский А.В. Указ. соч. Т. II. С. 35.

сообщение: «Приеха Конча (татарский посол. – К.А.) на Русь и уби 100 и 20 человек на Костроме, а Ростов взя, и церковь святую Богородицю пограби, и вси церкви и монастыри и села, и люди плени». ⁹⁰ Наконец, под 1320 г. читаем там же: «Приеха из татар Юрьи в Ростов... Тогда быша злии татарове в Ростове, и събравшеся людие, изгониша их из города». ⁹¹ Не будет преувеличением сказать, что в этот период Ростов был самым разоряемым татарами городом на Руси – четыре погрома за неполные шесть лет.

Подобное «внимание» татар к Ростову объясняется очень просто, если вспомнить, что это был период резкого обострения московско-тверской борьбы, в пылу которой стороны не гнушались призывать на помощь татар, а именно в Ростове находились владения московского князя. Становится понятным и приглашение татар князем Василием Константиновичем Ростовским – они грабили не его собственные владения, а ту часть княжества, что принадлежала мужу его сестры. То, что разорялись земли именно князя Юрия Даниловича, подтверждает и то, что в 1318 г. ограблена была именно церковь св. Богородицы – та, в которой Юрий позже захоронит Кончаку.

Все это позволяет с уверенностью говорить, что московские владения появляются в Ростове уже с конца XIII в. Они представляли собой не что иное, как земли, полученные князем Юрием в приданое за своей женой, дочерью князя Константина Борисовича Ростовского. Очевидно, вместе с ними Юрий получил и Углич.

Но здесь возникает один недоуменный вопрос – как согласовать этот вывод с показаниями духовной грамоты 1389 г. Дмитрия Донского, относящими время приобретения владений в Угличе и Ростове московскими князьями к несколько более поздней эпохе Ивана Калиты, брата Юрия Даниловича?

Действительно, завещание 1389 г. Дмитрия Донского называет Углич "куплею же деда своего". ⁹² Но никакого разногласия здесь нет – Дмитрий Донской нигде в своем завещании не говорит именно о Калите, а упоминает лишь "деда своего". Под этим определением мог пониматься как сам Калита, так и его братья. Для Дмитрия все они были дедами. Таким образом под это определение мог подходить не только Иван Калита, как полагали исследователи, но и его родной брат Юрий.

С другой стороны, нам необходимо объяснить показания источников о том, что «первая же половина Ростова к Москве соединися

⁹⁰ ПСРЛ. Т. IV. С. 49.

⁹¹ Там же.

⁹² ДДГ. № 12. С. 34.

при великом князе Иване Даниловиче», хотя мы видели, что московские владения появляются в Ростове уже при князе Юрии Даниловиче.⁹³

Выше, касаясь летописных известий об Угличе в 70-е годы XIV в., мы обратили внимание на то, что в это время на него предъявляют претензии тверские князья. Чтобы понять, с чем это было связано, мы должны проследить дальнейшую судьбу ростовских владений князя Юрия Даниловича. Вернувшись в 1319 г. в Москву триумфатором - с телом своего поверженного противника, и пленниками - захваченными в Орде тверскими боярами и сыном убитого князя Михаила Тверского - Константином Михайловичем, которому исполнилось уже 13 лет, Юрий казалось мог торжествовать - он снова получил великокняжеский ярлык. Но трезвый рассудок подсказывал необходимость мириться с Тверью, которая еще никоим образом не была сломлена и жаждала отмщения за гибель своего князя. (К слову, это и произошло несколькими годами позже - 21 ноября 1325 г. Юрий был убит в Орде сыном Михаила - Дмитрием, как раз накануне того дня, в который погиб его отец). Важную роль в примирении Юрия с Тверью сыграл ростовский епископ Прохор. Под 1319 г. Тверская летопись сообщает о приезде в Тверь Прохора и князя Ярослава Стародубского, которые «зовуще князя Александра (старшего сына Михаила Тверского. - К.А.) к князю Юрию в любовь». Под их личные гарантии Александр приехал во Владимир к московскому князю, заключил мир, а затем взял тело своего отца. Одновременно Юрию были отданы останки Кончаки.⁹⁴

Наиболее удобным способом сгладить отношения с Тверью было бы породниться с тверскими князьями. Родословцы детей у Юрия не упоминают, однако из летописных свидетельств выясняется, что от первого брака с ростовской княжной у него была дочь Софья.⁹⁵ Но здесь московского князя подстерегали трудности - вряд ли кто из тверских князей мечтал породниться с убийцей их отца. Однако, Юрий особо и не настаивал - под рукой у него была готовая кандидатура - юный княжич Константин Михайлович, сын убитого Михаила, который долгое время после гибели отца находился при Юрии, сначала в Орде, а затем в Москве. Под 1320 г.

⁹³ Насонов А.Н. Летописные памятники. С. 259.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 412; См. также: ПСРЛ. Т. V. С. 215. Ростовский владыка Прохор и в дальнейшем, вплоть до своей кончины 7 сентября 1328 г. был тесно связан с Москвой. Весной 1326 г. он присутствовал на отпевании Юрия, а 14 августа 1327 г. он освящает каменный Успенский собор в московском Кремле (ПСРЛ. Т. XXV. С. 167 - 169).

⁹⁵ Экземплярский А.В. Указ. соч. Т. I. СПб., 1889. С. 67 (Прим. 176), 69.

Тверская летопись поместила известие о женитьбе княжича, которому едва миновало 14 лет: «Оженися князь Константин Михайлович у великого князя у Юриа Софию; венчан бысть на Костроме, в святом Федоре».⁹⁶ В этом контексте становится понятным известие о пребывании князя Юрия в Ростове именно в этом году⁹⁷ – московскому князю необходимо было посетить свои ростовские владения, чтобы оформить их передачу зятю. То, что Юрий отдавал зятю земли, полученные им самим в приданое, не было случайностью. Князья предпочитали не трогать свои родовые владения, поскольку их отчуждение было связано с целым рядом условий, над ними висело право родового выкупа, а следовательно и право контроля за их движением со стороны родичей.

Какова же была последующая участь ростовских и угличских владений, переданных Юрием своему зятю Константину Михайловичу Тверскому? Очевидно, его брак с Софьей был неудачным и вскоре распался. Думать так нам позволяет то обстоятельство, что Константин Михайлович, скончавшийся в 1345 г., был женат дважды – второй раз на известной только по имени Евдокии, от которой имел двух детей: Семена и Еремея, князей Дорогобужских.⁹⁸ От Софьи же, судя по всему, у него детей не было.

О дальнейшей судьбе Софьи у нас есть всего лишь одно известие, из которого явствует, что она постриглась в монахини. Под 1358 г. Никоновская летопись сообщает о смерти у князя Михаила Александровича Тверского старшего сына – княжича Александра: "преставися сынъ князь Александръ у бабы у своея, у великия княгини Софьи, въ Софьиные монастыре".⁹⁹ Упомянутая здесь Софья не могла быть родной бабкой умершего княжича, поскольку его дед – погибший в Орде в 1399 г. Александр Михайлович Тверской был женат на Анастасии.¹⁰⁰ Однако Софья Юрьевна, жена Константина Михайловича Тверского, который являлся родным братом Александра Михайловича, действительно приходилась хотя и не родной, но все же бабкой умершему княжичу. О том, что в известии 1358 г. упоминается именно жена Константина Михайловича, говорит и ее именование "великой княгиней".

Что же случилось с владениями Софьи, полученными ею от отца в

⁹⁶ ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 413 – 414. Неудивительно, что венчание происходило в Костроме. Вряд ли бы Юрий смог появиться на родине князя Михаила в Твери всего через два года после его гибели.

⁹⁷ Там же. Т. IV. С. 49.

⁹⁸ *Экземплярский А.В.* Указ. соч. Т. II. С. 478.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. X. СПб., 1885. С. 230; См.: *Экземплярский А.В.* Ук. соч. Т. II. С. 641.

¹⁰⁰ *Экземплярский А.В.* Ук. соч. Т. II. С. 476.

качестве приданого? По тогдашним правилам, поскольку брак Софьи оказался неудачным, а главное бездетным, они оставались за нею, с тем, чтобы она могла с ними вторично выйти замуж. Но после того, как Софья постриглась в монахини, отданное за ней приданое должно было отойти обратно ее отцу или другим родичам, первым из которых в очереди стоял брат Юрия - Иван Калита.

К сожалению, мы не знаем, когда был расторгнут брак Софьи с Константином Михайловичем Тверским и когда она приняла монашеский сан. Судя по всему, это произошло уже в 1320-е годы, а, если быть точнее, то в промежуток между 1325 г. (гибелью Юрия в Орде от руки Дмитрия Михайловича Тверского) и 1328 г. Об этом свидетельствует указание обнаруженного А.Н. Насоновым летописца, в котором пояснялось, что «первая же половина Ростова к Москве соединися при великом князе Иване Даниловиче».¹⁰¹ Другое летописное известие сообщает под 1328 г. о браке князя Константина Васильевича Ростовского на дочери Ивана Калиты Марье: «женися князь Костянтин Васильевич Ростовъскы у великого князя Ивана Даниловича».¹⁰² Зять Калиты, женившись на его дочери, несомненно, должен был получить за ней приданое. Судя по всему, Константину Васильевичу Ростовскому достались земли в Угличе. Таким образом, как бы завершился «круговорот» земель, отданных князем Константином Борисовичем Ростовским Юрию Московскому в приданое за своей дочерью, затем переданных Юрием в приданое своему зятю князю Константину Михайловичу Тверскому, возвратившихся к брату Юрия Ивану Калите и, наконец, вновь отданных последним в приданое за своей дочерью Марьей внуку первоначального владельца - Константину Васильевичу Ростовскому.

Но при этом московские князья постарались сохранить фактический контроль над этими владениями. Князь Константин Васильевич, судя по всему, распоряжался Угличем не на правах полного владельца, а лишь в качестве наместника московского князя. Очевидно, именно его имеет в виду местная угличская летопись, сообщающая о том, что в середине XIV в. в Угличе наместниками московских князей последовательно являлись два князя по имени Константин. Относительно первого из них летописец сообщает, что он имел прозвище Улемец,¹⁰³ и, как мы выяснили выше, был сыном князя Федора Ростиславича Ярославского и Смоленского. Вторым же из них, вероятно, и был Константин Васильевич Ростовский. О том, что фактически он находился на положении "слуги" у московс-

¹⁰¹ Насонов А.Н. Летописные памятники. С. 259.

¹⁰² ПСРЛ. Т. 25. С. 169.

¹⁰³ Угличский летописец. Ярославль, 1996. С. 37, 38.

ких великих князей, косвенно говорит один довольно примечательный факт, отмеченный летописцем. В 1349 г. волынский князь Любарт Гедиминович, задумав жениться на дочери Константина Васильевича Ростовского и Марии, испрашивал на то разрешения не у ее отца, как можно было бы думать, а у ее дяди - Семена Гордого, старшего сына Калиты.¹⁰⁴

Наш вывод о том, что Углич достался московским князьям в результате брака князя Юрия Даниловича на ростовской княжне можно подтвердить, если выяснить историю еще одной "купли" Ивана Калиты. В своей второй духовной грамоте, составленной в 1417 г., московский князь Василий Дмитриевич среди прочего отдает своей княгине «прадеда своего примысль в Бежицком Версе Кистьму да села Онтоновские, да в Ростове Василевское».¹⁰⁵ Прадедом Василия I, как известно, был Иван Калита. Каким образом это владение досталось московским князьям?

Очевидно, дочери князя Юрия Даниловича Софье после ее пострижения в монахини, все же была оставлена в качестве "прожитка" небольшая часть ее приданого. Ее составили волость Кистьма и несколько сел.

Выяснив это обстоятельство, мы можем уточнить и время кончины Софьи. Она, судя по всему, последовала приблизительно в 1371 г. После смерти Софьи встал вопрос - кто будет наследовать ее владения? На них мог претендовать Дмитрий Донской, как внук Юрия Даниловича, который отдал эти земли в приданое за своей дочерью, а с другой стороны - князя Дорогобужские, потомки Константина Михайловича Тверского от второго брака. Шансы добиться разрешения этого вопроса в свою пользу у двух сторон были примерно одинаковыми, поскольку Софья всем им приходилась родственницей не по прямой, а лишь по боковой линии. Поэтому вполне понятно, что в условиях когда у противников не было убедительных аргументов правового характера, не замедлили развиться военные действия.

Московский князь Дмитрий Иванович попытался захватить Бежецкий Верх, на что сразу же последовал ответ со стороны Твери. Рогожский летописец под 1372 г. помещает известие: "А князь великий Михаил Александрович, пославъ братанича своего князя Дмитрея Еремеевича (он приходился внуком Константина Михайловича Тверского. - К.А.) и воеводъ своихъ ратию и взял Кистьму. И воеводъ кистемьскихъ, Ивановыхъ дети и Шенуровыхъ Андреа и Давида и Бориса, изниравъ, приведоша въ Тферь къ великому князю Михаилу".¹⁰⁶

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 59.

¹⁰⁵ ДДГ. С. 58.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 98.

К сожалению, летописи молчат о дальнейшей судьбе Кистьмы в XIV в. Но, судя по тому, что эта волость в духовных грамотах московских князей впервые упоминается лишь во втором завещании Василия I и отсутствует в его первой духовной грамоте, составленной до кончины вдовы Дмитрия Донского Евдокии, следует полагать, что она в итоге досталась в 1370-е годы последней, а уже от нее перешла к ее сыну Василию Дмитриевичу.

Очевидно, что в контексте борьбы за бывшее приданое Софьи Юрьевны следует рассматривать и попытку тверского князя Михаила Александровича захватить в 1371 и 1375 гг. Углич.¹⁰⁷ Но московско-тверская война 1375, как известно, закончилась поражением Твери и вследствие этого тверские князья вынуждены были окончательно отказаться от своих претензий на Углич.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. IV. С. 70; Т. XV. Вып. 1. Стб. 96.

Заключение

Нам остается подвести основные итоги нашего исследования. В предыдущих главах данной работы было показано, что Галич, Белоозеро и Углич, которые Дмитрий Донской в своем завещании 1389 г. именует "куплями своего деда", являлись ничем иным, как землями, полученными в приданое московскими князьями. Говоря о Галиче, мы имеем дело с приданым, доставшимся Ивану Калите вместе с рукой своей второй супруги Ульяны, дочери галичского князя Федора Давыдовича. В случае с Белоозером речь идет о приданом, полученным братом Калиты - князем Афанасием Даниловичем, который женился на Анне, дочери князя Василия Глебовича Белоозерского. Углич стал владением московских князей в результате брака князя Юрия Даниловича Московского на неизвестной нам по имени княжне из ростовского княжеского дома, дочери князя Константина Борисовича Ростовского.

Ошибкой предшествующих историков было то, что исследователи, читая в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского три выражения "своего деда", полагали, что речь в них идет об одном и том же лице - князе Иване Даниловиче Калите. Между тем, Дмитрий Донской, говоря о Галиче, Белоозере и Угличе, каждый раз имел в виду разных лиц - братьев Ивана, Афанасия и Юрия, которые, действительно, являлись по отношению к нему дедами. Таким образом приобретение этих владений московскими князьями мы можем отнести к первой трети XIV в.

Тот факт, что данные земли не упоминаются в духовных грамотах как самого Ивана Калиты, так и его сыновей Семена Гордого и Ивана Красного, объясняется их особым статусом. Хотя московские князья фактически владели этими землями (о чем говорят прямые и косвенные свидетельства источников), указывать их в своих завещаниях они не имели права: формально земли, доставшиеся им в результате браков, представляли владения их супруг, с которыми они могли бы вновь выйти замуж. Только после кончины последних они становились не только де-факто, но и де-юре полным владением князей московского дома. Этот специальный статус земель, отдававшихся в приданое, закреплялся особыми рядными договорами, заключававшимися между родственниками невесты и женихом. К сожалению, грамот, по которым московские князья получили Галич, Белоозеро и Углич, до нас не дошло. Это можно объяснить как естественной утратой документов, так и их целенаправленным уничтожением.¹

¹ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV - XV вв. Ч. I. М.; Л.,

Между тем, в нашем распоряжении имеются позднейшие рядные грамоты XVI - XVII вв., данные которых позволяют судить о содержании аналогичных документов предшествующего времени. Судя по ним, тесть или родственники невесты, при заключении брака давали зятю: "святость" (в виде икон и образов), различное движимое и недвижимое имущество, холопов и крепостных людей.

Первые из дошедших подобных грамот сохранились, начиная с середины XVI в. Такова, к примеру, рядная грамота 1542 г., составленная от имени княгини Марии Ивановны Согорской (урожденной Кемской): "Се язъ, княини Марья, княжъ Иванова дочь Кемского, княж Костянтинова жена Ахметековича Согорского, даю дочь свою княиню Соломаниду княжъ Андреевскую жену Юрьевича Пронского, за князя за Данила Васильевича Хованскаго. Благословляю зятя своего князя Данила Васильевича: образъ Спасовъ - обложенъ со вкладками, пелена жемчюгомъ сажена съ дробницами, да образъ Рождество Пречистые - обложенъ три гривны серебряны, да серга жемчужная, пелена жемчюгомъ сажена, да икона воротная серебряная с мощами. Да даю зятю своему, князю Данилу Васильевичю, въ приданые - вотчину государя своего, князя Костянтина Ахметековича, в Согорзе, въ Пошоохонскомъ уезде, по отца его духовной по Ахметекове: село Тутаново, а въ немъ церковь Ильа Пророкъ, а къ селу деревень: дер. Телешево, дер. Воронково, дер. Дуброва, дер. Демидково, дер. Климово, дер. Прибытково, дер. Дубовица, дер. Ванино, дер. Клементьево, дер. Матиево, дер. Серково, дер. Шылово, дер. Липовка Медведева, дер. Олексийковъ Починокъ, дер. Кишкино, дер. Денисово, дер. Огородъ, дер. Семенцово, дер. Жилково, дер. Завражье Занино, дер. Игнатцово, дер. Шишкино, дер. Завражье Пашуково, дер. Юдино, да починокъ пустошь Рыжунина. Да по отца своего духовной грамоте, далъ князь Костянтинъ изъ своеи половины матери своей княине Марье десять деревень, до ее живота: дер. Росолово, дер. Погорелово, дер. Брагино, дер. Слугинское, дер. Беляевъ Починокъ, дер. Попково, дер. Митрошово, дер. Семенцово, дер. Сырнево, дер. Терпичево, а после матери моеи живота и та десять деревень зятю же моему, князю Данилу Васильевичю; да десять головъ людей служнихъ и делавыхъ; да пятьдесятъ рублевъ денегъ: за платье, и за саженье, и за манисто, за серги и за запястье. - А на то послуи: князь Петръ княжъ Александровъ сынъ Ухтомского, да отецъ нашъ душевной игумень Макарей Семеновской, да попъ Терентей Троецкой Софоновъ сынъ, да попъ Григорей Олексиевъ сынъ Ильинской. А рядную писалъ мой человекъ Сухой, лета 7050". На обороте грамоты имеются собственноручные подписи: "Къ сей

рядной язъ, князь Петръ князь Александровъ сынъ, послухъ и руку приложилъ. А по сей рядной язъ, игумень Макарей, руку свою приложилъ, отецъ ихъ душевной. Къ сей рядной азъ, попь Тереньтей, послухъ руку свою приложилъ. К сей рядной попь Григорей руку свою приложилъ".²

Но рядные грамоты, оформлявшие имущественные взаимоотношения между новыми родственниками, не являлись единственным документом, составлявшимся во время сватовства. Как правило, им предшествовала сговорная запись, представление о содержании которых дает сговорная грамота 1549 г. Тишины Сулменева о женитьбе на Елене Ржевской: "Се язъ, Тишина Костянтиновъ сынъ Сулменева: жениться мне у Замятни, да у Василья у Михайловыхъ детей Ржевского, а поняти мне ихъ сестра Олена Михайлова жъ дочь Ржевского, за неделю до заговенья Филипова, лета 7050-осмаго. А не женюсь язъ, Тишина, на тотъ срокъ у Замятни да у Василья, ино на мне, на Тишине, взять Замятне да Василью, по сей записи, сто рублевъ денег. - А на то послуи: Дмитрий Ивановъ сынъ Маршалкова, да Костянтинъ Федоровъ сынъ Засецкого, да Федоръ Ивановъ сынъ Лыковъ, да Замятня Костянтиновъ сынъ Сулменева. А запись писалъ Васюкъ Федоровъ сынъ Засецкого, лета 7057". На обороте собственноручные подписи свидетелей: "Послухъ Федоръ руку приложилъ. Послухъ Костя руку приложилъ. Послухъ Замятня руку приложилъ".³

Впрочем, нередко, сговорная и рядная записи, объединялись в одном документе. Такова, к примеру, рядная (сговорная) запись 1612 г. о женитьбе крестьянина Прилуцкого монастыря Марка Иванова сына Скоровского на Епистимии Окинфиевой, содержащая, как перечень передаваемого жениху имущества, так и обязательство последнего жениться. Из пометы на этой грамоте: "А записи писалъ по противнемъ Иванко Дмитриевъ", выясняется, что подобные документы составлялись в двух экземплярах - один предназначался жениху, другой оставался у родственников невесты.⁴

Наконец, окончательно процесс сватовства и женитьбы оформлялся так называемой "венечной памятью". Такова одна из них, датируемая 1630 г.: "По благословению великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии указу, и по грамоте Нижнего Новогорода отъ Архангилского протопопа Иосифа, да отъ поповъскихъ старость: от Троецкого попа Богдана, да села Офонасьева от Успенского попа Ивана, въ село Ле-

² Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 392. С. 418.

³ Там же. № 393. С. 418 - 419.

⁴ Там же. № 395. С. 419 - 420.

кеево Николскому попу Мартемьяну. Женится отрокъ Романъ Ивановъ, поимаетъ девку Устинью Андрееву дочь. И ты бѣ про нихъ обыскалъ, чтобъ ни въ роду, ни в племяни, ни въ кумовстве, ни въ сватовстве. А обыскавъ бы еси венчалъ. Лета 7138 году генваря въ 10 день. Къ сему знамени Архангилской протопопъ Иосифъ печать свою приложилъ".⁵

Подобные документы были в ходу и в гораздо более позднее время, дожив в крестьянской среде вплоть до эпохи НЭПа начала 20-х годов XX в. Таковы, к примеру, несколько решений сельского схода подмосковной деревни Ступино по утверждению "семейных контрактов".

Вот первое из них: "26 апреля 1918 г. мы, нижеподписавшиеся Жилевского волостного совета граждане д. Ступиной, быв сего числа на общем собрании в присутствии председателя сельского совета Алексея Ильичева, где обсуждались вопросы нашего селения, куда и явилась наша односельная гражданка вдова Парасковья Евфимиевна Абрамова с зятем своим Николаем Ивановичем Аббакумовым из д. Сайгатово Туровской волости, который и проживает с семейством у ней, Абрамовой, и заявила, что она вдова престарелых лет, наследников у нее нет, кроме единственной дочери Ольги Ивановны Аббакумовой, и что она все свое полное хозяйство, как движимое, так и недвижимое передает зятю своему Николаю Ивановичу Аббакумову с правом принятия его в дом и причисления к гражданам д. Ступиной, с правом пользования правом голоса наравне с прочими гражданами. По выслушании заявления общее собрание приняло просьбу Абрамовой во внимание и постановило принять Николая Ивановича Аббакумова в граждане д. Ступиной с правом пользования имуществом Парасковьи Абрамовой во все полное ее обеспечение, причем он должен покоить, кормить и поить Абрамову до самой ее смерти, и настоящий приговор передаем в Жилевский волсовет, в чем и подписуемся". Следуют подписи крестьян. Подписал председатель сельсовета А. Ильичев. "13 мая для передачи Абрамовой получил" (подпись неразборчива).

Аналогичное "домашнее условие" было утверждено сельским сходом 10 февраля 1922 г.: "Я, нижеподписавшийся гражданин д. Ступиной, Смагин Дмитрий Никифорович, даю сию расписку гражданке той же деревни Афимье Степановне Чуткиной в том, что я, Смагин, вхожу к ней, Чуткиной, во двор в зятя, на ее родную дочь Наталью Алексеевну, на условиях следующих: я, Смагин, обязуюсь выдать в замужество 2 Чуткиных дочерей Ольгу Алексеевну и Марию Алексеевну. В крайнем случае невыхождения в замужество

⁵ Там же. № 403. С. 425.

Ольги и Марии я обязуюсь их спокоеить, то есть обеих опекасть, и также я, Смагин, обязуюсь исправлять все домашние расходы и так же по смерти Афимьи Чуткиной не считаюсь хозяином дома, а после смерти Чуткиной я должен остаться полным домохозяином, то есть наследником как домом, так и всем имуществом. Условие это я, Смагин, должен исполнять в точности. Условие сие сделано в согласии Афимьи Чуткиной и ее зятем Дмитрием Никифоровичем Смагиным. В чем и подписуемся: Ефимья Чубкина и Смагин Дмитрий".⁶

Тот факт, что подобные грамоты и соглашения дожили до начала XX в., а в виде брачных контрактов возрождаются и в наши дни, говорит о чрезвычайной устойчивости подобных документов и достаточно древнем их происхождении. Тем не менее, естественным представляется вопрос - когда же все таки возникает этот вид соглашений - в XVI - XVII вв., от которого дошли первые сохранившиеся рядные записи, или же в более раннее время?

Дошедшая до нас уникальная рядная грамота псковичей Тешаты и Якима, датируемая XIII в., позволяет говорить о том, что согласие сторон на брак стало фиксироваться, по крайней мере, начиная уже с этого времени: Се порядися Тешата с Якимомь про складьство, про первое и про задьнее. И на девце Яким серебро взял, а мониста Тешатина у Якимовы жены свободна Тешяте взяти. И рощет учинила промежи себе. А боле не надобе Якому Тешятя, ни Тешяте Яким. А на томь послуи: Давыд поп, Дорожка, Домослав Векошкые, Боян, Кузма Лоиковичь, Жидило Жихновичь, Иван Смолнянин. А кто сии ряд переступить, Яким ли, Тешятя ли, тот даст 100 грив[ен] серебра. А псал Довмонтов писец".⁷ Как выяснили исследователи, перед нами - договор о взаимных расчетах в связи с женитьбой Якима на дочери Тешаты. Тешата, судя по этим расчетам, - вдова, приданое за дочерью дает серебром, а взамен берет у дочери (впоследствии жены Якима) свое монисто.⁸

Из анализа вышеприведенных источников видим, что брачный ряд (сговор) был важным элементом установления супружеского союза на Руси уже с достаточно давнего времени. По этим документам зять получал от своих новых родственников различное имущество и земельные владения в виде приданого. Но почему же Дмитрий Донской в своем завещании 1389 г. именует приобретения своих дедов не приданым, чем собственно являлись приобретения его дедов в Галиче, Белоозере и Угличе, а "куплями"?

⁶ Цит. по: *Тонин А.* Исторические сведения о деревне и городе Ступино (картины жизни, хроника событий и строительства). М., 2000. С. 49 - 50.

⁷ Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953. С. 278.

⁸ *Пушкарева Н.Л.* Женщины древней Руси. М., 1989. С. 115.

Из анализа различных источников выясняется, что термин "приданое" начинает встречаться в них лишь приблизительно с середины XV в. Так, из духовной грамоты Есипа Дмитриева сына Окинфова 1459 г. узнаем, что часть своих холопов он получил в приданое: "Да что ми дали в приданные паропка, да девочку..."⁹ В 1458/59 г. игумен Троицкого Калязина монастыря Макарий менялся землями со своим слугой Кузьмой Игнатьевым. Составленная по этому поводу грамота предусматривала: И с теми деревнями Кузме и его детем у Троицы у игумена з братьею служить, а мимо монастыря техъ деревень не продать, ни променить, *ни в приданные не отдать*, и в закупе не заложить, и по душе не отдать".¹⁰ В написанной около 1480-х годов деловой (раздельной) грамоте старца Троице-Сергиева монастыря Феогноста читаем: "Се яз, старец Фегнаст Сергеева монастыря, розделил есмь землю своим детем: дал есмь своей дщери Ульяне в придании Ворохобино..."¹¹ Процитируем отрывок из правой грамоты по земельному спору в волости Воре (около 1490-95 гг.): "И судья спросил Якова: отвечай, чья то земля, на которой стоим? И Яков так рек: Та, господине, земля Болдинская... А дала ми, господине, ту землю в приданные теща моя, Офимья, да шюрья мои, Ондреи да Михаилло. А пашю яз, господине, ту землю тритцать лет да два".¹² В законодательстве термин "приданое" появляется лишь в конце XV в. В "Судебнике" 1497 г. находим упоминание о "приданом холопе".¹³

И хотя термин "приданое" впервые фиксируется в источниках лишь с XV в., это не означает того, что до этого времени понятие передаваемого жениху имущества отсутствовало. Выше мы видели, что рядные грамоты существовали уже в XIII в. Отсюда мы можем сделать вывод, что, очевидно, в более раннее время вместо термина "приданое" использовался другой - вероятно - "купля".

В этой связи следует напомнить замечание С.Ф. Платонова, указавшего на многозначность слова "купля".¹⁴ Обратившись к словарям древнерусского языка, мы найдем подтверждение этому наблюдению. "Словарь древнего славянского языка" 1899 г. для слова "купля" дает значения: торговля, товар, торговые дела, условие, договор, совокупление. "Словарь" И.И. Срезневского под

⁹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. Т. III. М., 1964. № 100.

¹⁰ Там же. Т. I. М., 1952. № 133.

¹¹ Там же. № 543.

¹² Там же. № 557.

¹³ Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 357. Ст. 66.

¹⁴ Платонов С.Ф. Собрание сочинений по русской истории. [Т. 2. М., 1994]. С. 338 - 341.

этим словом понимает: "товар, торговлю, торговые дела, покупку, условие, договор, совокупление". "Словарь русского языка XI - XVII вв." дает пять значений этого слова: 1) купля-продажа, ведение торговых дел, 2) то, что является предметом купли-продажи, товар, 3) приобретение, покупка (о недвижимой собственности), 4) договор о купле-продаже; условие, контракт, 5) деятельность, занятие вообще. Наконец, "Словарь древнерусского языка XI - XIV вв." относит к термину "купля" шесть значений: 1) действие по глаголу кпить, 2) предмет купли, покупка, 3) торговая сделка, торговля, 4) товар, 5) дело, деятельность, занятие, 6) условие, договоренность.¹⁵

Самым важным для нас в этих определениях является то, что словари И.И. Срезневского и русского языка XI - XVII вв. в значении "условие, договор" дают выражение "брачная купля". Из этого мы можем сделать весьма интересный для нас вывод, что в древнерусском языке слово "купля" могло использоваться в значении "брачный контракт (договор)". Крайне любопытным представляется то, что подтверждение данному наблюдению можно найти в духовной грамоте Ивана Калиты.

Открыв ее, читаем: "А что мои люди куплени в великомъ свертце, а тыми ся поделять сынове мои".¹⁶ Кем были упомянутые здесь "купленные люди"? Предположений на этот счет можно высказать много.¹⁷ Но в итоге все они сведутся лишь к одному варианту, если мы укажем, что данная фраза помещена в том отрывке завещания, в котором говорится о судьбе имущества первой супруги Калиты Елены. После фразы о "купленных людях" речь идет о золотых украшениях Елены, которые московский князь отдает своей дочери от первого брака. Выше, говоря о рядных грамотах XVI - XVII вв., мы отмечали, что в них, помимо земельных владений, собственно вещей и нарядов невесты, нередко перечисляются холопы и крепостные люди.¹⁸ Именно их и имеет в виду Иван

¹⁵ Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию, Ф. Миклошичу, А.Х. Востокову, Я.И. Березникову и И.С. Кочетову. СПб., 1899. С. 352; *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Т. 1. Ч. 2. М., 1989. Стб. 1370 - 1371; Словарь русского языка XI - XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 129; Словарь древнерусского языка (XI - XIV вв.) Т. IV. М., 1991. С. 334 - 335.

¹⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М.; Л., 1950. № 1. С. 8, 10 (Далее: ДДГ).

¹⁷ См. точку зрения Л.В. Черепнина: *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV - XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 218 - 221.

¹⁸ См.: Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Под

Калита, когда говорит о "купленных людях". Несомненно, речь идет о тех холопах, которые Елена получила в приданое от своего отца. Примечательно, что в их разделе принимают участие только сыновья Калиты от первого брака, но никак не вторая супруга с "меньшими детьми". Очевидно и то, что названный в этой фразе "великий сверток", где упомянуты эти люди, является ничем иным, как "брачной куплей" - рядной грамотой или свадебным контрактом, заключенным Калитой с родственниками своей первой супруги.

Итак, мы выяснили, что под термином "купля" завещания 1389 г. Дмитрия Донского следует понимать полученные в приданое земли и другое имущество. Но почему же оно именовалось в XIV в. термином "купля"? Для выяснения этого вопроса необходимо обратиться к сохранившимся до наших дней трем духовным грамотам сына Дмитрия Донского - Василия I. Говоря о владениях его жены - великой княгини Софьи Витовтовны, они дают интересную подробность, из которой выясняется, что Софья Витовтовна самостоятельно купила ряд подмосковных сел, которые являются ее полной собственностью и которыми она вольна распоряжаться, как захочет. "А што ее примысль, в томъ волна, по душе ли дать, сыну ли дать",¹⁹ - читаем в первой духовной грамоте. "А што покупила на Москве и што ее примысль, то ее и есть... А што ее прикупъ и примысль, а то ее и есть",²⁰ - уточняет второе завещание. "А что ее прикупъ и примысль, а то ее и есть... А что покупила села на Москве и что ее примысль, а то ее и есть",²¹ - говорит третья грамота.

Здесь резонно задать вопрос - на какие деньги княгиня совершала данные покупки? Поскольку ими не могли быть средства ее мужа Василия I, остается возможным лишь единственный вариант - Софья Витовтовна приобрела эти села на деньги, полученные ею в приданое от своего отца. Вкладывая свои средства в покупку подмосковных сел, она стремилась обратить деньги в приносящую постоянный доход недвижимость. Очевидно, это приобретения можно было назвать "прикупом" или "куплей".

При этом следует полагать, что Софья Витовтовна не была единственной из женщин своего времени, кто стремился выгодно вложить свои средства, с тем, чтобы обеспечить свою будущую жизнь в случае возможных осложнений во время супружества (развод, смерть мужа и т.п.) В этой связи необходимо напомнить важное наблюдение Н.Л. Пушкаревой, отметившей, что если в

ред. Н.В. Калачова. Т. III. СПб., 1884. Стб. 291, 295, 299 и др.

¹⁹ ДДГ. № 20. С. 56.

²⁰ Там же. № 21. С. 58.

²¹ Там же. № 22. С. 60, 61.

русских документах содержится немало примеров получения в качестве приданого недвижимой собственности, то западные современницы древнерусских женщин получали приданое чаще всего в виде денег и движимости.²² Подобная практика существовала в более раннее время и на Руси. В частности, говоря о рядной грамоте Тешаты с Якимом, мы отметили факт, что последний получил приданое за своей женой не в виде недвижимости, а серебром, т.е. деньгами. От XII в. до нас дошло одно из граффити Софии Киевской, где княгиня Всеволожая упомянута как покупатель "земли Бояновой", за которую она заплатила "семьсот гривен собольих".²³ И хотя в своем комментарии к этому источнику Н.Л. Пушкарева полагает, что указанную финансовую операцию княгиня проводила, уже будучи вдовой, на исходе жизни,²⁴ у нас есть все основания полагать, что данную недвижимость она купила на средства, доставшиеся ей в качестве приданого, с тем, чтобы обратить их в землю, от которой можно было получать ежегодную ренту.

Установившееся с XIII в. татаро-монгольское иго и тот факт, что ежегодно из русских княжеств в Орду уходили огромные суммы денег, привели к тому, что на Руси начал испытываться серьезный недостаток серебра. Результатом этого стало то, что в качестве приданого за женщинами стали давать не деньги, а недвижимость. Следствием этой перемены стало и то, что приблизительно с XV в. в источниках термин "купля" начинает заменяться выражением "приданое", которое дожило до наших дней.

Вместе с тем, возможно и несколько другое объяснение происхождения термина "купля" применительно к имущественно-брачным отношениям. Спорным по сей день является вопрос, существовала ли в древнейшей Руси "купля жен", известная как брачный обряд многим славянским народам и описанная арабскими авторами. Начиная с крещения Руси и присвоения церковью монопольного права утверждения брака, мы наблюдаем постепенный процесс складывания норм семейного законодательства. Он шел двумя путями: с одной стороны, через узаконение решений церковной власти, опиравшейся в своих действиях на византийское брачное право, а с другой, через трансформацию древних обрядов в правовой обычай и постепенное их приближение к новым нормам семейно-брачных правил.²⁵ В этой связи можно предположить, что трансформировавшиеся подобным способом связанные с

²² Пушкарева Н.Л. Ук. соч. С. 127.

²³ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI - XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966. С. 64. № 25.

²⁴ Пушкарева Н.Л. Ук. соч. С. 235. Прим. 47.

²⁵ Там же. С. 71.

брачными обрядами отношения еще долгое время сохраняли прежнее название "купля" и лишь только в XV в. заменяются новым термином "приданое". Но проблема эта представляет собой отдельный предмет исследования и выходит за рамки данной работы.

Мы же должны задать другой вопрос - является ли верным наше объяснение "купель Ивана Калиты" и не представляет ли оно собой лишь очередную версию истолкования этого сложного вопроса, которая может быть легко оспорена находкой новых, незамеченных нами доводов и аргументов? Определенный повод думать так заставляет высказанное в литературе суждение, что "в период после нашествия монголов княжества Северо-Восточной Руси ни разу не переходили от одной линии Рюриковичей к другой в качестве приданого за невестой. Единственный случай получения княжества через брак с представительницей местного княжеского дома (вокняжение в Ярославле смоленского князя Федора Ростиславича Черного во второй половине XIII в.) был вызван смертью всех мужчин из семьи невесты".²⁶ Но столь категоричное утверждение вряд ли верно. Мы видели, что помимо Галича, Белоозера и Углича подобным образом, в качестве приданого за женой Семена Гордого Марией Александровной московским князьям достался Дмитров. Количество аналогичных случаев можно увеличить. Еще А.В. Экземплярский указывал на подобные примеры в середине XV в. Посредством брака от князей Деевых к князьям Заозерским отошла Кубена. Князь Михаил Андреевич Верейский, женившись на Елене, дочери князя Ярослава Владимировича Серпуховского, с ее рукой получил Малоярославец.²⁷

Вместе с тем, мы должны задать другой вопрос - почему в заведении 1389 г. Дмитрия Донского Галич, Белоозеро и Углич названы "куплями", тогда как применительно к упоминаемому в нем Дмитрову это определение отсутствует? В предисловии к данной работе мы касались наблюдения С.М. Каштанова, обратившего внимание на то, что в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского употребляются следующие выражения: "своего деда куплею, Галичем, со всеми волостми...", "куплею же деда своего, Белымозеромъ, со всеми волостми...", "куплею же своего деда, Оугличем полем, и что к нему потягло".²⁸ Было также отмечено, что упо-

²⁶ Бочкарев В.В. О границах Можайского княжества в конце XIII - XIV в. (опыт сравнительного анализа княжеских духовных грамот) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2000. № 3. С. 89.

²⁷ Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 89, 116, 307.

²⁸ ДДГ. № 12. С. 34. Выделено нами.

мянутое в данном контексте слово "волость" кроме основного своего значения: "мелкая территориально-административная единица" имеет и другое: "городские доходы". Выше, говоря о Галиче и Белоозере, мы выяснили, что Дмитрий Донской владел далеко не всей территорией этих княжеств. Восточной частью Галичского княжества владели ветлужские князья, ветвь ростовского княжеского дома. В Белоозере сохраняли свои владения и остатки суверенных княжеских прав члены младшей ветви белозерских князей. Что касается Углича, в XIV в. он представлял собой часть Ростовского княжества. Однако московским князьям в указанных княжествах удалось получить статус местных "великих князей", благодаря которому им должны были подчиняться их удельные совладельцы. Именно этот статус имеют в виду составители летописных сводов 1493 и 1495 гг., когда говорят о Белозерском и Галичском "великих княжениях".²⁹ С учетом этого можно частично согласиться с наблюдением В.И. Сергеевича, пришедшего к выводу, что язык официальных актов, каковым является завещание Дмитрия Донского, не совсем верно отражает реальное положение дел. Московский великий князь, приобретая в этих владениях довольно существенную часть княжеских прав, указывая в своем завещании, что данные города являются "куплями", тем самым определял на территории данных княжений свою решающую роль в вопросах совместного судоустройства, налогообложения, сбора таможенных доходов, выплаты ордынской дани, содержания в порядке городских укреплений и "осадных дворов" и т.п. Что же касается Дмитрова, то после того, как в результате московско-тверской войны 1375 г. тверские князья вынуждены были окончательно отказаться от претензий на него, этот город стал полностью московским владением и указание на объем владельческих прав в нем московских князей представлялось излишним. Поэтому он не назван в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского в качестве "купли".

Однако, самый главный довод в пользу нашего объяснения вопроса о "куплях Ивана Калиты" содержат все те же летописи. Ермолинская летопись, летописные своды 1497 и 1518 гг., рассказывая о предсмертных распоряжениях Дмитрия Донского, содержат любопытную деталь: "И приказа сыну своему Василию старейшинство и великое княжение; а князю Юрию даст Звенигород и Галич со всем, иже преже то было *опришнее княжение*; а князю Андрею - Можаяск да Белоозеро, так же было *княжение опришнее*; а князю Петру даст Дмитров".³⁰ В данном известии привлекает внимание

²⁹ ПСРЛ. Т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 256 - 257, 335.

³⁰ Там же. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 131; Т. XXVIII. М.; Л., 1963. С. 85, 249. Выделено нами.

дважды употребленное по отношению к Галичу и Белоозеру выражение "опришнее княжение". Термином "опришнина" в XIV в., как известно, назывались владения, выделявшиеся в полную собственность княгиням-вдовам. Тем самым летописец подчеркивал, что эти владения достались московским князьям за их супругами и сохраняли свой особый статус земель, полученных в приданое, еще долгое время.

Именной указатель

Аббакумов Николай Иванович,
крестьянин д. Ступино, 206
Аббакумова Ольга Ивановна
(урожд. Абрамова),
крестьянка д. Ступино, 206
Абрамова Прасковья
Евфимиевна, крестьянка д.
Ступино, 206
Август, римский император, 25
Аграфена, ж. кн. Афанасия
Ивановича Шехонского, кнг.,
71
Албердов Андрей, 71
Алегам, свергнутый казанский
царь, 168
Александр Андреевич Остей,
московский боярин, 60 - 62
Александр Глебович, с. Глеба
Ростиславича, кн. смоленский,
141
Александр Данилович, с.
Даниила Александровича, кн.
московский, 159
Александр Константинович, с.
Константина Борисовича, кн.
ростовский, кн. угличский,
187, 191
Александр Константинович, с.
Константина Васильевича, кн.
ростовский, 190, 191
Александр Михайлович, с.
Михаила Александровича,
княжич тверской, 199
Александр Михайлович, с.
Михаила Ярославича, вел. кн.
тверской, 95, 96, 102, 155 -
157, 163, 172, 173, 198, 199
Александр Монастырь,
родоначальник
Монастыревых, 99
Александр Наримонтович, кн.

литовский, 144
Александр Пересвет, инок
Троице-Сергиева мон-ря под
Москвой, 123, 125, 126, 128,
129, 135
Александр Укович, владелец
мещерский, 22, 23, 25, 26, 27,
28, 29, 30
Александр Федорович
Брюхатый, с. Федора
Васильевича, кн. ярославский,
15
Александр Федорович, кн.
угличский, 190
Александр Юрьевич, с. Юрия
Федоровича, кн. мещерский,
22, 23, 27
Александр Ярославич Невский,
в. кн. владимирский, 188
Александра, ж. Ивана
Ивановича Красного, вел. кнг.
московская, 83
Александров Д.Н., историк, 141
Алексей Петрович Хвост
Босоволков, московский
тысяцкий, 96
Алексей, митрополит киевский и
всяя Руси, 72
Амраган (Армаган), баскак
великий владимирский, 44
Анастасия, ж. Александра
Михайловича, вел. кнг.
тверская, 199
Анастасия, ж. кн. Василия
Давидовича ярославского, 99
Андогские (Андожские),
княжеский род, ветвь князей
Белозерских, 104, 116 - 122,
145
Андомский Андрей, кн., 138
Андомский Иона, кн., 138
Андомский Софроний, кн., 138
Андреев Иван, подьячий, 82

Андреева Устинья, невеста, 206
Андрей Александрович, с.
Александра Ярославича
Невского, кн. городецкий, вел.
кн. владимирский, 24, 44, 111,
113, 114, 140, 142, 154, 172,
176, 188, 190
Андрей Васильевич Большой, с.
Василия Васильевича
Темного, кн. угличский, 20
Андрей Васильевич Младший, с.
Василия Васильевича
Темного, кн. вологодский, 24,
25
Андрей Владимирович, с.
Владимира Константиновича,
кн. угличский, 187, 189
Андрей Дмитриевич, с. Дмитрия
Ивановича Донского, кн.
можайский, кн. белозерский,
3, 99, 107, 163, 165, 168, 172,
213
Андрей Иванович Кобыла,
московский боярин, 62, 91, 96
Андрей Иванович, с. Ивана
Даниловича Калиты, кн.
серпуховской, 4, 16, 49, 52,
64, 83, 85 - 88, 97
Андрей Иванович, с. Ивана
Федоровича, кн. кемский, 116,
117, 119, 120, 146, 147, 153
Андрей Константинович, с.
Константина Васильевича,
вел. кн. нижегородский, 34, 41
Андрей Ослябя, инок Троице-
Сергиева мон-ря под
Москвой, 123, 125, 126, 129
Андрей Семенович, с. Семена
Ивановича, кн. галичский,
боярин московский, 53 - 55,
59, 71, 73, 75, 76
Андрей Федорович, с. Федора
Васильевича, кн. ростовский,

[illegible]

Романовича, кн. шехонский, 71

Афанасий Константинович, владелец печати, найденной во Пскове, 110

Афанасий, игумен, 54, 78

Ахмат, баскак, 43

Бадер О.Н., археолог, 80

Басаков Венедикт Федорович, 42

Басаков Григорий Гаврилович, 42

Басаков Иван Григорьевич, 42

Басаков Михаил Григорьевич, 42

Басаков Михаил Козьмич, 42

Басаков Нефед Захарович, 42

Басаков Парамон Григорьевич, 42

Басаковы, дворянская фамилия, 42, 43

Батый, хан татарский, 185

Бахмет, Усейнов сын, родоначальник кн. Мещерских, 22, 24, 25

Бегунов Ю.К., литературовед, 119, 120, 145

Беклемишев Никита Иванович, писец, переписчик, 68

Белозерские, княжеский род, 5, 16, 99, 101 - 108, 110, 111, 116 - 120, 122, 137 - 150, 152, 153, 155, 157 - 159, 163 - 166, 169 - 171, 173, 189, 213

Белоруссов Л.М., историк-краевед, 56

Белосельские, княжеский род, ветвь князей Белозерских, 104, 117

Беляев И., историк, 55

Бердибек, хан ордынский, 33

Березины, дворянский род, 50, 52, 82

Берка (в крещении Аникий), царевич Большой Орды, родоначальник Аничковых, 9, 100

Бестужев-Рюмин К.Н., историк, 69

Бибиковы, дворянский род, 154

Бобринский А.А., генеалог, 23, 42

Богдан, поповский староста, 205

Боголюбов Иван, подьячий, 68

Богословский М.М., историк, 152

Борзаковский В.С., историк Твери, 196

Борис Василькович, с. Василька Ростовского, кн. ростовский, 103, 111, 112

Борис Давыдович, с. Давыда Константиновича, кн. дмитровский, наместник вел. кн. Михаила Ярославича Тверского во Пскове, 51, 52, 91, 92, 94 - 96, 115

Борис Данилович, с. Даниила Александровича, кн. московский, 159

Борис Константинович, с. Константина Васильевича, кн. городецкий, вел. кн. нижегородский, 30, 38, 63, 74

Борис, псковский посадник, 85, 114, 115

Борисов Н.С., историк, 16, 17, 95, 127, 128, 129, 189

Бочкарев В.В., историк, 212

Боян, послух грамоты, 207

Брокгауз Ф.А., издатель энциклопедического словаря, 42, 51, 57

Брусенский И.И., историк, 12

Будовниц И.У., историк, 56

Булат-Темир, князь ордынский,

Булычов Н., генеалог, 42
 Бурланков Н.Д., историк, 130
 Бычков А.Ф., историк литературы, 56
 Вадбольские, княжеский род, ветвь князей Белозерских, 104
 Валуев Семен Васильевич, московский боярин, 60, 61, 63
 Валуев Тимофей Васильевич, московский боярин, 61
 Варвара, кнг. белозерская, 105
 Василий I Дмитриевич, с. Дмитрия Ивановича Донского, вел. кн. московский, 4, 8, 14, 26, 29 - 31, 33, 60, 62, 70, 71, 74, 76, 77, 89, 110, 138 - 140, 149, 172, 183, 201, 202, 210, 213
 Василий II Васильевич Темный, с. Василия Дмитриевича, вел. кн. московский, 24, 25, 46, 62, 67, 79, 80, 151, 182, 183
 Василий III Иванович, с. Ивана Васильевича, вел. кн. всея Руси, 25, 81
 Василий Александрович, с. Александра Глебовича, кн. можайский, кн. брянский, 163
 Василий Глебович, с. Глеба Васильковича, кн. белозерский, 104, 142 - 145, 153, 157, 164, 170
 Василий Глебович, с. Глеба Васильковича, кн. белозерский, 203
 Василий Давыдович, с. Давыда Федоровича, кн. ярославский, 11, 155 - 157
 Василий Дмитриевич, с. Дмитрия Романовича, кн. белозерский, 105 - 107, 138 - 140, 145, 153

Василий Иванович, с. Ивана Федоровича, кн. андожский, 105, 106, 145, 153
 Василий Константинович, с. Константина Борисовича, кн. ростовский и галичский, 50 - 53, 65, 67, 69, 193, 196, 197
 Василий Кочева, боярин, московский наместник в Ростове, 10
 Василий Михайлович, с. Михаила Васильевича, кн. кашинский, 87, 150, 164
 Василий Романович, с. Федора Михайловича, кн. сугорский, 104
 Василий Семенович, с. Семена Михайловича, кн. каргопольский, 149, 150, 153
 Василий Федорович, с. Федора Михайловича, кн. сугорский, 104 - 106, 109, 110, 117, 119, 143, 144, 153
 Василий Ярославич, с. Ярослава Владимировича, кн. серпуховской, кн. боровский, 67
 Василий, новгородский владыка, 43
 Василиса Семеновна, ж. Михаила Васильевича, кнг. кашинская, 87, 164
 Василько, кн. ростовский, 104, 112
 Вельбласмыш, татарин, 111
 Вельяминов Иван Васильевич, московский боярин, 102, 152, 164
 Вельяминов Тимофей Васильевич, московский окольничий, 60, 61
 Вельяминов-Зернов В.В., историк, 28

Верещагин А.С., историк Вятки,
76, 79, 81

Веселовский С.Б., историк, 42,
51, 52, 61, 62, 64, 70, 99

Ветлужские, князья, 53, 213

Виноградов Г.И., краевед-
историк, 8

Витовт, вел. кн. литовский, 34,
35, 76

Владимир (в крещении
Дмитрий) Константинович,
кн. угличский, 187, 189

Владимир Андреевич, кн.
ростовский, 190, 193

Владимир Андреевич, с. Андрея
Ивановича, кн. серпуховской,
6, 14, 23, 29, 48, 49, 81, 83, 84,
86, 88, 89, 91, 93, 97, 98, 116,
123, 182, 183

Владимир Андреевич, с. Андрея
Юрьевича, кн. шелешпанский,
105 - 107, 153

Водов В.А. (Vodoff W.),
историк, 12, 13, 15

Володша, псковский посадник,
115

Ворков Борис, землевладелец, 5

Воронцов Иван Федорович,
московский боярин, 60, 61, 70

Воронцов Микула Васильевич,
московский боярин, 9, 100

Воронцов Никита Иванович,
московский боярин, 70

Всеволод Большое Гнездо, вел.
кн. владимирский, 71, 115,
161, 187

Всеволожские, дворянский род,
64

Высоцкий С.А., историк, 211

Вячеслав, кн., 151

Гавриил Никитич, с. кн. Никиты
Федоровича Ветлужского, 76

Гавриил, житель Галичского

княжества, выходец из Твери,
54

Гайдуков П.Г., археолог, 110,
113, 139, 143, 156, 157, 160

Галицкий Борис Васильевич, 50,
51, 52

Галицкий Василий Васильевич,
51

Галицкий Василий Дмитриевич,
51

Галицкий Дмитрий Борисович,
50 - 53, 83, 88, 90, 93, 98

Галицкий Иван Васильевич, 51

Галицкий Федор Васильевич, 51

Галичские, княжеский род, 5, 48
- 53, 58, 60, 63 - 65, 67, 68, 71,
76, 77, 80, 82, 84, 86, 88, 90,
93, 98

Гедимин, вел. кн. литовский, 63,
143

Гемп К.П., историк культуры,
151

Георгий Тертерий, болгарский
царь, 186

Герасим, епископ коломенский,
72, 126

Глеб Василькович, с. Василька
Ростовского, кн. белозерский,
103, 104, 111 - 113, 140, 142,
144, 145, 153, 154

Глеб Ростиславич, с. Ростислава,
кн. смоленский, 141, 163

Глеб Семенович, с. Семена
Михайловича, кн.
каргопольский и ундонский,
116, 117, 119, 120, 145, 146,
150, 152, 153

Глебовичи, потомки кн. Глеба
Васильковича Белозерского,
122

Годунов Борис Федорович, царь,
69, 70

Голубева Л.А., археолог, 166,

- 167
- Голубовский П.В., историк
Смоленской земли, 141
- Голубцов В.В., генеалог, 23, 24
- Горский А.А., историк, 96
- Готье Ю.В., историк, 66, 68
- Гунн Г.П., искусствовед, 151
- Давыд Константинович, с.
Константина Ярославича, кн.
галичский и дмитровский, 50 -
53
- Давыд Федорович, ч. Федора
Ростиславича, кн.
ярославский, 176
- Давыд, архиепископ
новгородский, 85, 94, 114, 161
- Давыд, поп, послух грамоты,
207
- Даниил Александрович, с.
Александра Ярославича
Невского, кн. московский,
159, 162, 191
- Даниил, епископ
звенигородский и смоленский,
54, 72, 73, 75
- Даниил, монах Переславского
Троицкого мон-ря, 175
- Данило Борисович, с. Бориса
Константиновича, вел. кн.
нижегородский, 76, 77
- Деевы, княжеский род, ветвь
князей ярославских, 212
- Демин Л.М., краевед, 121, 122,
156
- Демьян Глебович, с. Глеба
Васильковича, кн.
белозерский, 103, 104, 142,
145, 153
- Державин Г.Р., поэт и
административный деятель
XVIII в., 150
- Джанибек, хан ордынский, 185
- Диев М., историк-краевед, 55
- Дмитреев Иван, писец рядной
грамоты, 205
- Дмитриев Л.А., литературовед,
118, 119, 120, 146, 151
- Дмитрий Александрович, с.
Александра Ярославича
Невского, вел. кн.
владимирский, 113
- Дмитрий Андреевич, с. Андрея
Семеновича, кн. галичского,
76
- Дмитрий Борисович Береза,
родоначальник Березиных, 52
- Дмитрий Борисович, с. Бориса
Васильковича, кн. ростовский,
112, 113, 187
- Дмитрий Борисович, с. Бориса
Давыдовича Дмитровского,
кн. дмитровский, 6
- Дмитрий Еремеевич, с. Еремея
Константиновича, кн.
дорогобужский, 201
- Дмитрий Жидимирич, сын
родоначальника Бибиковых,
111, 154, 155
- Дмитрий Иванович Донской, с.
Ивана Ивановича, вел. кн.
московский, 3 - 16, 20 - 23, 25
- 34, 41, 45, 47 - 53, 58, 60, 62 -
64, 67, 69 - 75, 83, 84, 86 - 94,
97 - 99, 101 - 103, 107, 110,
111, 116, 118, 122 - 127, 129 -
131, 133 - 138, 146, 147, 152,
159, 163 - 165, 168, 171, 172,
174, 177, 182 - 185, 190, 191,
197, 201 - 203, 207, 210, 212,
213
- Дмитрий Иванович, с. Ивана IV
Васильевича Грозного,
царевич, 87, 175
- Дмитрий Константинович
Ноготь, с. Константина
Васильевича, кн. суздальский,

60, 62 - 64, 69
 Дмитрий Михайлович Боброк
 Вслынский, московский
 воевода, 60, 61, 63
 Дмитрий Михайлович, 60
 Дмитрий Михайлович, с.
 Михаила Ярославича, кн.
 тверской, 198
 Дмитрий Романович, с. Романа
 Глебовича, кн. белозерский,
 106, 140 - 142, 145, 153, 189
 Дмитрий Романович, с. Романа
 Глебовича, кн. брянский, 141
 Дмитрий Юрьевич Красный, с.
 Юрия Дмитриевича, кн., 67,
 182
 Дмитрий Юрьевич Шемяка, с.
 Юрия Дмитриевича, кн.
 галичский, вел. кн.
 московский, 36, 151, 182
 Дмитрий-Фома Константинович,
 с. Константина Васильевича,
 кн. суздальский, вел. кн.
 владимирский, 30, 31, 33, 34,
 41, 45, 63, 83, 93, 101, 107,
 147, 149
 Добрынский Дмитрий
 Константинович Заяц, 62
 Добрынский Константин
 Иванович, московский
 боярин, 139
 Добрынский Семен Иванович,
 московский боярин, 63
 Довмонт, кн. псковский, 111
 Докучаев-Басков Ф.К.,
 каргопольский краевед, 151
 Долгоруков П.В., генеалог, 23 -
 25, 42, 50, 82, 83, 103, 104, 142
 Домослав, послух грамоты, 207
 Дорогобужские, княжеский род,
 ветвь князей тверских, 199,
 201
 Дорожка, послух грамоты, 207

Друцкие, княжеский род, 96
 Друцкий Иван, кн., 92, 96
 Дубинская Л.Г., историк-
 архивист, 28
 Думин С.В., генеалог, 39
 Дунаев Б.И., историк, 55, 56
 Евдокия Дмитриевна, ж.
 Дмитрия Ивановича
 Донского, вел. кнг.
 московская, 31 - 33, 74, 75,
 183, 202
 Евдокия Ивановна, ж. Василия
 Давыдовича, кнг. ярославская,
 157
 Евдокия, вторая ж. Константина
 Михайловича, кнг. тверская,
 199
 Евстафий, псковский кн., 115
 Евфимий, новгородский
 архиепископ, 109
 Евфимия, участница земельной
 сделки, 208
 Евфросинья Полиевктовна, ж.
 Петра Дмитриевича, кнг.
 дмитровская, 71
 Егоров В.Л., историк, 125, 126,
 128
 Едовин А.Г., археолог, 151
 Екатерина II Алексеевна, росс.
 императрица, 169, 189
 Елена Ольгердовна, ж.
 Владимира Андреевича, кнг.
 серпуховская, 81, 82
 Елена Ярославна, ж. Михаила
 Андреевича, кнг. верейская,
 212
 Елена, кнг. белозерская, 105
 Елена, первая ж. Ивана
 Даниловича Калиты, кнг.
 московская, 158, 209, 210
 Елисей Чечетка, настоятель
 московского Чудова
 монастыря, 72

Ельбердей, зять хана Улу-Махмета, 45

Ельчанинов И.Н., генеалог, 43, 103

Еремей Константинович, с. Константина Михайловича. кн. дорогобужский, 199

Ефрон И.А., издатель энциклопедического словаря, 42, 51, 57

Ефросин, составитель "Задонщины", 121

Жидило Жихнович, послух грамоты, 207

Жидимир, выходец из Орды, родоначальник Бибиковых, 154, 155

Жила, сокольник печорский, 172

Заозерские, княжеский род, ветвь князей ярославских, 212

Засецкий Василий Федорович, писец рядной грамоты, 205

Засецкий Константин Федорович, послух грамоты, 205

Захаров С.Д., археолог, 167, 168

Зверинский В.В., историк церкви, 56

Зернов Иван Дмитриевич, московский боярин, 139

Зернов Константин Дмитриевич Шея, московский боярин, 62

Зимин А.А., историк, 22, 48

Зиновий, игумен Троице-Сергиева мон-ря под Москвой, 71

Зотов Р.В., историк, 40

Иван III Васильевич, с. Василия Васильевича Темного, вел. кн. всея Руси, 20, 81, 168, 169, 175, 193

Иван IV Васильевич, с. Василия Ивановича, царь русский, 25,

87

Иван Александрович, с. Александра Глебовича, кн. смоленский, 141

Иван Андреевич Хромой, московский боярин, 60 - 62

Иван Андреевич, с. Андрея Дмитриевича, кн. можайский, 151, 168, 182

Иван Андреевич, с. Андрея Федоровича, кн. галицкий, 55

Иван Борисович Ива, родоначальник Ивиных, 52

Иван Владимирович, с. Владимира Андреевича, кн. серпуховской, 89

Иван Данилович Калита, с. Даниила Александровича, вел. кн. московский, вел. кн. владимирский, 3 - 21, 28, 31, 48, 49, 52, 53, 68, 78, 83 - 86, 88, 90, 92, 95, 96, 98, 99 - 103, 154 - 160, 162 - 164, 170, 172, 177, 191, 192, 194, 197, 200, 201, 203, 209, 210, 212, 213

Иван Дмитриевич Шемякин, с. Дмитрия Юрьевича Шемяки, кн., 36

Иван Дмитриевич, кн., 113

Иван Дмитриевич, с. Дмитрия Александровича, кн. переславский, 94

Иван Дмитриевич, с. Дмитрия-Фомы Константиновича, кн. суздальский, 147, 148

Иван Иванович Долгий, кн. ростовский, 193

Иван Иванович Красный, с. Ивана Даниловича Калиты, вел. кн. московский, вел. кн. владимирский, 4, 14, 16, 21, 28, 34, 46, 49, 83, 84, 88, 93, 96, 97, 100, 141, 176, 192, 203

Иван Михайлович, с. Михаила Александровича, вел. кн. тверской, 34

Иван Родионович Квашня, московский боярин, 60, 61

Иван Романович, с. Романа Юрьевича, кн. белосельский, 109

Иван Страцимир, видинский царь, 186

Иван Федорович, с. Федора Давыдовича, кн. галичский, кн. дмитровский, 14, 50, 52, 53, 63, 83 - 88, 98, 150, 164

Иван Федорович, с. Федора Ивановича, кн. стародубский, 9

Иван Федорович, с. Федора Михайловича, кн. белозерский, кн. копорский, 86, 101, 103, 105 - 109, 111, 114 - 116, 144 - 146, 149, 153

Иван Федорович, с. Федора Романовича, кн. белозерский, 12, 101, 102, 104 - 108, 117 - 119, 153, 171

Иван Шишман, тырновский царь, 186

Иван Ярославич, с. Ярослава Романовича, кн. пронский, вел. кн. рязанский, 26 - 28

Иван, поповский староста, 205

Иван, с. Ивана Ивановича Красного, княжич московский, 83

Иван-Александр, царь тырновский, 186

Иванов Роман, отрок, 206

Иванова В.Н., краевед, 56

Ивина Л.И., историк, 56, 177

Ивины, дворянский род, 50, 52

Игнатий, епископ ростовский, 112

Игнатъев Кузьма, слуга Троицкого Калязина монастыря, 208

Иловайский Д.И., историк, 26, 27, 118, 147

Ильинский Григорий Алексеевич, священник, послух грамоты, 204, 205

Ильичев Алексей, председатель Жилевского сельсовета Каширского уезда, 206

Индый, посол татарский, 196

Иоанн, новгородский владыка, 71

Иов, патриарх, 69

Иосиф, нижегородский протопоп, 205, 206

Исаакий, настоятель московского Чудова монастыря, 72

Кавгадый, посол татарский, 94, 95

Казанчий, посол татарский, 196

Казимир, вел. кн. литовский, 34

Калачов Н.В., историк-архивист, 31, 210

Карабанов П.Ф., архивист, 82

Карамзин Н.М., историк, 3 - 5, 9, 21, 23, 25, 27, 50, 53, 55, 73, 83, 117, 118, 123, 160, 189, 190

Каргаломские, княжеский род, ветвь князей Белозерских, 104, 120, 138

Каштанов С.М., историк, 15, 16, 212

Квашнины, дворянский род, 61

Кемские, княжеский род, ветвь князей Белозерских, 104, 117, 118, 120, 138, 147

Кемский Давыд, кн., 138

Киприан, митр. киевский и всея Руси, 73, 123, 126, 128, 179

Кирилл, митр. киевский и всея

Руси, 112, 188
 Кирилл, основатель Кирилло-Белозерского мон-ря, 107
 Киссель Ф.Х., историк Углича, 174, 175, 188, 190, 191
 Кишкин И.В., краевед, 94
 Клосс Б.М., историк, 17, 127, 136, 138
 Ключевский В.О., историк, 5, 7, 123, 124
 Кобылин Гаврила Андреевич, московский боярин, 91
 Козловский Андрей Афанасьевич, переписчик, 68
 Конев С.В., генеалог, 104, 105, 140
 Константин Александрович, с. Александра Юрьевича, кн. ме-щерский, 22
 Константин Борисович, с. Бориса Васильковича, кн. ростовский, кн. угличский, 112, 113, 187, 196, 197, 200, 203
 Константин Васильевич, кн. суздальский, 63
 Константин Васильевич, с. Василия Константиновича, кн. ростовский, московский наместник в Угличе, 10, 64, 65, 176, 191 - 193, 196, 200, 201
 Константин Всеволодович, с. Всеволода Большое Гнездо, кн. ростовский, 187
 Константин Данилович, мифический сын кн. Даниила Московского, 191
 Константин Иванович, с. Ивана Федоровича, кн. белозерский, кн. копорский, 103, 104, 108 - 110, 116, 138 - 140, 146, 149, 153

Константин Михайлович, с. Михаила Ярославича, кн. тверской, 195, 198 - 201
 Константин Федорович Улемец, с. Федора Ростиславича, кн. ярославский, московский наместник в Угличе, 176, 200
 Константин Ярославич, с. Ярослава Всеволодовича, кн. галичский, 50 - 53, 71, 90, 188, 189
 Конча, татарский посол, 197
 Кончака (в крещении Агафья), ж. Юрия Даниловича, кнг. московская, 159, 195 - 198
 Копанев А.И., историк, 9 - 13, 99, 100, 105, 155, 156, 159, 166, 168
 Копорские, княжеский род, ветвь князей Белозерских, 109 - 111, 114, 116, 143
 Коробьин Михаил Яковлевич, переписчик, 68
 Костомаров Н.И., историк, 124
 Кошечев В.Б., архивист, 176
 Кривошеев Ю.В., историк, 17, 18, 44, 45
 Кудряшов Е.В., историк-краевед, 57
 Кузьма Лоикович, послух грамоты, 207
 Кузьмин А.В., историк, 139, 154
 Кульпа, хан ордынский, 33, 34
 Кутлубуга, баскак, 44
 Кучкин В.А., историк, 13 - 16, 21, 32, 36 - 39, 48, 49, 52, 63 - 66, 84 - 86, 92 - 96, 101, 102, 114, 115, 120, 126 - 130, 145, 152, 154, 162, 165, 166, 170, 173, 174, 180, 184, 187, 192, 194
 Кювье Жорж, палеонтолог, 19
 Лаптев Гавриил, сын боярский,

168
 Ларионов Аким, подьячий, 68
 Ласкирев Никита Иванович,
 писец, 68
 Латышев И.Н., физик, 132
 Леонтий, ученик Сергия
 Радонежского, 128
 Лепер Р., естествоиспытатель,
 57
 Линева Тимофей Исаевич,
 переписчик, 68
 Лукин Василий, подьячий, 68
 Луппов П.Н., историк, 78
 Лурье Я.С., историк, 122, 138,
 165
 Лыков Федор Иванович, послух
 грамоты, 205
 Львов Иван, княжеский тиун на
 Белоозере, 107
 Любавский М.К., историк, 8, 9,
 11, 14, 21, 26
 Любарт Гедиминович, кн.
 волынский, 201
 Магмет-Аминь, царь казанский,
 168
 Магмет-Гирей, хан крымский,
 25
 Мазуров А.Б., историк,
 археолог, 72
 Макарий, игумен Троицкого
 Калязина монастыря, 208
 Макарий, игумен, послух
 грамоты, 204, 205
 Малыгин П.Д., археолог, 82
 Мамай, темник ордынский, 116,
 119, 121, 124, 126, 127, 129,
 130, 134, 135, 137, 147 - 149,
 184, 185
 Мария Александровна (в
 иночестве Фетинья), ж.
 Семена Ивановича Гордого,
 вел. кнг. московская, 96, 97,
 212

Мария Голендука, кнг.
 белозерская, 105
 Мария Ивановна, ж. Андрея
 Даниловича, кнг.
 серпуховская, 85
 Мария Ивановна, ж.
 Константина Васильевича,
 кнг. ростовская, 10, 200, 201
 Мария Ярославна, ж. Василия II
 Васильевича Темного, вел.
 кнг. московская, 193
 Маркс К, экономист, 170
 Мартемьян, священник села
 Лекеево под Нижним
 Новгородом, 206
 Мартин, дед свят. Пафнутия
 Боровского, баскак, 44
 Мархожа, посол татарский, 196
 Маршалков Дмитрий Иванович,
 послух грамоты, 205
 Махмат-Салтан, князь
 болгарский, 45
 Махмет (Улу-Махмет), хан
 ордынский, 45
 Менгли-Гирей, хан крымский,
 34, 40, 46, 185
 Мензбир М.А., зоолог, 19
 Мещерские, князья, 22 - 25, 27,
 29, 33, 41, 44
 Мещерский Н.А., филолог, 137
 Мещерский Никифор, кн.,
 писец, 68
 Миловидов Н., историк
 Костромского края, 55
 Мингалев В.С., историк, 120,
 121
 Минь-Булат, даруга московский,
 45, 46
 Митрофан, епископ
 коломенский, 138
 Михаил (Михей) Васильевич, с.
 Василия Глебовича, кн.
 белозерский, наместник в

Копорье, 143 - 145, 170
 Михаил Александрович, с.
 Александра Михайловича, кн.
 микулинский, вел. кн.
 тверской, 92, 98, 174, 184,
 199, 201, 202
 Михаил Андреевич, с. Андрея
 Дмитриевича, кн. верейский и
 белозерский, 182, 212
 Михаил Бахметьевич Беклемиш,
 с. Бахмета Усейнова, кн.
 мешерский, 22
 Михаил Васильевич, с. Василия
 Константиновича, кн.
 ростовский и галичский, 53,
 67
 Михаил Васильевич, с. Василия
 Михайловича, кн. кашинский,
 87, 164
 Михаил Глебович, с. Глеба
 Васильковича, кн.
 белозерский, наместник вел.
 кн. Андрея Александровича,
 103 - 106, 111 - 114, 116, 118,
 142, 145, 149, 153
 Михаил Дмитриевич, кн., 76
 Михаил Федорович, русский
 царь, основатель династии
 Романовых, 55
 Михаил Ярославич, с. Ярослава
 Ярославича, кн. тверской, вел.
 кн. владимирский, 85, 94, 95,
 111, 114, 115, 142, 154, 157,
 160, 162, 172, 195, 196, 198,
 199
 Михаил(Михей) Васильевич, с.
 Василия Глебовича, кн.
 белозерский, наместник в
 Копорье, 149, 150, 153
 Михаил, управитель Печоры,
 172
 Михаил, участник земельной
 сделки, 208

Моисей, архиепископ
 новгородский, 160, 161
 Монастырев Дмитрий
 Александрович, московский
 боярин, 120, 148
 Монастыревы, дворянский род,
 99
 Московские, княжеский род, 7 -
 9, 16, 18, 20, 21, 30, 51, 87, 96,
 102, 103, 159, 170 - 172, 183,
 189, 192, 193, 200 - 203, 212 -
 214
 Муравьева Л.Л., историк, 163
 Муранчик, кн. мордовский, 38
 Муромские, княжеский род, 44
 Муртоза, казанский царевич, 24,
 25
 Наврус, хан ордынский, 34
 Нарбеков Потап, тверской
 писец, 82
 Наримонт (в крещении Глеб)
 Гедиминович, кн. литовский,
 143, 144
 Насонов А.Н., историк, 8, 9, 13,
 20, 34 - 36, 38, 41, 43, 45, 92,
 95, 96, 174, 193, 194, 198, 200
 Наумов Е.П., историк, 179
 Нащокин Ф.И., служилый
 человек, 55, 56
 Никита Иванович Байборода,
 легендарн. князь, 53 - 55, 70,
 76
 Никита Федорович, с. Федора
 Васильевича, кн. ветлужский,
 затем боярин московский, 60,
 62, 64, 69, 70, 73, 76 - 80
 Нифонт, архиепископ
 новгородский, 161
 Ногай, хан ордынский, 24, 186
 Ногтев Юрий Дмитриевич, кн.,
 62
 Ногтевы, княжеский род, ветвь
 суздальских князей, 62

Носовский Г.В., соавтор А.Т. Фоменко, 130
 Озеринин Н.В., историк, 12
 Окинфиева Епистимия, 205
 Окинфов Есип Дмитриевич, землевладелец, 208
 Олег Иванович, с. Ивана Александровича, вел. кн. рязанский, 22, 28, 47, 31, 61, 62, 134, 135
 Олег Романович, с. Романа Михайловича, кн. Брянский, 40
 Олисей Константинович, новгородский тысяцкий, 109, 110
 Ольгерд, вел. кн. литовский, 63, 92
 Онанья Константинович, новгородский тысяцкий, 110
 Орлов А.М., историк, 29
 Орлов А.С., литературовед, 124
 Осан, князь болгарский, 45
 Осинины, дворянский род, 50, 52
 Осокин Семен, подьячий, 68
 Осьминский Т.И., историк, 12
 Павел Обнорский, основатель Павло-Обнорского Троицкого мон-ря под Вологдой, 177
 Парфений Федорович, боярин нижегородский, 38
 Патрикий Наримонтович, служилый князь в Новгороде, 110
 Пафнутий Боровский, свят., 44, 46
 Перхушков Григорий, воевода вел. кн. Василия Темного, 79
 Петр Дмитриевич, с. Дмитрия Ивановича Донского, кн. дмитровский и угличский, 3, 71, 87, 98, 164, 174, 190, 213

Петр, митр. киевский и всея Руси, 9
 Петров П.Н., генеалог, 25, 50, 103, 119, 191
 Петров Тарасий, нижегородский гость, 38
 Пимен, митр. киевский и всея Руси, 66, 73, 89
 Писарев Семен Иванович, переписчик, 68
 Платонов С.Ф., историк, 7, 12, 13, 208
 Плюшар А., издатель энциклопедического словаря, 43
 Погодин М.П., историк, 175, 176
 Подосинов А.В., историк, 179
 Порфирий, архимандрит, 72
 Преображенский А.А., историк, 57, 58
 Пресняков А.Е., историк, 6 - 8, 91
 Пржиалковский А.Г., историк-краевед, 57
 Приселков М.Д., историк летописания, 128
 Пронская Соломанида Константиновна (урожд. Сугорская, во втором браке Хованская), кнг., 204
 Протопопов Борис, подьячий, 68
 Прохор, епископ ростовский, 198
 Прус, мифический брат римского императора Августа, 25
 Пушкарева Н.Л., историк, 32, 207, 210, 211
 Пятунин П., каргопольский краевед, 152
 Рагозин Артемий, подьячий, 68
 Ребровский Н.Д., генеалог, 43
 Ржевская Елена Михайловна,

205
 Ржевский Василий Михайлович, 205
 Ржевский Замятня Михайлович, 205
 Роман Владимирович, с. Владимира Константиновича, кн. угличский, 187, 189
 Роман Глебович, с. Глеба Васильковича, кн. белозерский, служилый князь в Новгороде, 104, 140 - 142, 145, 153
 Роман Глебович, с. Глеба Ростиславича, кн. брянский, кн. смоленский, 141, 142
 Роман Михайлович, с. Михаила Глебовича, кн. белозерский, 11, 100 - 103, 105, 106, 139, 153 - 158, 163, 164, 170, 171
 Роман Юрьевич, с. Юрия Васильевича, кн. белосельский., 109
 Роман, монах, 54
 Роман, служилый князь в Новгороде, 108, 110
 Романов Ждан, подьячий, 68
 Романовы, династия русских царей, 161
 Ростислав Мстиславич, с. Мстислава Владимировича, кн. смоленский, кн. киевский, 179
 Ростовские, княжеский род, 52, 58, 65, 67 - 69, 84, 111, 154, 187, 190 - 193, 196, 203, 213
 Рудаков В.Н., филолог, 132, 133
 Руммель В.В., генеалог, 23, 24, 51
 Русинов Н.Д., историк, 175
 Рыбаков Б.А., историк, археолог, 178, 179
 Рюрик, родоначальник русских

князей, 63, 64, 70
 Рюриковичи, 212
 Рязанские, княжеский род, 162
 Сабанчий, посол татарский, 196
 Савва, ученик Сергия Радонежского, 128
 Савелов Л.М., генеалог, 43, 103
 Сахаров А.М., историк, 56, 166, 167
 Свирлова А.К., физик, 132
 Святослав Глебович, с. Глеба Ростиславича, кн. можайский и брянский, 163, 164
 Святослав Ярославич, с. Ярослава Ярославича, кн. тверской, 44, 162
 Секиз-бий, выходец из Орды, 38
 Селиванов А.В., историк, 42
 Семен Борисович Осина, родоначальник Осининых, 52
 Семен Васильевич, с. Василия Федоровича, кн. кемский, 105, 106, 147, 149, 153
 Семен Владимирович, с. Владимира Андреевича, кн. серпуховской, 81
 Семен Иванович Гордый, с. Ивана Даниловича Калиты, вел. кн. московский, вел. кн. владимирский, 4, 16, 20, 28, 83, 84, 87, 92, 93, 96 - 99, 158 - 160, 162 - 164, 170, 171, 176, 201, 203, 212
 Семен Иванович, с. Ивана Федоровича, кн. галичский, затем боярин московский, 53, 60, 62 - 64, 69, 71, 73 - 75, 78
 Семен Константинович, с. Константина Михайловича, кн. дорогобужский, 199
 Семен Михайлович, с. Михаила (Михея) Васильевича, кн. каргопольский, 105, 116, 117 -

- 120, 145 - 150, 152, 153, 170, 171
- Семенов-Тянь-Шанский П.П., путешественник, географ, 151
- Семенченко Г.В., историк, 86
- Семячко С.А., литературовед, 55, 58, 73, 82
- Сергеевич В.И., историк права, 5, 6, 8, 9, 13, 20, 213
- Сергий Радонежский, иг. Троице-Сергиева мон-ря под Москвой, 17, 122 - 131, 135, 137, 138, 177, 192, 194
- Серебренников Григорий Дмитриевич, житель Углича, 175
- Серебренников И.П., купец-собиранье, 176
- Серебренниковы, купеческий род, 176
- Серкиз, царевич Большой Орды, 38
- Серпуховские, княжеский род, ветвь князей московских, 98
- Сигизмунд, вел. кн. литовский, 34, 40, 46, 185
- Симонов Р.А., историк календаря, 132, 133
- Скоровский Марк Иванович, крестьянин Прилуцкого монастыря, 205
- Скрынников Р.Г., историк, 137, 138
- Смагин Дмитрий Никифорович, крестьянин д. Ступино, 206, 207
- Смагина Наталья Алексеевна (урожд. Чуткина), крестьянка д. Ступино, 206
- Смирнов М.И., историк, 23, 27
- Смирнов Я.Е., архивист, 176
- Смоленские, княжеский род, 141, 142
- Смолянин Иван, послух грамоты, 207
- Снегирев И.М., историк Москвы, 87, 150
- Соловьев С.М., историк, 4, 5, 26, 50, 51, 65, 83, 90, 100, 117, 118, 123, 160
- Сонин Андрей Васильевич, переписчик, 68
- Софонов Терентий, священник, послух грамоты, 204, 205
- Софья Витовтовна, ж. Василия I Дмитриевича, вел. кнг. московская, 21, 149, 151, 210
- Софья Юрьевна, первая ж. Константина Михайловича, кнг. тверская, 198 - 202
- Срезневский И.И., филолог, 7, 208, 209
- Старков Иван Федорович, московский боярин, 21
- Старковы, боярский род, 38
- Степанов Н.В., специалист по хронологии, 75
- Столярова Л.В., историк, 14, 49, 84, 85, 94, 114, 115
- Строев М.П., историк, 72
- Суворов А.В., археолог, 151
- Сугорская Мария Ивановна (урожд. Кемская), кнг., 204
- Сугорская Марья, кнг., 204
- Сугорские, княжеский род, ветвь князей Белозерских, 104
- Сугорский Константин Ахметевич, кн., 204
- Суздальские, княжеский род, 30, 41, 62, 74, 77, 149, 171
- Сульменев Замятня Константинович, послух грамоты, 205
- Сульменев Тишина Константинович, 205
- Сухой, писец рядной грамоты,

Сырцов И.Я., историк, 55
 Таитемир, посол татарский, 196
 Тайдула, ханша ордынская, 47
 Тамерлан (Тимур), эмир, 29, 74
 Тарасий, епископ ростовский, 113
 Тарасов А., историк, 36
 Татищев В.Н., историк, 113, 117, 123, 163, 188 - 190
 Тверские, княжеский род, 97, 98, 156, 163, 184, 194, 198, 213
 Темир-Кутлуй, хан ордынский, 35
 Темир, даруга рязанский, 45, 46
 Тешата, контрагент брачной сделки, 207, 211
 Титов А.А., историк Ростовского края, 56, 175
 Тихомиров М.Н., историк, 25, 79, 81, 86, 91, 92, 124, 166, 176 - 178, 180
 Тихомиров Феоктист, подьячий, 68
 Тихон, монах, 54
 Тихонравов Н.С., историк древнерусской литературы, 133
 Тиц А.А., искусствовед, 56
 Товлубий, посол ордынский, 96
 Токмаков И.Ф., историк, 90
 Толстой М.В., историк, 127, 128
 Тонин А., краевед подмосковного города Ступино, 207
 Тохтамыш, хан ордынский, 14, 33, 35, 74
 Трегубов М.И., генеалог, 42
 Туриков-Всеволож Никита Федорович, 62, 64
 Тютчев Захарий, московский посол к Мамаю, 134
 Узбек, хан ордынский, 11, 94,

96, 102, 155, 159, 173, 195
 Ульяна Федоровна, вторая ж. Ивана Даниловича Калиты, вел. кнг. московская, 83 - 86, 100, 203
 Ульяна, дочь Феоноста, старца Троице-Сергиева монастыря, 208
 Усеин Сараев, даруга татарский, 45
 Усень Хозя, даруга татарский, 45
 Устинья, ж. Андрея Ярославича, кнг. угличская, 189
 Ухтомские, княжеский род, ветвь князей Белозерских, 104
 Ухтомский Петр Александрович, кн., послуш грамоты, 204, 205
 Федор Александрович, с. Александра Михайловича, кн. тверской, 155, 156
 Федор Алексеевич, с. Алексея Михайловича, царь русский, 42
 Федор Андреевич Кошка, московский боярин, 60, 61, 62
 Федор Андреевич Свибло, московский боярин, 60, 61, 62
 Федор Васильевич, с. Василия Глебовича, кн. белозерский, наместник в Копорье, 143 - 145, 149, 153, 170
 Федор Васильевич, с. Василия Константиновича, кн. ростовский и галицкий, 50 - 53, 64, 65, 67, 192, 193, 194, 196
 Федор Давыдович, с. Давыда Константиновича, кн. галицкий, 15, 50 - 52, 83 - 85, 91, 203
 Федор Иванович, с. Ивана IV

Васильевича Грозного,
русский царь, 87, 175

Федор Константинович, кн
фоминский, 61

Федор Михайлович, с. Михаила
Бахметьевича, кн. мещерский,
22

Федор Михайлович, с. Михаила
Глебовича, кн. белозерский,
наместник вел. князя в
Пскове, 86, 101, 103 - 106,
111, 114 - 116, 150, 153 - 158,
164

Федор Олисеевич, новгородский
тысяцкий и посадник, 110

Федор Ольгович, с. Олега
Ивановича, вел. кн. рязанский,
26, 30

Федор Романович, с. Романа
Михайловича, кн.
белозерский, 10, 12, 99 - 107,
117 - 119, 147, 150, 153, 156,
158, 159, 171

Федор Ростиславич Чермный, с.
Ростислава Мстиславича, кн.
смоленский, кн. ярославский,
103, 113, 176, 200, 212

Федор Семенович, с. Семена
Ивановича, кн. галичский,
боярин московский, 53 - 55,
57 - 59, 71, 73 - 76, 78

Федор Семенович, с. Семена
Михайловича, кн.
белозерский, кн.
каргопольский, 87, 116 - 120,
145 - 150, 152, 153, 164

Федор, кн. киевский, 43

Федора (в иночестве Феодосия)
Ивановна, ж. Федора
Романовича, кнг. белозерская,
10, 12, 99, 100, 105, 159, 171

Федор-Святослав, болгарский
царь, 186

Феогност, митр. киевский и всея
Руси, 43

Феогност, старец Троице-
Сергиева монастыря, 208

Фехнер М.В., археолог, 81

Фигуровский Н.А., краевед, 57

Филарет Никитич, патриарх
московский и всея Руси, 205

Флоря Б.Н., историк, 36

Фоменко А.Т., математик, 130

Фоминский Иван Федорович
Собака, московский боярин,
60, 61

Фотий, митр. киевский и всея
Руси, 81, 82

Фофан, переписчик Евангелия,
14, 49

Хмыров М.Д., историк, 160 -
163

Хованский Данила Васильевич,
кн., 204

Холмогоров В.И., историк
церкви, 45, 66

Холмогоров Г.И., историк
церкви, 45, 66

Черепнин Л.В., историк, 11, 12,
22, 48, 56, 124, 125, 132, 178,
203, 209

Черменский П.Н., историк, 24,
27 - 29

Чернов С.З., археолог, 128, 170

Чириков Михаил Никитич,
составитель переписной книги
Твери, 82

Чистяков В.А., краевед, 56

Чичерин Б.Н., историк права, 5

Чуткина Евфимья Степановна,
крестьянка д. Ступино, 206,
207

Чуткина Мария Алексеевна,
крестьянка д. Ступино, 206,
207

Чуткина Ольга Алексеевна,

крестьянка д. Ступино, 206, 207

Шабульдо Ф.М., историк, 128

Шахматов А.А., историк русского летописания, 124

Шелешпанские, княжеский род, ветвь князей Белозерских, 104

Ширинские, князья, 25

Шмурло Е.Ф., историк, 9

Шонуров Андрей Иванович, воевода, 201

Шонуров Борис Иванович, 201

Шонуров Давид Иванович, воевода, 201

Щапов Я.Н., историк, 132

Экземплярский А.В., историк, 25, 26, 44, 48, 51, 56, 62, 83, 90, 103, 104, 107, 108, 112, 113, 115, 118, 142, 154, 158, 159, 162, 166, 187, 189, 191, 192, 196, 198, 199, 212

Эммаусский А.В., историк, 78, 79, 80

Энгельс Ф., социолог, 170

Юрий Александрович, с. Александра Константиновича, кн. ростовский, 191, 192

Юрий Васильевич, с. Василия Дмитриевича Кирдяпы, кн. шуйский, 76, 77

Юрий Васильевич, с. Василия Ивановича, кн. андожский, 105 - 107, 153

Юрий Васильевич, с. Василия Федоровича, кн. белосельский, московский наместник на Белоозере, 104 - 107, 153

Юрий Данилович, с. Даниила Александровича, кн. московский, вел. кн. владимирский, 94, 95, 143, 156 - 160, 191, 194 - 201, 203

Юрий Дмитриевич, с. Дмитрия Ивановича Донского, кн. галицкий, вел. кн. московский, 3, 46, 48, 67, 74, 76, 79, 80, 84, 90, 91, 183, 184, 213

Юрий Иванович, с. Ивана Федоровича, кн. андожский, московский наместник на Белоозере, 105 - 107, 145, 153

Юрий Никитич, с. кн. Никиты Федоровича Ветлужского, 76

Юрий Федорович, с. Федора Михайловича, кн. мешерский, 22, 23, 24, 26, 29

Юшко А.А., археолог, 179, 181

Ягайло, вел. кн. литовский, 134

Яким, контрагент брачной сделки, 207, 211

Яков, участник земельного спора, 208

Янин В.Л., историк, археолог, 101, 108 - 111, 113, 114, 138, 139, 143, 156 - 158, 160, 172, 180

Ярослав (в крещении Афанасий) Владимирович, с. Владимира Андреевича, кн. серпуховской, кн. малоярославецкий, 98

Ярослав Владимирович, с. Владимира Андреевича, кн. серпуховской, 212

Ярослав Всеволодович, с. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кн. переславский, вел. кн. владимирский, 50, 51, 71, 115, 189

Ярослав Ярославич, с. Ярослава Всеволодовича, кн. переславский, кн. тверской, вел. кн. владимирский, 44

Ярослав, кн. стародубский, 198

Географический указатель

Азов, г., 35
Алатырь, г., 28
Англия, 130
Андожский (Андомский) удел,
120, 145
Андреев городок, 22, 24, 44
Антоновское, с., 201
Арбузово, с., 32
Арзамас, г., 28
Астрахань, г., 35
Афанасьев, с., 205
Балыново, с-цо, 58
Баскаково, с., 32
Бежецкий Верх, обл., 8, 201
Бездеж, г., 37
Белое море, 151
Белое, оз., 166, 168
Белозерск, г., 166, 167, 169
Белозерский край, 9, 100, 105
Белозерский у., 99
Белозерское княжество, 84, 100 -
102, 111, 119, 120, 144, 145,
150 - 152, 154, 165, 168, 169,
173, 213
Белоозеро Старое, 113, 166 - 168
Белоозеро, 3 - 5, 7 - 13, 15 - 18,
20, 21, 31, 99 - 103, 111 - 114,
120 - 122, 144, 149, 150, 153,
157 - 159, 163, 165 - 173, 187,
189, 203, 207, 212, 213
Белый город в Москве, 80
Беляев Починок, д., 204
Березово поле, вол., 38
Беседы, урочище в Москве, 81
Богородицкое, с., 5, 194
Болвановская дорога, 116
Болгария, 179, 185, 186
Болгары, ист. обл. в Поволжье,

35, 45
Болдинская, земля в вол. Воре,
208
Борисовское, с., 3, 48
Борисоглебская половина
Ростова, 21, 65, 193
Боровск, г., 44, 46
Боровская тьма, 46
Бортенево, с., место сражения,
195
Боянова земля, 211
Брагино, д., 204
Бракотин, поч., 58
Браславская тьма, 40
Брянское княжество, 40
Бухара, ист. обл., 34
Вага, р., 65, 71
Ванино, д., 204
Варна, г. в Болгарии, 186
Василевское, с., 201
Великое, оз., 29
Великое, с., 168
Великолуцкая тьма, 40
Вель, вол., 71
Венгрия, 185
Венев, г., 15, 20
Веря, вол., 163
Ветлуга, г., 80
Ветлуга, р., 44, 45, 67, 70, 76, 78
- 81, 84
Ветлужские станы, 66
Ветлужский удел, 80
Видин, г. на Дунае, 186
Вильно, 185
Владимир, г., 4, 29, 36, 55, 71,
77, 89, 94, 101, 107, 149, 188,
198
Владимирская губ., 42
Владимирская обл., 27
Владимирская тьма (Владимира-
Волынского), 34, 40
Владимирское великое
княжение, 4, 13, 17, 21, 35,

36, 40, 41, 94, 184
 Вожа, р., 41, 61, 102, 120, 127,
 129, 130, 137, 148, 152, 164
 Вознесенский мон-рь в Москве,
 75
 Волга, р., 22, 54, 78, 94, 113, 177
 Вологда, г., 168, 173, 190
 Вологодская обл., 12
 Волок Ламский, г., 29, 89, 173
 Волочок. вол., 99, 171
 Волянь, ист. обл., 43, 178
 Вольское, вол., 3, 99
 Воронково, д., 204
 Ворохобино, с., 208
 Воря, вол., 208
 Воскресенский Солигаличский
 мон-рь, 53 - 59, 70, 73, 75, 76,
 79
 Восточная Европа, 57, 178, 179,
 192
 Выбута, местн., 109
 Выпряжково, д., 81
 Вышгород, г. на р. Яхrome, 180
 Вышгородский стан
 Дмитровского у., 71
 Вятка, г. См. Хлынов на р.
 Вятке.
 Вятка, р., 78 - 80
 Вятская дорога, вол., 45
 Вятская земля, 36, 78 - 82
 Гавшино, с., 91
 Галицкое, оз., 54
 Галич, 3 - 9, 11 - 18, 20, 21, 31,
 48 - 54, 56, 57, 63, 66 - 69, 73,
 74, 77, 78, 82 - 93, 96, 98, 158,
 165, 183, 203, 207, 212, 213
 Галичская десятина, 45, 66
 Галичский у., 66 - 68
 Галицкое княжество, 49 - 51, 66
 - 70, 84 - 86, 88, 213
 Гордошевичи, вол., 160, 163
 Городец, г. на Волге, 33, 36, 113,
 114, 154

Городище под Новгородом, 110,
 138, 160
 Городок Федосьин, вол., 99, 171
 Гусь, р., 28, 29
 Далмация, 185
 Двина, ист. обл., 71, 166
 Девичье поле под Коломной,
 116, 126, 131, 136
 Демидково, д., 204
 Денисово, 204
 Дмитров, г., 14, 48 - 50, 52, 86 -
 98, 164, 181, 212, 213
 Дмитровский край, 91
 Дмитровский у., 71
 Дмитровское княжество, 91, 93
 Дон, р., 22, 23, 43, 73, 104, 117,
 118, 125, 127, 129 - 131, 136
 Дорогобуж, г., 141
 Дубенка, р., 127
 Дубовица, д., 204
 Дуброва, д., 204
 Дунай, р., 186
 Елатьма, г., 24, 27, 28
 Жилково, д., 204
 Заволочье, ист. обл., 71, 173
 Завражье Занино, д., 204
 Завражье Пашуково, д., 204
 Залесская земля, 178
 Западная Россия, 35, 40, 46, 185
 Запьяние, вол., 38
 Заяцкая Орда, 35
 Заячков, вол., 160
 Звенигород, г., 72, 181, 213
 Игнатцово, д., 204
 Иерусалим, г., 54, 132
 Иледам, вол., 74
 Иран, страна, 34
 Кадом, г., 27
 Казань, г., 25, 168
 Калужская губ., 42
 Каменецкая тьма, 40
 Каргалом, вол., 152, 168, 169,
 171

Карголом, г., 169, 170
Карголомский удел, 120, 151
Каргополь, 120, 121, 150 - 152,
164, 168 - 173
Каргополье, обл., 151
Каргопольский у., 172
Касимов, г., 27, 28
Кашира, г., 180
Кемский удел, 120, 145, 146, 147
Киев, г., 59, 112, 126
Киевская митрополия, 179
Киевская тьма, 34, 40
Киевщина, обл., 178
Кирилло-Белозерский мон-рь,
107, 121
Киснема, вол., 170
Кистьма, вол., 8, 201, 202
Кишкино, д., 204
Кишь, вол., 37, 38
Кишь, р., 38
Клементьево, д., 204
Климово, д., 204
Клин, г., 95
Кляземское, язовище, 32
Клязьма, р., 27
Козельск, г., 179
Колашна, вол., 99, 171
Кологрив, г., 45, 66
Кологривская осада, 66
Коломенская епархия, 72
Коломна, г., 23, 28 - 30, 37, 61,
116, 123, 125, 126, 129 - 131,
133, 134, 136, 183
Колпь, р., 27
Колывань (позднее Ревель, Тал-
лин), г., 44
Комела, вол., 74
Константинополь, г., 73, 132
Копорье, г., 108, 111, 143, 144,
149
Корела, г., 111
Корельская земля, 108
Кострома, г., 3, 8, 48, 53, 55, 56,

73, 74, 76, 77, 94, 95, 197, 199
Кострома, р., 54
Костромская губ., 42, 43, 55
Костромская епархия, 45, 55
Крохинская, д., 167, 168
Крым, 25, 34, 178
Ксекжа, р., 28
Кубена, обл., 212
Кудрино Большое, с., 81, 82
Куликово поле, 61, 63, 88, 101 -
103, 105 - 108, 118, 119, 125,
129, 147, 159
Курмыш, г., 28, 38, 79
Курск, г., 43
Курская тьма, 40
Курша, р., 29
Кюлолаский пог., 108
Кюрьеский пог., 108
Лапшангская дорога, вол., 45
Лаче, оз., 102, 152
Лекеево, с., 205
Липовка Медведева, д., 204
Липы, урочище в Москве, 81
Литва, 34, 39, 40, 47, 61, 92, 101,
108, 109, 111, 128, 144, 156,
158, 177 - 180, 185
Лопасня, р., 61, 131, 134
Лохно, вол., 20
Луцк, г. и его тьма, 34
Малоярославец, г., 212
Матиево, д., 204
Медвежья Голова, местн., 115
Мещера, 20 - 33, 41, 47, 48, 96,
158
Мещерская низменность, 29
Мещерские города, 27, 28
Мещерский у., 28
Микульское, с., 3, 48
Милолюбский ез, 3, 99
Митрошово, д., 204
Можайск, г., 163, 168, 181, 213
Можайское княжество, 163, 212
Мокша, р., 41

- Молдавия, 179
 Молога, 187
 Мордовская земля, 61
 Москва, г., 4, 5, 7, 8, 10, 12 - 14,
 16 - 18, 24, 29, 30, 33, 37, 47,
 48, 50, 61, 63, 68, 72, 75, 80 -
 82, 86, 90 - 96, 98, 100, 101,
 103, 116, 118, 119, 123, 126 -
 131, 133 - 137, 147 - 149, 156
 - 158, 171, 174, 177, 178, 181,
 185, 194, 195, 197, 198, 200,
 210
 Москва, р., 27, 81
 Московия, 178
 Московская губ., 42, 43, 90
 Московская земля, 179
 Московская обл., 27, 133
 Московский у., 68
 Московское государство, 7
 Московское княжество, 4, 35,
 46, 91, 93, 97, 126, 182, 183
 Моча, р., 180
 Муром, г., 28, 29, 44
 Муромская земля, 35
 Нарва, г., 44
 Нарма, р., 29
 Неглинная, р., 81
 Немецкая земля, 35, 140
 Нижегородская губ., 42, 43
 Нижегородская обл., 80
 Нижегородское княжество, 36,
 37, 38, 183
 Нижний Новгород, 14, 29, 30,
 33, 36 - 38, 79, 93, 147, 205
 Низовская земля, 44
 Никитские ворота Белого города
 в москве, 80
 Никольский мон-рь на р.
 Шексне, 71
 Новгород Великий, 26, 35, 36,
 41, 44, 61, 71, 81, 101, 108 -
 111, 114, 116, 138 - 143, 151,
 154, 156, 158, 160, 161, 163,
 172 - 174, 178, 180, 185, 191,
 194
 Новое, с., 71
 Новоспасский мон-рь в Москве,
 87, 98, 150, 164
 Новый городок на Оке, 24, 25
 Оболенск, г., 179
 Огорок, д., 204
 Ока, р., 24, 25, 27 - 29, 41, 126,
 130, 131, 134, 136
 Олексийков Починок, д., 204
 Олонецкое наместничество, 150
 Ольгина гора, под Псковом, 109
 Онега, 151
 Орда, 9, 11, 14 - 18, 22 - 25, 33 -
 35, 38 - 41, 46, 47, 53, 59, 61,
 73, 74, 78, 92, 94 - 96, 98, 100
 - 102, 107, 111 - 113, 134,
 149, 154 - 157, 160, 163, 178,
 182 - 186, 194 - 196, 198, 211
 Ореховец, г., 144
 Орлец, г., 71
 Павловское, с., 20
 Парфеньев, г., 45, 66
 Парфеньевская осада, 66
 Перемышль, г. под Москвой,
 180, 181
 Переславль-Залесский, г., 8, 20,
 37, 92, 95, 183, 184
 Переяславль-Рязанский, г., 185
 Переяславский Троицкий мон-
 рь, 175
 Песочна, вол., 183
 Печерский мон-рь в Киеве, 54
 Печора, ист. обл., 172, 173
 Печорское море, 172
 Плес, г., 77
 Погорелово, д., 204
 Подол, часть Москвы, 21
 Подольск, г., 180
 Подольская тьма, 34, 40
 Полоцкая земля, 96
 Польша, 69, 179

Поморский край, 152
 Попково, д., 204
 Пошехонский у., 204
 Пресня, местность в Москве, 81
 Прибыtkовo, д., 204
 Прилуки, с., 177
 Прилуцкий Рождественский
 мон-рь, 177
 Протва, р., 25
 Псков, г., 35, 64, 81, 85, 86, 94,
 95, 108 - 111, 114 - 116, 132,
 144, 154, 185
 Пьяна, р., 38, 119, 147, 148
 Радонеж, г., 180, 181
 Ржева, г., 29, 89
 Рига, г., 109
 Рим, г., 130
 Рождественский мон-рь во
 Владимире, 32
 Рождественский мон-рь на
 Десятине в Новгороде, 161,
 162
 Романов, г., 15, 20
 Росолово, д., 204
 Россия, Русское государство, 3,
 9, 12, 14, 17, 23, 28, 31 - 36,
 38 - 42, 44, 45, 50, 53, 55 - 58,
 65, 73, 74, 91, 92, 94 - 96, 100,
 102, 103, 110, 118, 124, 125,
 127, 130, 132, 134, 151, 155,
 160, 165, 177, 178, 180, 185,
 194, 195, 197, 205, 207, 209,
 211
 Ростов, г., 5, 7, 10, 17, 20, 21,
 64, 65, 67, 77, 95, 111, 112,
 187, 190 - 201
 Ростовская епархия, 187
 Ростовская земля, 44, 154
 Ростовское княжество, 58, 112,
 187, 192 - 194, 196, 213
 Рудь, вол., 163
 Рыжунина, пуст., 204
 Рязанская епископия, 44

Рязанская земля, 35, 46
 Рязанская обл., 27
 Рязань, г., 29, 35, 134, 135, 137,
 185, 196
 Сагайтово, д., 206
 Самарканд, ист. обл., 34
 Самаровское, с., 20
 Сара, вол., 37, 38
 Сараева сына Еголтаева тьма, 40
 Сарай, столица Орды, 35
 Сарайская епископия, 44
 Святая гора (Афон), 54
 Север Русский, обл., 17, 121, 152
 Северка, р., 136
 Северная Двина, р., 65
 Северо-Восточная Русь, 15, 18,
 32, 33, 36, 40, 44, 48, 51, 56,
 65, 76, 92, 99, 101, 103, 107,
 112, 126, 128, 163, 166, 167,
 174, 180, 182, 184, 185, 187,
 192, 208, 212
 Семенцово, д., 204
 Серково, д., 204
 Серпухов, г., 89, 134
 Серпуховской удел, 49
 Сибирь, 176
 Слободка, вол., 99, 171
 Слугинское, д., 204
 Смоленск, г., 72, 92, 96, 141, 179
 Смоленская губ., 42, 43
 Смоленская земля, 141, 142
 Смоленская тьма, 34, 40
 Согорза, ист. обл., 204
 Сокальская тьма, 40
 Солигалицкая (Усольская)
 осада, 66
 Солигалич, г., 45, 53, 55 - 58, 66,
 67, 74 - 76, 82
 Солигалицкая десятина, 45, 66
 Соль Ростовская, 20
 Софийский собор в Киеве, 211
 Спасо-Прилуцкий мон-рь под
 Вологдой, 205

Спасская церковь в Твери, 195
 Спасский мон-рь в Галиче, 54
 Сретенская половина Ростова,
 65, 193, 194
 Стародуб, г., 9
 Старое Белоозеро, 169
 Студенец, руч., 81
 Ступино, д., затем город, 206,
 207
 Суда, вол., 99, 171
 Судай, г., 45, 66
 Судайская осада, 66
 Судогда, р., 27
 Суздаль, г., 32, 36
 Суздальская земля, 35
 Суздальское княжество, 41
 Сура, р., 38, 79
 Сурож (ныне Судак), г., 178
 Сырнево, д., 204
 Сяма, вол., 3, 190
 Тамбовская губ., 42
 Таруса, г., 33
 Тверская обл., 82
 Тверское княжество, 102, 179,
 184, 196
 Тверской Отроч мон-рь, 55
 Тверь, г., 35, 54, 62, 63, 82, 92,
 95, 96, 98, 101, 154 - 156, 159,
 162, 174, 190, 191, 195, 196,
 198, 199, 201, 202
 Телешево, д., 204
 Темников, г., 27
 Теребенское, с., 89
 Терпичево, д., 204
 Торжок, г., 89
 Тошна, вол., 3, 190
 Троице-Сергиев мон-рь под
 Москвой, 71, 123 - 130, 135,
 137, 138, 208
 Троицкий Калязин мон-рь, 208
 Тула, г., 40, 44, 46, 47
 Тульская тьма, 46
 Туровская вол., 206

Тутаново, с., 204
 Тушков, г., 180
 Углич, 3 - 5, 8, 11 - 13, 15 - 18,
 20, 21, 112, 158, 174 - 177,
 180, 186 - 188, 190 - 192, 197,
 198, 200 - 203, 207, 212
 Угличское княжество, 176, 191
 Ундоозеро, с., 152
 Унжа, г., 45, 66
 Унжа, р. (в бассейне Оки), 28
 Унжа, р. (в бассейне Волги), 80
 Унженская десятина, 45, 66
 Унженская осада, 66
 Успенский Княгинин мон-рь во
 Владимире, 72
 Успенский собор в Москве, 67,
 198
 Успенский собор во Владимире,
 72
 Успенский Стромынский мон-рь
 на р. Дубенке, 127, 128
 Успенский Шавыкин мон-рь на
 р. Дубенке, 128, 129
 Устюг Великий, г., 65, 112, 187
 Устюжна, г., 180
 Уяды, вол., 38
 Ферапонтов мон-рь, 167, 168
 Финляндия, 189
 Хатунь, г., 180
 Хлынов на р. Вятке (позже
 Вятка, Киров), 77, 78, 79, 80
 Хлынов, г. на р. Ветлуге, 53, 55,
 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82
 Хлыново, урочище в Москве, 80
 - 82
 Хлыново, урочище в Твери, 82
 Ходыня, р., 81
 Хопер, р., 43
 Цна, р., 28, 29, 41
 Червлёный яр, 43
 Череповецкий край, 8
 Чернигов, г., 43
 Черниговская тьма, 40

Черниговское княжество, 40
Чудов мон-рь в Москве, 72
Чухлома, г., 45, 56, 66, 73, 180
Чухломская осада, 66
Чухломское (Чудское), оз., 54
Шаготь, вол., 3, 99
Шацк, г., 27
Шексна, р., 71, 166
Шерна, г., 180, 181
Шишкино, д., 204
Шылово, д., 204

Юго-Западная Русь, 40, 128
Юдино, д., 204
Юрьев Немецкий (позднее
Дерпт, Тарту), г., 64
Ям, г., 108
Ярославль, 7, 15, 20, 77, 187,
190, 212
Ярославская губ., 42
Ярославская обл., 176
Яхрома, р., 91, 180

Содержание

Предисловие 3

Суть проблемы (3), Мнения историков (3), Постановка задач для дальнейшего исследования (18)

Глава I. Мещера 22

Князья Мещерские (22), Споры о времени "купли" Мещеры (26), Приобретение Мещеры Дмитрием Донским (29), Вопрос о "тьмах" и статусе Мещеры (33)

Глава II. Галич 48

Вопрос о времени перехода Галича под власть Москвы (48), Родословие галичских князей (50), Проблема "мифических" галичских князей (53), Приобретение Галича московскими князьями (82), Вопрос о Дмитрове (90)

Глава III. Белоозеро 99

Вопрос о времени приобретения Белоозера московскими князьями (99), Родословие белозерских князей (103), Князья Копорские (107), Белозерские князья "Сказания о Мамаевом побоище" (116), Вопрос о достоверности "Сказания о Мамаевом побоище" (122), Князья Каргопольские (137), Приобретение Белоозера московскими князьями (153), География московских владений на Белоозере (164)

Глава IV. Углич 174

Вопрос о времени присоединения Углича к Москве (174), О принципах составления "Списка русских городов" (177), Угличские князья XIII - XIV вв. (187), Ростов и московские князья (192)

Заключение 203

Именной указатель 215

Географический указатель 233

Научное издание

Аверьянов Константин Александрович

**КУПЛИ
ИВАНА КАЛИТЫ**

ЛР № 030173 от 21.10.1991 г.

Исполнительный директор
Е.Н. Мачульский

Подписано к печати 20. 04. 2001. Формат 60х90/16. Бумага
офсетная. Гарнитурa Arial, Times New Roman. Объем 15 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 86

Издательство "Энциклопедия российских деревень"
103064, Москва, Б. Харитоньевский пер., 21
(095) 207-70-08

Отпечатано в типографии Россельхозакадемии
115598, Москва, ул. Ягодная, 12.

